

110 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

ВОКРУГ СВЕТА

4 1980
АПРЕЛЬ

ВОКРУГ СВЕТА

№ 4 АПРЕЛЬ 1980

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЦК ВЛКСМ

ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ

Журнал основан в 1861 году

В. ЛЕБЕДЕВ — И вырастет защитный вал	2
ЮРИЙ ДАШКОВ — Встреча в Гельсингфорсе	8
В. ЛЯХОВЧУК — Возвращение Элисео Рольдана	12
ЛАСЛО МАРАФКО — Кунсентмартонские круго- светчики	15
В. КОРЯКИН — Набег на Хелефонну	16
И. ЩЕГОЛЕВ — Что за «витриной»?	20
ЮРИЙ СЕНКЕВИЧ — Остановка в пути	26
ЛЕОНАРД КОСИЧЕВ — Сложным фарватером	30
АНАТОЛИЙ СТЕРЛИКОВ — «Он крепко любил реку...»	34
Загадки, проекты, открытия	37, 61
С. КУЛИК — Жаждающая земля	38
В. ОПАРИН — Синяя Пала	43
А. РОГОВ — У скал Монерона	48
ДАЛАН — Горностаи Мындая	51
АНДРЕ БАНЗИМРА — Приговоренный обвиняет	52
РОБЕРТ ЧЕШАЙР — У земляков президента	59
Пестрый мир	62
«Вокруг света» 50 лет назад	63
Р. ХАЙНЛАЙН — Колумб был остолопом	64
Л. ОЛЬГИН — Вода для всех	64

На первой странице обложки: ЛЕНИНГРАД. Памятник В. И. Ленину у Смольного.

Главный редактор А. В. НИКОНОВ

Члены редакционной коллегии:

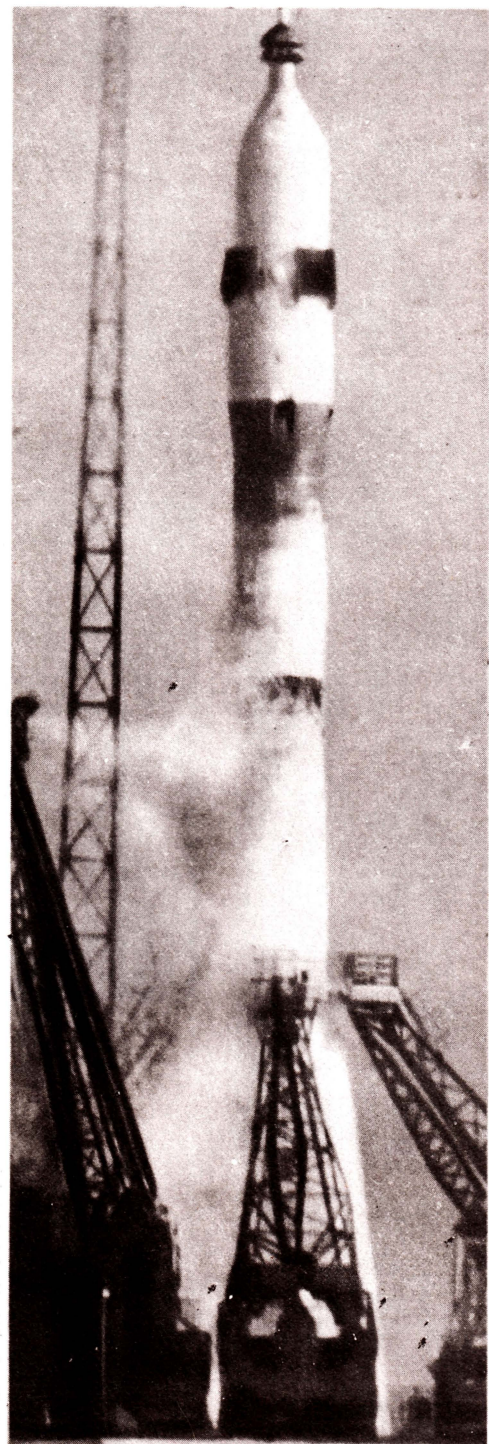
В. И. АЙКУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, Р. Ф. ИТС, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора), Г. В. МАКСИМОВИЧ (ответственный секретарь), Ю. А. СЕНКЕВИЧ, О. И. СОКОЛОВ, Е. В. ХРУНОВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ

Оформление А. Гусева и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются

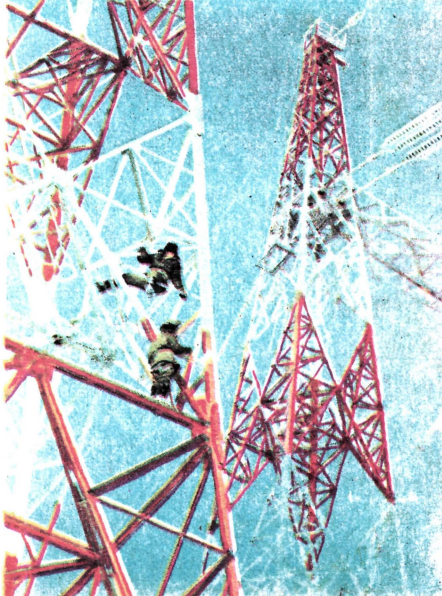
Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЛЕНИНИЗМ — ЗНАМЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ, КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЗИДАНИЯ И МИРА!

*Из постановления ЦК КПСС „О 110-й годовщине
со дня рождения Владимира Ильича Ленина“*

...Обеспечить в 1979—1990 годах строительство и ввод в действие сооружений защиты г. Ленинграда от наводнений протяженностью 25,4 километра...

Из постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР
«О строительстве сооружений защиты г. Ленинграда от наводнений»

В. ЛЕБЕДЕВ,
наш спец. корр.

И ВЫРАСТЕТ ЗАЩИТНЫЙ ВАЛ

Очередная передача радионовостей подходила к концу, как вдруг строгий голос диктора объявил: «К берегам Скандинавии движется циклон. Уровень воды в Неве на

163 сантиметра выше ординара, ожидается подъем воды до 220 сантиметров... Следующее сообщение слушайте...»

Надевая на ходу куртку и пытаясь разглядеть сквозь витражи

высоких окон, что делается на улице, я сбежал по широким виткам лестницы старого петербургского дома. Дубовая резная дверь, которую я с трудом отжал плечом, вырвалась из рук и пушеч-

но хлопнула за спиной. Ветер с Балтики рвал кепку с головы и, казалось, даже звенел чугунными цепями на Ломоносовом мосту. Его четыре гранитные башни сумрачно глядели в темную воду вздувшейся чуть не до самого моста Фонтанки. Волны плескались уже на ступенях спусков. Осевшее небо клубилось фиолетовыми тучами. На их фоне монументальная стена Пушкинского театра, забирающая желтый коридор улицы Росси, смотрелась нарочно придуманной декорацией...

Третье нынче наводнение, или 247-е за историю города, — беспокойная выдалась осень для Ленинграда. Хотя какая там осень: на дворе декабрь.

Правда, в сентябре 1979 года наводнение начиналось грознее. Мощный циклон, зародившийся в Норвежском море, с огромной скоростью устремился к Финляндии. Всю ночь и весь день 14 сентября над Финским заливом бушевал штормовой ветер, достигавший 25—28 метров в секунду. К четырем часам дня вода в Неве поднялась на 184 сантиметра выше ординара, затопив прибрежные участки городских районов. Даже перенесли на другой день рейс теплохода «Тарас Шевченко», идущего из Ленинграда в Астрахань.

Ветер хозяйничал в городе: ломал сучья вековых деревьев в садах, бросая их поперек дорожек. Против него было тяжело двигаться. В Гавани грузовики шли, как катера, гоня бамперами перед собой волны. Разумеется, были установлены круглосуточные дежурства на предприятиях и в учреждениях затопляемых районов, и, конечно, уже подсчитывали новый ущерб, причиненный городу наводнением...

В этот тревожный день, 5 декабря, прямо с набережной Фонтанки я направился за разъяснениями к метеорологам на Петроградскую сторону. Там, на Малой Невке, маяком в природной круговерти стоял невысокий куб здания, маня голубым светом крупных неоновых букв. На крыше, увенчанной куполом (внутри его находились метеоприборы), еще издали можно было прочесть: «Центр погоды».

— Уж здесь-то все доподлинно известно про непогоду, — переводя дух после уличной мокрети и ветра, обратился я к человеку, спешащему по лестнице.

— Ну, допустим, бюро погоды все точно может предсказать только о прошлом, — отшутился он и, пообещав вернуться через минуту, кивнул на висевший на стене стенд.

Языком фактов и цифр стенд рассказывал, сколько стихийных катастроф пришлось выдержать городу со дня своего возникновения, начиная с бурной августовской ночи 1703 года, когда затопило палатки солдат и рабочих. Вода в Неве за все годы поднималась выше двух метров 60 раз.

— Царь Петр после одного из наводнений записал: «У меня в хоромах было сверху полу 21 дюйм, а по городу свободно ездили на лодках», одним из первых обратив серьезное внимание на бедствия от наводнений, — говорит мой новый знакомый Евгений Владимирович Алтыкис, кандидат географических наук, и приглашает в комнату к метеорологам.

Здесь было трудно разговаривать из-за телефонного трезвона: весь город напряженно следил за изменением погоды.

— Да, «погода» слушает...

— Ветер? Фактически южный.

— Скорость? Метров 15 в секунду.

— Кто? Метрополитен спрашивает?

— Как водичка? Сейчас посмотрим...

На стене рядом с картой Ленинграда, где обозначены посты метеонаблюдений, висит коробка, напоминающая счетчик, в котором выскакивают цифры, показывающие уровень воды над нулем кронштадтского футштока, то есть уровнем Балтийского моря. Этот счетчик соединен с павильончиком-ротондой на Малой Невке. Я выхожу на набережную и вижу, как чернота воды захлестывает противоположный низкий берег, не одетый в гранит. Еще нет четырех часов дня, а уже смеркается. Пора ехать на Васильевский остров в Управление гидрометслужбы, где занимаются не только сегодняшней погодой, но и долговременными прогнозами. Там-то уж наверняка скажут, когда будет отменено штормовое предупреждение.

...В комнате «наводненческой» группы тоже висит в воздухе нескончаемый телефонный звон, который постоянно отвлекает от нашего разговора старшего инженера Нину Георгиевну Куприянову.

— Кто это? А, Москва... Нормально, уровень 162 над ординаром.

— Из Гавани спрашивают? Да, вода пошла на убыль...

— Кронштадт? Пошло на понижение? Хорошо...

Ничего не понимаю. Только что на счетчике в «Центре погоды» выскочила цифра 173 сантиметра.

— Такой быстрый спад воды? — обращаюсь к Нине Георгиевне.

Оказывается, просто разный отсчет уровня: там — от нуля кронштадтского футштока, а здесь — от ординара Горного института, что на 11 сантиметров выше уровня Балтийского моря.

— Наводнением мы называем подъем воды выше 150 сантиметров над ординаром, а штормовое предупреждение радио передает при прогнозе уровня до 2 метров и выше, — объясняет Куприянова. — А впрочем, уровень воды действительно обычно быстро снижается, силы у наших наводнений хватает на несколько часов, ну... не больше суток. Вот нынешнее наводнение началось с

уровня воды в устье Невы всего 30 сантиметров над ординаром. Сейчас — 162 сантиметра, и... подъем прекращается.

— Что же вы не даете отмену тревоги? Весь город волнуется.

— Дело в том, что может произойти второй подъем после «нулей» ночью... Не стоит торопиться.

— Но ведь уже с пятидесятых годов вы предсказываете наводнения. Так определите сейчас, что будет через несколько часов.

— Если бы все было так просто, то мы задолго предугадывали бы наводнения, но... Вы ясно представляете причину наводнений?

— Ну, ветер, волны, вообще, буйство стихий... и «прегражденная Нева» обратно шла, гневна, бурлива...».

— Что же, картина точная, особенно для поэта, но еще до Пушкина один капитан флота указывал, что повинно в разливе Невы Балтийское море, — ученые тогда, к сожалению, не придали значения этому ценному наблюдению. Ветер тут может быть соучастником, но не он главный виновник.

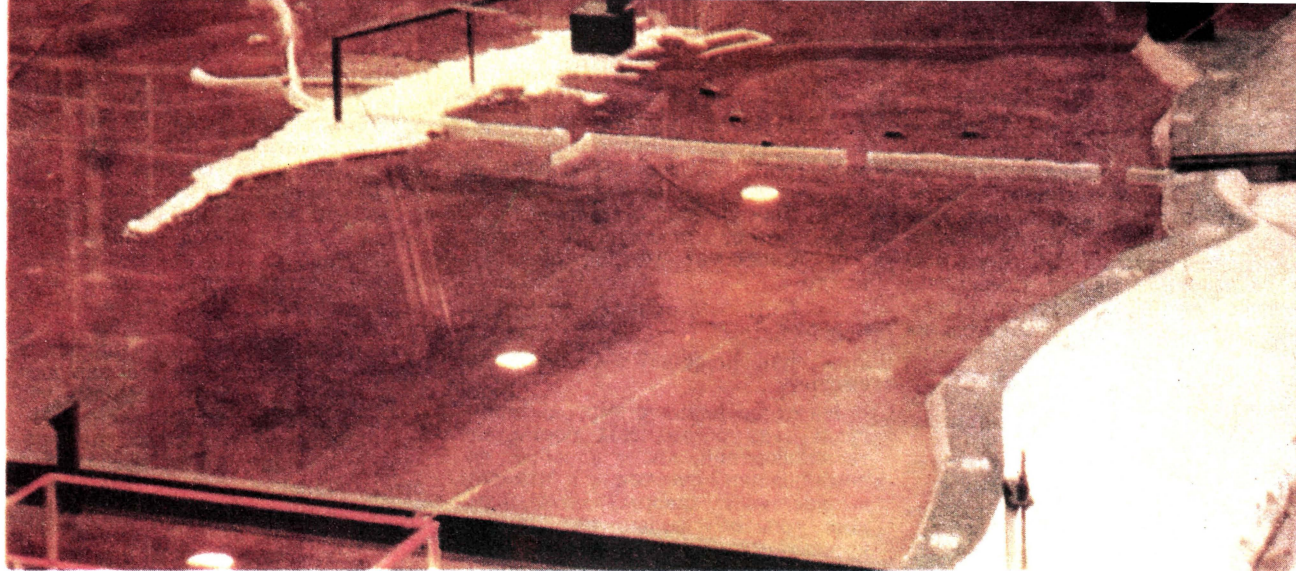
— Возьмем нынешнее наводнение... Когда циклон подошел к берегам Скандинавии, то по морю, через Финский залив, прошла ложбина с теплым фронтом, — несколькими штрихами Нина Георгиевна рисует путь циклона. — Он раскачал Балтику: большие массы воды переместились к горлу Финского залива. Образовалась длинная волна, которая и глазом-то не видна — высота ее невелика в открытом море. Причем подъем воды может произойти и без ветра. Двигаясь дальше, волна вырастает за счет сужения Финского залива и уменьшения его глубины, а попадая в совсем уже узкую его часть — Невскую губу, намного увеличивает свою высоту. В этот момент объем воды в Невской губе превышает сток Невы в десятки раз.

— Как же все-таки предугадать появление длинной волны?

— Мы ежедневно получаем данные об уровне воды с нескольких точек побережья Балтийского моря (каждые три часа, а при угрозе наводнения — ежечасно). Чтобы узнать подъем воды в Неве, определяем амплитуду волны в Таллине, прогнозируем ветер к моменту подхода волны. Рассчитываем волновую и ветровую составляющие, складываем их и узнаем уровень воды в устье Невы.

— Значит, о бедствии можно заблаговременно предупредить ленинградцев?

— В том-то и дело, что все решается в считанные часы. Ведь

длинная волна развивает скорость курьерского поезда. Опасный уровень воды достигается за 5—7 часов, так как подъем происходит быстро, бывает даже на 50—100 сантиметров в час...

Прервав разговор, приносят телеграмму из Таллина: уровень воды двинулся вверх.

— Хотя об угрозе наводнения мы можем сказать и за 12 часов, однако более точный расчет вели-

чины подъема воды производим за 5—7 часов. Все равно наше предупреждение позволяет населению подготовиться и принять срочные меры перед бедствием. Если бы этот метод прогноза существовал в 1924 году, то Ленинград не так сильно пострадал бы от одного из самых крупных наводнений. Вот посмотрите точное описание разбухавшей стихии. Тем более что здесь речь идет о Васильевском острове, где мы сейчас находимся.

Прощаясь со мной, Нина Георгиевна оставляет на столе альбом с любопытными сведениями о наводнениях. Читаю выдержки из газет:

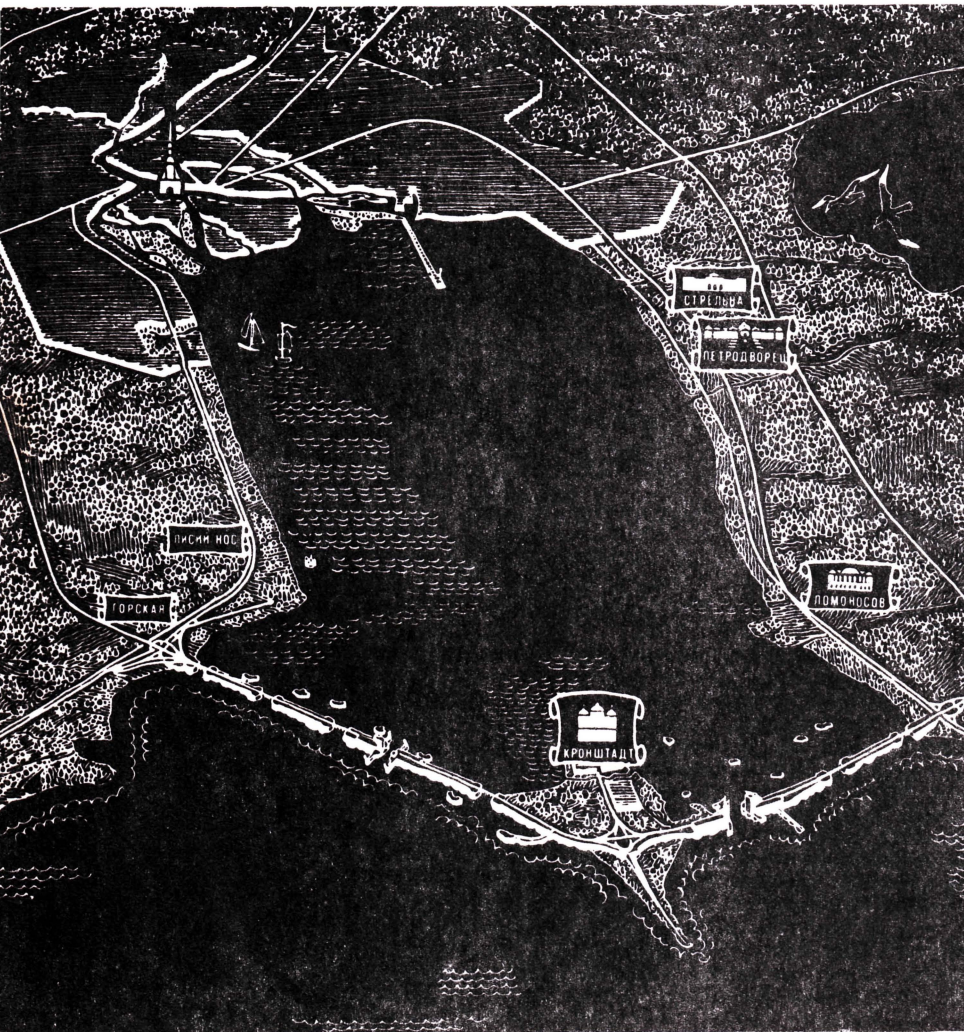
«Последний вагон га́ванского трамвая изо всех сил пытается опередить наступающие его мутно-желтые воды залива. Но отовсюду ему навстречу несутся такие же потоки воды... Люди бросаются в поток журчащей воды, стараясь достигнуть ближайших подъездов...»

К шести часам вечера весь Васильевский остров окунулся по пояс в море... Громадные деревья на Среднем и Большом проспектах вырываются с корнем и падают, повисая на телефонных и телеграфных проводах. Темнеет. Свет погас. Широкие волны ходят по улицам».

Зимний дворец высился островом посреди бурного моря, а одна заблудившаяся баржа чуть не протаранила стены Мраморного дворца. Казалось, что Летний сад выдержал тяжелейшую бомбардировку. Наводнение словно языком слизнуло известную «стрелку» на Елагинном острове, а сколько было разрушено набережных, мостов, трамвайных путей. Волны вышвыривали на берег даже суда с грузом.

Наводнение 1924 года принесло огромные убытки. Именно после этого известный ученый С. А. Советов писал: «Застраховать Ленинград от наводнений можно только посредством специальных сооружений, способных выдержать огромный напор воды со стороны моря. Другого выхода нет. Придет время, когда правительство СССР сможет отпустить для этой цели необходимые средства...»

Кончался необычный сумеречный день. Я возвращался по Васильевскому острову. За деревьями Румянцевского сада открылось черное полотно Невы, грозно выгнувшей спину к мостам. Сворачиваю у дворца Меншикова на набережную и еду мимо вечнозеленого строения Трезини —

alma mater, университет. Напротив него, через Неву, Медный всадник, от которого бежал пушкинский Евгений, а левее Исаакиевского собора — белые львы у подъезда (их путают подчас со львами у Дворцового моста), послужившие в самом деле убежищем от волн в 1824 году.

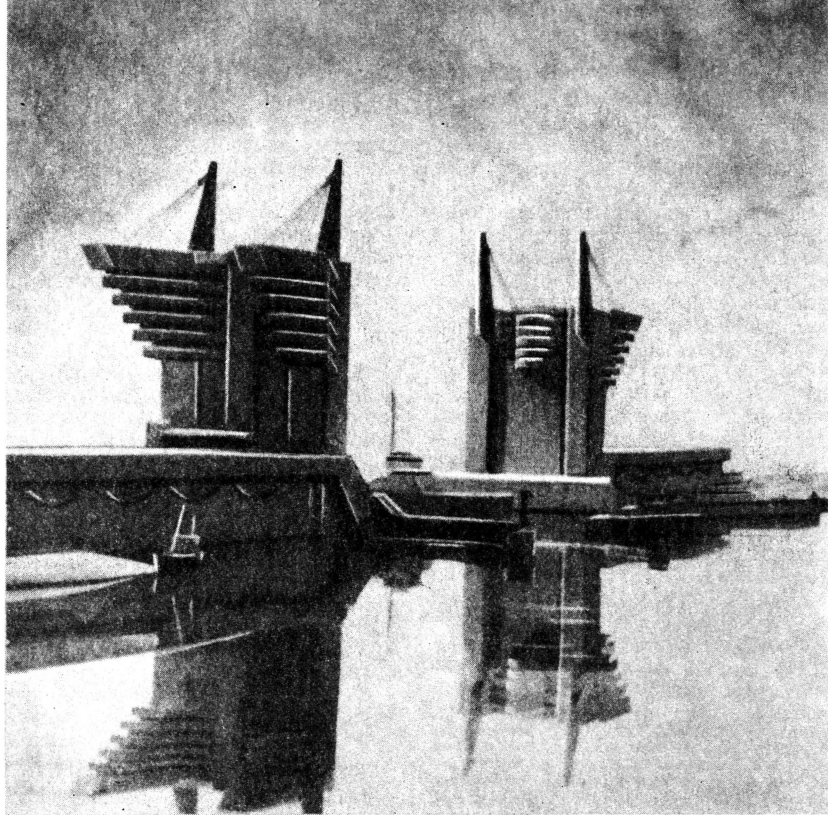
...Мне видятся теплые осенние дни 1955 года, когда было точно предсказано наводнение (четвертое по величине в истории города). В ЦПКиО среди залитых водой лужаек спасательными шлюпками стояли скамейки у клумб-островов. В университете организовали дежурства, и филологи вытаскивали пыльные архивы из его подвалов. Закончили работу ночью, когда разведенный Дворцовый мост вонзился в небо иглами чугунных столбов. Мы шлепали по набережной, залитой водой, выступавшей из всех люков, и по-студенчески азартно спорили: правы ли были Миних и Трезини, требуя насыпного грунта под здания, или уж надо было сразу строить дамбу, как предполагал Базен...

Эти известные имена постоянно мелькали в беседах в Кронштадте, куда я приплыл на следующий день после посещения Гидрометслужбы: на острове Котлине начались работы по возведению грандиозного защитного сооружения от наводнений. О строительстве его в августе 1979 года было принято постановление партии и правительства, которого очень ждали все ленинградцы.

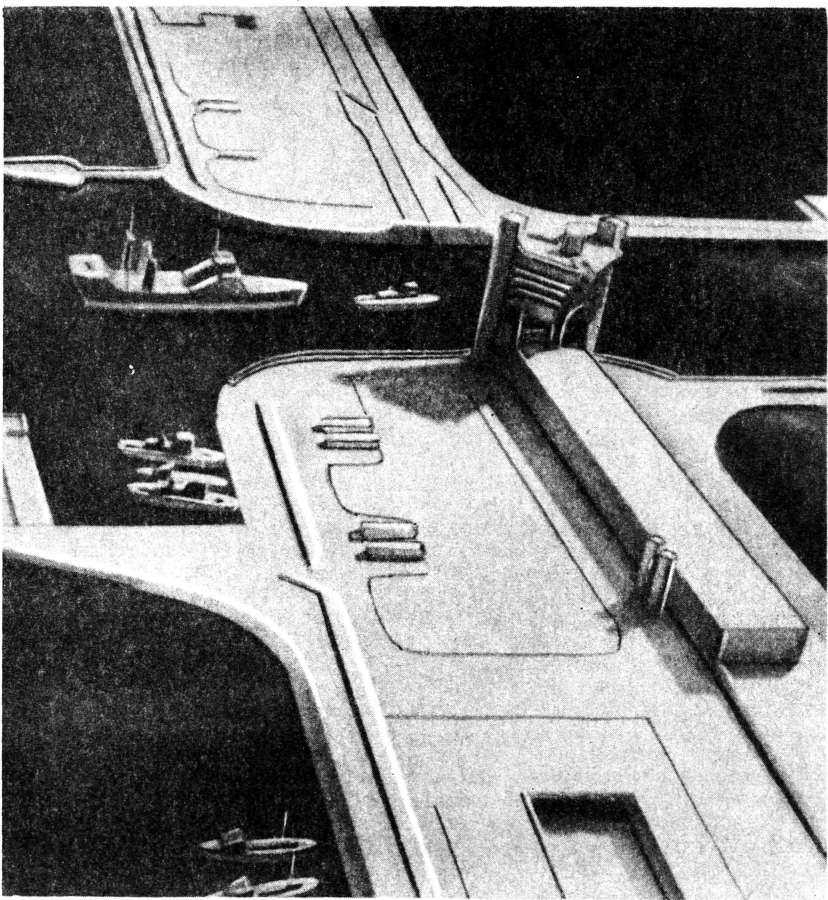
Паром запаздывал. Поживаясь от резкого балтийского ветра, я прохаживался по белому от инея асфальту дороги, врезавшейся в залив. Придет время — и недалеко отсюда взметнется на 8 метров над морем гигантский вал; он пересечет Финский залив — начнется от города Ломоносова и выйдет на другом берегу к поселку Горская. Это будет не только преграда для длинной волны. Замкнется кольцевая магистраль вокруг Ленинграда, и решится давний вопрос связи Кронштадта с Большой землей.

Лишь последние годы курсируют по расписанию ледокольные паромы, а раньше, случалось, на зимней не легкой дороге проваливались машины. Транспортную проблему начал решать еще Петр Первый, учредив почту с острова Котлина. Со временем ледовая дорога стала такой привычной, что один из современников писал: «Теперь вежи, будки с колоколами (звон колоколов не давал путникам сбиться с дороги. — Авт.), часовые поставлены на местах, построен настоящий кабак на сваях...» Ходили зимником пешком, ездили в кибитках, даже пытались проложить железную дорогу, но не получилось из-за подвижки льда.

Только в наше время шестирядная 25-километровая автотрасса

С лева — модель и схема комплекса защиты Ленинграда от наводнений; справа — эскизы судопропускных сооружений для прохода морских и речных судов.

пройдет по бетонной спине защитного сооружения, через Котлин, соединяя южный и северный берега Финского залива.

... Паром, наконец-то взявший на борт всех жаждущих попасть в Кронштадт, мелко дрожа от натуги, утюжит волну, покрытую барашками после вчерашнего циклона. Ближе к острову в иллюминаторах заскользили знаменитые форты, охранявшие вместе с Кронштадтом подступы к Ленинграду. Здесь уже нынешним летом трудились плавкраны и земснаряды, углубляя дно акватории. Между фортами, часть которых окажется в огражденной зоне, проходит старая валунная гряда шириной до 18 метров. Перед нею застревали вражеские корабли, попадая под обстрел береговых батарей. Она так основательно построена, что даже сейчас ее тяжело разбирать. Вообще опыт прежних строителей берется в расчет и сегодня.

Форты — эти искусственные острова — сооружались на мелководье. Примерно здесь же будет возводиться и нынешняя система защиты от наводнения. Строились форты удивительно быстро, несмотря на лютую зиму. Тысячи крестьян были согнаны на эту огромную стройплощадку, которую народ прозвал «ледяной степью». Вручную проделывали во льду лунки, а рядом рубили четырехстенные бревенчатые ряжи, похожие на колодцы. В них засыпался камень, привозимый по санному пути за 15 километров с северного берега. Люди трудились без праздников, выбивались из сил — торопились закончить работы до ледохода...

Перенимая прежнюю методику, именно на льду теперь устанавливают буровые вышки для исследования дна залива (проще и экономичнее, чем заниматься этим на волнах); требуется найти твердые геологические породы под фундамент для дамб, песчаные месторождения, чтобы строительные материалы были под рукой.

... На берегу все наши разговоры о сегодняшнем дне невольно переплетались с далеким прошлым. Сопровождавший меня по городу работник райкома комсомола Николай Иванов, очень гордящийся своим Кронштадтом, показывает на встречающийся всех гостей внушительный памятник Петру Первому.

— Если бы здания строились на насыпных террасах выше трех метров, как предлагал царь Петр, то рядовые наводнения были бы не страшны.

Словно подтверждая это, бронзовый Петр, гордо отставив ногу в ботфорте, указывает обнаженной шпагой вниз. Да, он тоже стоит на насыпном грунте.

Несколько позже мы смотрели с Ивановым старинные планы Кронштадта: бросились в глаза разночтения по длине острова. Ясно, остров был значительно увеличен за счет подсыпки. Дом Пет-

ра тоже строился на сваях и насыпном основании.

— Видите, трехэтажное желтое строение — там жил фельдмаршал Миних. Это он предлагал повышать искусственно местность, устраивать земляные валы и дамбы вдоль берегов. Попытался применять насыпку грунта при застройке низменных районов города архитектор Трезини. Эти идеи Петра и его последователей использовались, например, после наводнения 1824 года, но в основном они остались на бумаге. А жаль, — добавляет Иванов, — насколько меньше было бы жертв и ущерба от наводнений.

Мы идем по единственной в своем роде улице, покрытой чугунными плитами, и подходим к мосту через обводной канал, на котором еще с петровских времен сохранился сухой док для ремонта судов. Я схожу по лесенке под мост и вижу толстую металлическую планку с делениями, врытую в дно канала. Это и есть знаменитый кронштадтский футшток. Его 3,5 метра не хватило на наводнение 1824 года — бронзовая табличка укреплена выше на железной стойке моста.

В этот момент где-то за Морским собором глухо ухает выстрел. Стреляют обычно, когда уровень воды над ординаром доходит до отметки «метр» (выстрелы сопровождают затем каждое повышение на 10 сантиметров, а три выстрела гремят, если уровень достигает отметки в 1,5 метра), но теперь, я знаю, он, наоборот, снижается.

— О наводнении пушка предупреждала вчера, — улыбается Иванов, — а сейчас выстрел вещает полдень.

Чуть не забыли, что на это время намечена встреча с ребятами из отряда «Щит». Уже из названия отряда видно, что молодежь прибыла на строительство защитного сооружения, объявленного Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Нас ждали в блестящем свежей краской вагончике с радушно распахнутой дверцей. Парни в брезентовых куртках склонились над чертежом, разложенным на столе, и спорили.

— Хорошо, пила-то вскроет асфальт, а если заденем чужую проводку...

— Ну тогда здесь, на перекрестке, мы пропустим электрокабель через трубы...

— Тянем кабель с Морского завода на стройплощадку, ближе к побережью, — поясняет нам командир отряда Николай Глибин, с которым мы уже знакомы.

Один из первоклассных электросварщиков, он готовил на Бал-

тийском заводе «Арктику» и «Сибирь» в дальний путь, сам вызвался строить плотину. Николай переворачивает чертеж обратной стороной и, уверенно наметив контуры Котлина, показывает, в какой части острова будет строительный комплекс, бетонный завод, где пройдет дамба.

— Вы представляете, какая база нужна для такого грандиозного сооружения через весь залив. Вот, говорят, «дамба». На самом деле это целая система дамб, перемежающихся с водопропускными сооружениями. С севера делают водопропускной пролет для каботажного флота, а с юга будут главные морские ворота Ленинграда, там пойдут большие суда. Достаточно сказать, что этот 200-метровый пролет перекрывается двустворчатыми откатными воротами весом в 10 тысяч тонн — они могут закрываться, сокрушая лед, и должны выдерживать давление воды в 25 тысяч тонн и натиск ураганного ветра до 40 метров в секунду...

Глибин надевает каску и встает. — Давайте посмотрим все на месте. Поехали к «лесным братьям».

Так, оказывается, в отряде прозвали тех, кто расчищает от леса место под стройплощадку.

Машина выезжает из Кронштадта за толстую валунную стену и мчится по рытвинам, обдавая брызгами придорожный кустарник. Низкие, болотистые места с утопающими в воде березником да осинником. Сырой, пронизывающий ветер свистит в намытых земснарядами песчаных дюнах.

— Пока настоящая пустыня, — показывает на дюны Николай. — Но, видите, подальше, уже строятся жилые дома, здесь развернется строительный комплекс...

Перед глазами встает бетонная дорога. Будущая автогассса. Кажется, что наша машина уже взлетает на широкий гребень дамбы и мчится к Ломоносову. Автомобиль пронесится мостами над водопропускными сооружениями, ныряет в туннель под судоходным пролетом — десяток минут, и мы вылетаем, словно в ракете, на берег...

Защитное сооружение легкой дугой пересекает Финский залив, подставляя всю мощь своей груди ударам морских волн. Сверху все это сооружение похоже на натянутый лук. О нем мечтали профессор Советов и военный инженер Базен...

После самого сокрушительного наводнения 1824 года, когда на граните Петербурга была высечена отметка 4 метра 21 сантиметр выше ординара, Базен предложил перекрыть Невскую губу каменной

дамбой. Интересно, что она намечалась примерно в том же месте, что и нынешняя, и должна была иметь водоспуск и камерный шлюз. Но все же эта дамба по высоте не превышала трех метров и была глухая с северной стороны Котлина.

Мы стоим перед моделью уникального сооружения, которое разрабатывали 52 проектные и научно-исследовательские организации. Эту сложную систему, каких не было еще в мировой практике, называют «гребенкой» — трудно даже подобрать имя этому произведению человеческого разума. Рассказывая о нем, главный инженер проекта защиты Ленинграда от наводнений Сергей Степанович Агалаков всегда подчеркивает его природоохранительную функцию. Комплекс защиты отрезает у залива акваторию в 400 квадратных километров, способную аккумулировать весь сток Невы. Вопросами охраны вод, санитарным состоянием акватории занимались 20 организаций. Водопропускные отверстия и судопропускные пролеты по площади живого сечения больше сечения реки Невы в ее устье. Обеспечи-

вается пропуск рыбы и молоди, не нарушаются пути ее миграции...

При полностью закрытой плотине во время наводнения уровень акватории повышается за сутки лишь на полметра. Ошибочно считают, что наводнения, мол, очищают Невскую губу, наоборот, они загрязняют прибрежные воды.

Но сейчас мы находимся не у Агалакова в Ленгидропроекте, а в одном из больших залов института Гидротехники с доктором технических наук Леопольдом Валерьяновичем Мошковым. Глядя на модель, я пытаюсь уяснить, как здесь создаются стоковые течения Невы и ежедневные колебания уровня акватории Невской губы, отрезанной от залива.

— Особое внимание мы обращаем на изучение проточности в Невской губе, так как от этого зависит санитарное состояние акватории, — рассказывает Мошков. — Эта модель позволяет воспроизвести основные течения в Невской губе Финского залива, в районе сооружения. Было установлено, что оно не нарушает проточ-

ность, а даже несколько улучшает ее. А главное — маневрирование затворами водопропускных отверстий позволяет управлять течениями в огражденной акватории и тем самым обеспечивать промываемость отдельных участков.

Значит, ко всем достоинствам этой системы защиты прибавляется еще одно — возможность охраны окружающей среды.

...В тот же ветреный день я шел вдоль стены Петропавловской крепости к Невским воротам. Здесь, под их аркой, у спуска к Неве собраны памятные доски с отметками о высоте воды в годы бедствий. Одна черта прямо перед моими глазами — это 1824 год. Какая-то странная закономерность: большие наводнения каждые сто лет. Но в 2024 году, если и ринутся воды Балтики на приступ города, то их встретит твердыня морского щита Ленинграда. Наводнения не будет.

Ленинград,
декабрь 1979 года

ЮРИЙ ДАШКОВ,
кандидат исторических наук

Встреча в Гельсингфорсе

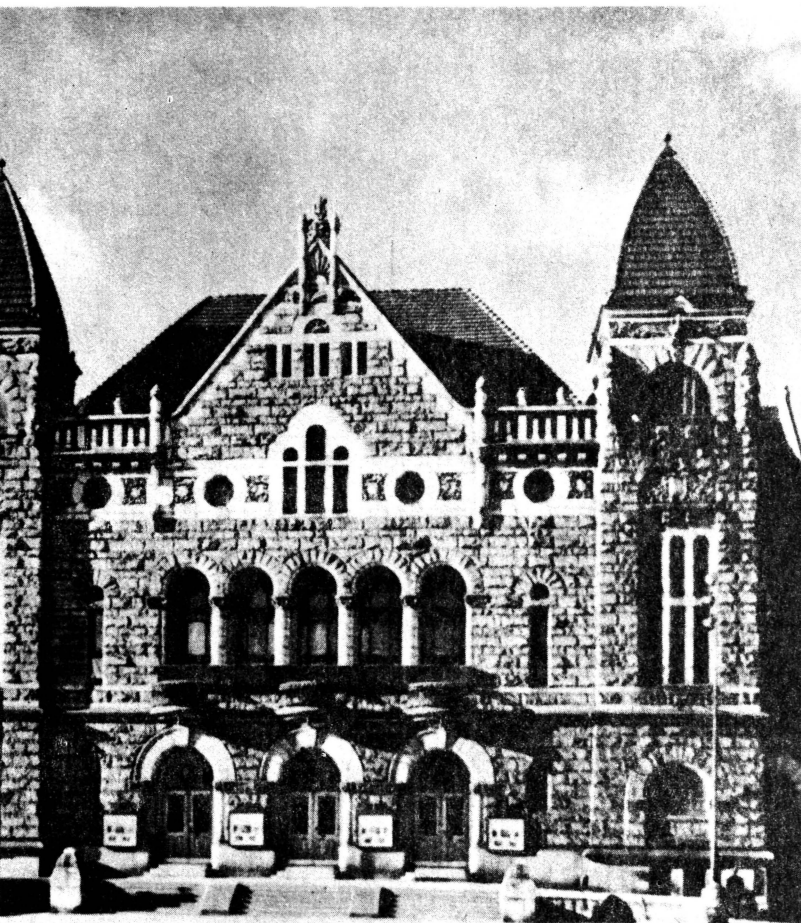
Помощник начальника Финляндского жандармского управления по Нюландской губернии ротмистр Лявданский вызвал к себе в кабинет унтер-офицера Закачуру и филера Веца.

— Важное задание! — сказал

он. — Максим Горький сегодня в Финском национальном театре будет призывать к революции. Пошлю вас в театр. Не пропускайте ни одного слова этого бунтаря. Завтра утром жду рапорт.

Зимним вечером Закачура и Вец встретились в конце Александров-

ской улицы и пошли к театру. Его фасад был ярко освещен. На огромной афише издалека можно было разобрать: «Сегодня, 1 февраля 1906 года, литературно-музыкальный вечер с участием Максима Горького». Закачура и Вец постояли возле афиши, вглядыва-

Финский национальный театр, где 1 февраля 1906 года был устроен литературно-музыкальный вечер с участием Максима Горького.

Дом № 19 по Елизаветинской улице. Здесь, на квартире большевика В. М. Смирнова, неоднократно бывал В. И. Ленин.

ясь в лица прохожих, а затем предъявили билеты контролеру, разделись и пошли на свои места в заднем ряду партера. Зал быстро наполнялся и празднично гудел. У входной двери образовалась толкучка: зрители нарасхват покупали какие-то книжечки в красных обложках. «Что это? Сходи, купи!» — приказал Закачур Вецу.

В это мгновение огромный зал вздрогнул от аплодисментов. На сцену поднималась группа людей. Впереди — высокий сутулый мужчина с вислыми усами. Это был Максим Горький. Он бережно поддерживал под руку хорошо известную в Финляндии артистку Московского Художественного театра Андрееву. За ними шли писатель Скиталец и финский художник Галлен-Каллела. Замыкал группу интеллигентного вида господин с темными усами и бородой, показавшийся Закачуре знакомым.

Дирижер Каанус взмахнул палочкой, и оркестр заиграл какую-то мелодию. Тут вернулся на свое место Вец с красной книжечкой в руках. Это оказалась сказка Горького «Товарищ», написанная специально к сегодняшнему вечеру. Закачур углубился в чтение и почти не слышал, как выступали известный финский поэт Эйно Лейно, Андреева, Скиталец.

Под конец вечера на сцене появился Горький. Он остановился перед рампой и, смущенно улыбаясь, ждал, когда смолкнут аплодисменты. Наконец зазвучал его глуховатый, с характерным оканьем голос. В зале расцвели тысячи красных гвоздик — это зрители раскрыли книжечки и следили по тексту за тем, как автор читал сказку.

Горькому устроили восторженную овацию. Мощно грянула «Марсельеза». В едином порыве зал встал и запел. Пришлось подняться и жандармским филерам в заднем ряду.

У выхода из театра Горького ожидала огромная толпа. Как только он появился, раздалось многоголосое «ура!». Закачур решил протиснуться поближе к Горькому, чтобы проследить, кто его сопровождает, но сильная рука схватила за воротник пальто.

— Эй, ты? Куда? Жандармам здесь делать нечего! — и увесистый, как булыжник, кулак при-

жался к носу унтера. Тот оглянулся. Сзади стояли молодые, здоровые парни с красными повязками. Их вид не предвещал ничего хорошего.

— Да вы что? — захныкал Закачур неожиданно тонким голосом. — Какой я жандарм! Хотел поближе разглядеть любимого писателя.

Подшел мужчина, поднимающийся последним на сцену вслед за Горьким. Он был одет в щегольскую шубу. И тут Закачур узнал его: это был Николай Евгеньевич Буренин, сын богатого купца. Его мать владела имением у границы Финляндии и России. В жандармском управлении стало известно о его связях с финскими подпольщиками, и филерам было вменено в обязанность следить за Бурениным, когда он прибывает в Гельсингфорс. Однако Закачур не знал, что Н. Е. Буренин входил в боевую техническую группу при ЦК РСДРП и что именно он был организатором вечера в Гельсингфорсе с участием Горького.

— Алло, отпустите его, — сказал Буренин молодому здоровяку, задержавшему жандарма. — Пусть убирается!

Под свист и улюлюканье Закачур бросился к вокзалу. А Вец, никем не узнанный, направился вслед за Горьким в огромной толпе, которая провожала писателя до гостиницы с пением «Марсельезы».

...Ротмистр Лявданский еще раз прочитал рапорт Закачур и Вец и решительно взялся за перо. В начале донесения начальнику управления генералу Фрейбергу он указал, что вечер в Финском национальном театре был организован «в пользу якобы пострадавших во время мятежей в России». В сущности, — подчеркнул Лявданский, — сбор должен поступить на революционное дело в России».

Далее жандарм отметил, что в театр доставлено было «огромное количество» брошюр со сказкой Горького «Товарищ», причем их распродали «в один миг». В конце рапорта Лявданский с тревогой писал, как тепло встречали зрители Горького: «Когда он вышел, публика кричала: «Да здравствует Максим Горький, брат свободы!» — и тому подобные возгласы».

В воскресенье, 22 января (4 февраля) 1906 года в Доме пожарной охраны, где имелся вместительный зрительный зал, по инициативе Гельсингфорского рабочего союза и Красной гвардии был устроен второй литературно-музыкальный вечер с участием пи-

сателя, который прошел с еще большим успехом.

Глубоко взволнованный оказанным ему сердечным приемом, А. М. Горький писал в феврале 1906 года из Гельсингфорса Е. П. Пешковой:

«В Гельсингфорсе пережил совершенно сказочный день. Красная гвардия устроила мне праздник, какого я не видел и не увижу больше никогда. Сначала пели серенаду под моим окном, играла музыка, потом меня несли на руках в зал, где местные рабочие устроили концерт для меня. В концерте и я принимал участие. Говорил с эстрады речь и, когда закончил ее словами: «Эляккен Суомен тювястё», что значит: «Да здравствует финский рабочий народ», — три тысячи человек встали как один и запели «Наш край» — финский национальный гимн. Впечатление потрясающее. Масса людей плакала... Все было как в сказке, и вся страна, точно древняя сказка, — сильная, красивая, изумительно оригинальная».

Извозчик натянул вожжи, и под копытами лошадей зацокали камни Елизаветинской улицы. Горький посмотрел назад, в конец улицы, и, обернувшись к сидевшему рядом с ним в санях мужчине, сказал:

— Ловко мы их объегорили, Владимир Мартынович! Теперь долго меня не найдут. А то уж обнаглели, прямо на пятки наступают.

Мужчина сдвинул шапку на затылок, обнажив высокий, крутой лоб, и ответил, заикаясь:

— М-могут еще догнать. Они вынюхивать мастера. Да и мой адрес им давно известен.

Это был большевик В. М. Смирнов, живший с 1903 года в Гельсингфорсе.

Сани остановились у серого пятиэтажного здания с квадратной аркой.

— Приехали, Алексей Максимович, — сказал Смирнов, расплачиваясь с извозчиком.

На втором этаже оба остановились перед дверью, на которой висела металлическая дощечка: «Владимир Смирнов, лектор университета». На звонок открыла пожилая женщина.

— Знакомьтесь, Алексей Максимович: моя мать, Виргиния Карловна. Главный помощник по конспиративным делам. А ты, наверно, — оборотился он к женщине, — уже узнала нашего геня.

— Конечно, узнала, — ответила та, выговаривая слова с заметным акцентом. — Весь Гельсингфорс о нем только и говорит.

Автор работал в 1973—1976 годах заведующим отделением ТАСС в Финляндии. В Финляндском государственном архиве он обнаружил не публиковавшиеся ранее документы о слежке жандармов за А. М. Горьким, который приезжал в феврале 1906 года в Финляндию. Жандармские донесения, воспоминания В. М. Смирнова, Н. Е. Буренина и М. Ф. Андреевой, материалы гельсингфорских газет тех дней и легли в основу настоящего очерка. Все фамилии и имена подлинны.

Каждый финн теперь знает Горького.

В это время открылась дверь из комнаты, и в прихожую вышел Ленин.

— Слышу голос Владимира Мартыновича, — сказал он. — Все благополучно?

— Вот, прибыл с гостем, Владимир Ильич.

Ленин подошел, пожал руку Горькому, подождал, когда тот снимет шубу, и пригласил писателя пройти в комнату.

— А ты, Вольдемар, почему не раздеваешься? — спросила Смирнова мать.

— Пойду посмотрю, нет ли хвоста. Будь добра, приготовь пока чаю нашим гостям. Пусть располагаются в кабинете.

— Не волнуйся, самовар уже кипит.

Смирнов вышел на улицу. На противоположной стороне внимательно рассматривали витрину магазина два субъекта. Вернувшись домой, Владимир Мартынович поспешил в кабинет. Ленин сидел за письменным столом, Горький разместился на диване, спрятав длинные ноги под книжный столик.

— Ну как, чисто? — обернулся Ленин в сторону вошедшего.

— Нет, Владимир Ильич. Есть хвост. Можете посмотреть сами. — Смирнов указал на окно: из-за полузадернутой шторы было видно, как филеры шарилы взглядами по окнам дома, вглядывались в прохожих.

— Да, крепко они прилипли к вам, Алексей Максимович, — озабоченно сказал Ленин. — Надо распространиться с ними всерьез и поскорее уезжать из Финляндии за границу. Владимиру Мартыновичу его знакомые из финской полиции сообщили, что из Петербурга местному генерал-губернатору предложили выдать Горького жандармам на расправу. Не так ли, Владимир Мартынович?

— Знающий товарищ сообщил, ему можно верить, — подтвердил Смирнов.

— Вот видите, — продолжал Ленин. — Департамент полиции не может забыть, что Горький был во время Декабрьского вооруженного восстания в Москве, он не простит ваших выступлений здесь, в Гельсингфорсе. Ведь вы, батенька, всю Финляндию взбудоражили. Читаю газеты и радуюсь за вас. Могучую силу личного влияния несете вы в себя! Пишут, что каждый, кто был на вечерах, получил от Горького мощный эмоциональный и революционный заряд.

— Наговаривают на меня, — смущенно забасил Горький. — Преувеличивают мои скромные

возможности. Просто люди здесь замечательные. Чем больше в Финляндии живу, тем больше встречаю друзей.

— Да, страна Финляндия людьми хорошими богата, это верно, — согласился Ленин. — Финны оказывают большую помощь российским революционерам, видя в них своих союзников в борьбе против царизма. Ведь царизм постоянно нарушает конституцию Финляндии, попирает права финнов. И ваши слова о российской революции, произнесенные в эти дни перед тысячами финнов, пали на благодатную почву. Да, большую вы провели работу здесь, Алексей Максимович. Надо полагать, что после ваших выступлений число наших добровольных помощников среди финнов умножится. Они лучше стали понимать наши задачи и наши нужды. Нельзя забывать и другую сторону ваших выступлений. Два литературно-музыкальных вечера в Гельсингфорсе дали в партийную кассу довольно значительную сумму. А деньги нам сейчас очень нужны! Рабочие требуют оружия, мы обязаны его приобрести.

— Можно такие же вечера организовать в Або и Таммерфорсе, — предложил Горький.

— Это было бы замечательно, но мы не можем больше подвергать риску вашу жизнь. Буренин рассказывал мне, что вас охраняет целая дружина бывших финских богатырей, но у царской охраны руки длинные. Вы это на собственном опыте знаете. Жандармы побоятся арестовать вас здесь, но могут устроить какую-нибудь грязную провокацию.

— Да, я этих господ знаю. Имел удовольствие познакомиться. От них можно ожидать любой гадости, — согласился Горький.

— Ну вот, и не нужно испытывать судьбу слишком долго. Надо взять предупредительно финских друзей и побыстрее скрыться от преследования охраны. Например, уехать в какое-нибудь имение. Есть такая возможность, Владимир Мартынович?

— Конечно, Владимир Ильич! — ответил Смирнов. — Буренин вполне может это устроить. У него много знакомых среди финских помещиков. Они ему не откажут, я уверен. Тем более если речь идет о Горьком. Каждая финская семья сочтет за честь пригласить к себе в гости знаменитого писателя.

— Вот и прекрасно, — хлопнул Ленин ладонью по столу. — Вы, Алексей Максимович, исчезнете на время от назойливых глаз, отдохнете. А наши друзья Смирнов

и Буренин будут готовить с помощью финнов ваш безопасный отъезд за границу. Другого выхода нет. Возвращаться в Россию — все равно что самому совать голову в пасть медведю, жить здесь тоже опасно. Остается одно — заграница.

Горький откинулся на спинку дивана и задумчиво произнес:

— Признаться, боюсь я этой самой заграницы, Владимир Ильич. Как представлю, что вокруг меня никто по-русски не говорит, так мороз по коже. Как же я-то? Я к людям привык, без людей не могу. Тем более к языкам я не способен, давно в этом убедился.

— Эмиграция — тяжелое испытание, вы правы, — ответил Ленин. — Но и в эмиграции можно жить, если работать, а не хныкать и не распускать нюни, как это делают некоторые российские интеллигенты. А у вас будет много работы, в этом можете не сомневаться. Во-первых, продолжите важное дело, которое начали здесь: будете рассказывать трудящимся Европы и Америки о российской революции, вербовать сторонников и помощников. Во-вторых, ваш авторитет можно использовать и для того, чтобы помешать выделению западными странами кредитов царизму для подавления революции. Многие в Западной Европе, в том числе и рабочие, не сознают, что французские и английские капиталисты, давая деньги царю, помогают тем самым самодержавию утопить в крови революцию. Сорвать эти планы — вот на что хорошо было бы нацелить общественность европейских стран. В-третьих — материальная сторона. Наша партия очень нуждается в средствах. Они необходимы прежде всего для вооружения пролетариата, для издания нелегальных газет. И это еще не все. За границей, выбрав тихое местечко, вы могли бы спокойно писать, работать над своими произведениями. В России вам будут постоянно мешать. Вы многое видели и пережили. Рассказать миру о российской революции языком образов — это тоже важная партийная задача. И, наконец, последнее — ваше здоровье. В Европе есть хорошие врачи, которые сумеют вас подлечить. Ваше здоровье, Алексей Максимович, — не ваше личное дело. Вы и ваше здоровье очень нужны трудовому народу России. Поэтому отнеситесь к лечению как к важному партийному поручению. Как видите, скучать за границей будет некогда.

— Да, поручение вы мне даете непростое, — сказал Горький. — Трудновато будет. Но попробую, постараюсь. Хорошо бы только

помощника подобрать мне порасторопнее. Нужен кто-то, чтобы организационными делами занимался.

— Это верно, — согласился Ленин. — Мы об этом подумаем с Красиным. Найдем подходящего товарища. А вы пока поразмыслите над моим предложением. Хорошо? Будем держать связь через Смирнова и Буренина. Договорились?

— Договорились, Владимир Ильич, — ответил Горький.

— Вольдемар, там пришли... — приоткрыв дверь, зашептала Виргиния Карловна. Смирнов вышел в прихожую. Там стояли те два субъекта, которые дежурили под окнами. Это были Закачур и Вец.

— Здравствуйте, господин лектор, — слегка поклонился Закачур, сняв шапку. — Мы из пожарной охраны. Пришли проверить дымоходы. Много сажи скопилось. Может загореться. Покажите, пожалуйста, где у вас печи.

Голова Смирнова лихорадочно работала. Что делать? Как выпроводить непрошенных гостей? Закачур, заметив минутную растерянность хозяина квартиры, злорадно улыбнулся:

— Позвольте начать осмотр?

— Нет! — сказал Смирнов. — Тут какое-то недоразумение. У нас проверяли дымоходы на прошлой неделе.

— Как же так, господин лектор? Я справлялся у дворника. Он говорит, давно никого из пожарников не было, — наступал Закачур.

— Дворник не знает. Я сам приглашал, — настаивал хозяин. — Смотрите, вы играете с огнем, — пригрозил Закачур.

— Не беспокойтесь, господа пожарные. Не сторим. Нам самим жить хочется.

Смирнов распахнул входную дверь. Закачуре и Вецу ничего не оставалось, как последовать этому вежливому, но настойчивому приглашению.

Как только дверь за ними закрылась, Смирнов начал крутить ручку телефона, стоявшего на столике в прихожей:

— Слушай внимательно, — говорил он кому-то по-шведски. — Возле моей квартиры два жандармских шпика. Нужно срочно их убрать. У меня важные гости. Ты понял? Нужно обеспечить охрану.

Через час Горький и Смирнов вышли на улицу.

— А ведь филеры-то сменились! — заметил Горький.

— Сменились, Алексей Максимович, — согласился Смирнов. — Видите, теперь дежурят люди с красными повязками. Они проводят вас до самой гостиницы.

— Красногвардейцы? — удивился Горький. — А где же те двое? Ну и дела!

Ленин наблюдал в окно, как двое мужчин, стоявших на противоположной стороне улицы, пошли вслед за Горьким и Смирновым.

— Ну, Виргиния Карловна, спасибо за гостеприимство, — сказал он хозяйке. — Мне тоже пора.

— Погостили бы у нас, — сказала хозяйка.

— Спасибо, но сейчас спешу. Дела. Передайте, пожалуйста, мой привет Владимиру Мартыновичу. И вот это.

Он вынул из кармана пальто сложенную вчетверо пачку исписанных листов.

— Пусть отдаст перепечатать. А книги из библиотеки я ему позже верну.

Ленин вышел на улицу, огляделся и спокойно зашагал по направлению к железнодорожному вокзалу. Он много раз бывал у Смирнова и хорошо знал дорогу.

— Горький пропал, ваше превосходительство, — доложил ротмистр Лявданский генералу Фрейбергу.

Генерал сердито вскинул глаза на подчиненного:

— Как это пропал? Вам же было приказано не спускать с него глаз? Куда он делся?

— Не могу знать, ваше превосходительство. Лучших агентов посылаю следить за ним. И вот — потеряли.

— Вы за это ответите! — взорвался Фрейберг. — Вы же знаете, что меня о нем из Петербурга запрашивают! Что я буду отвечать?

Лявданский стоял навтыяжку ни жив ни мертв.

Генерал встал из-за стола, прошелся перед ротмистром, меряя его злым взглядом.

— Потрудитесь найти, — процедил он сквозь зубы. — Поднимите на ноги филеров, потрясите агентуру, не жалейте денег. Установите наблюдение за пароходами в Або.

— Слушаюсь, ваше превосходительство, — вытянулся Лявданский.

Ни генерал Фрейберг, ни ротмистр Лявданский не подозревали, что они совершили куда более серьезный промах: «прозевали» пребывание в Гельсингфорсе в эти дни вождя большевиков В. И. Ленина.

* * *

12 (25) февраля 1906 года по заснеженной лесной дороге в сторону Або мчались трое саней. За ними легко скользили несколько лыжников из группы скулытора Алпо Сайло. Время от времени из чащи на дорогу выбегал человек с винтовкой и по-военному отдавал честь Горькому, сидевшему в санях. Это были часовые, расставленные финскими друзьями по всей дороге. Они отвечали за безопасность дорогого гостя.

— Недаром говорят, что финны родятся с лыжами на ногах, — сказал Горький Андреевой, глядя на сопровождавших их лыжников. — Смотри, как легко они бегают.

— Да, финны — молодцы. Никогда не забуду, как они нас приняли... А лес просто сказочный. Когда-то мы увидим все это вновь? — вздохнула Мария Федоровна.

Вот и Або. Мимо побежали приземистые домики городских окраин. Крутой спуск вниз, к реке, и копыта лошадей застучали по настилу моста. Поворот влево, промелькнули древний собор и старый замок. Сани въехали на территорию порта, и возчики лихо осадил лошадей у самого борта парохода. Толпа провожающих при виде Горького оживилась. Лявданский, Закачур и Вец попытались прорваться к нему, но здоровые, плечистые финны образовали коридор, по которому Алексей Максимович и Мария Федоровна прошли к пароходу. Задержать их жандармы уже не могли.

Горький, поднявшись на верхнюю палубу, поднял руки и крикнул:

— Някеми, Суоми! До свидания, Финляндия!

Ответные возгласы провожающих потонули в басистом пароходном гудке. Судно медленно отчалило и взяло курс на запад, к шведским берегам.

На другой день, когда Ленин сидел за письменным столом в кабинете Смирнова и что-то писал, вошел хозяин.

— Владимир Ильич, финские друзья только что сообщили, что Горький и Андреева благополучно прибыли в Стокгольм.

— Вот и отлично, — ответил Ленин. — Горький и за границей может очень много сделать для революции. Это большое счастье, что у нас есть такой талантливый писатель, которого знает весь мир. К его голосу прислушиваются миллионы.

Хельсинки — Москва

В. ЛЯХОВЧУК

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЭЛИСЕО РОЛЬДАНА

Элисео неподвижно, молчаливо стоял у дороги, как и горы у него за спиной. Он выходил сюда каждый день и стоял, сжимая в кулаке те скудные песо, что ему удавалось заработать.

Родителей все не было. Они ушли в Тукуман, на сафру. Ушли, смешавшись с толпой поденщиков, которые каждый год спускались с гор аргентинской провинции Жужуй и соседней Боливии. В этой толпе никогда не звучали смех и шутки. Людям, у которых маисовые лепешки рассчи-

таны на каждый день пути, которые по дороге к огромным плантациям ночуют в загонах для скота, которые не знают, вернутся ли они из зеленого ада тростника, — этим людям не до смеха.

Элисео Рольдану повезло: его наняли на два месяца «боем» в шикарный отель, и он не пошел с родителями на сафру. Мальчишку выбрали среди других чанго¹ потому, что он хоть с трудом, но умел читать. По воскресеньям в церкви падре Доминго учил его грамоте и закону божьему.

¹ Чанго — бедняки скотоводы северных районов Аргентины.

Элисео поднимали с рассветом. Он вставал со шкуры викуны, которую стелил себе на полу кухни возле теплой плиты, и на эту же шкуру он возвращался поздней ночью, после того как заканчивал уборку помещений. На пищу Элисео не жаловался — его кормили остатками из ресторана отеля. Иногда по вечерам, из жалости, по забывчивости, Рольдана оставляли в покое. Тогда он садился в углу, подальше от глаз — а главным образом, от рук старших слуг — и слушал голоса веселящихся туристов...

Элисео выходил на дорогу каждый день, пока не подул зимний колючий западный ветер. Голубые вершины величественных гор спрятались в туман. Его родители не вернулись, как не возвращались сотни других. Никто не знал, что с ними случилось, и никто не наводил справок: на все божья воля...

Элисео попытался устроиться на рудник — там нужны были крепкие парни. Капатас — бригадир, — скользнув глазами по его щупленькой фигурке, усмехнулся:

— Тебе, чангито, сначала подрасти нужно. Ты же вагонетку с места не сдвинешь. Впрочем, иди попробуй...

Вагонетку Рольдан сдвинул, даже прокатил метров двадцать, на большее сил не хватило... Другой работы не было.

В лагере было холодно и пусто. Он собрал всю одежду — и свою и отцовскую. Оделся в то, что поцелее, притворил за собой дощатую дверь, вышел на улочку. Дорога привела его к железнодорожной станции.

Куда поехать, Элисео не знал. Он ходил по перрону и прислушивался к разговорам толпившихся там людей: почти все они ехали в Буэнос-Айрес. Кто-то ссылался на устное приглашение; кто-то — на письмо знакомого, и все верили, что в столице работа наверняка найдется.

Элисео купил самый дешевый билет, устроился на полу в уголке деревянного станционного строения и стал ждать поезда Ла-Пас — Буэнос-Айрес...

Пласа Конститусьон бурлила. Людское море несло Элисео как соломинку. Широко раскрытыми глазами он всматривался в лица возбужденных людей и никак не мог понять, зачем же они здесь собрались. Потом на трибуне появился оратор. Толпа сразу притихла, застыла. Рольдан стоял неподалеку от трибуны и хорошо видел высокого лобастого человека с бледным, словно напудренным, лицом. Мужчина начал говорить. Элисео вслушался и замер: откуда он, этот чужой человек, знает о судьбе чанго? Почему он так подробно рассказывает о детях его родной провинции — о девочках с не по-детски мудрыми глазами и мальчиках с непомерно большими — от тяжелой работы — кистями рук?

Человек на трибуне закончил свою речь так:

— Лучшую жизнь нам никто не принесет на подносе. Мы должны бороться за нее, как боролись наши русские братья, которых возглавил Ленин...

Элисео повернулся к соседу:

— Кто это говорит?

— Родольфо Гиольди!

— А Ленин кто?

— Да ты что, с Луны свалился?!

Кто-то засмеялся. К Элисео протиснулся смуглолицый человек с черными пышными усами.

— Тихо, вы! Веселого мало. Разве вы не видите, что компаньера из провинции? Как тебя зовут, дружище?

— Элисео, сеньор.

— Какой я тебе сеньор? Ну-ка, держись около меня...

Элисео хотел поблагодарить человека, назвавшего его «компаньера» — товарищем, но тот повернулся к трибуне, и Элисео увидел перед собой его широко, чуть сутулую спину.

Вдруг площадь взорвалась тысячеголосым криком. Толпа дрогнула, и людское море неудержимо понесло Элисео. Но он уже не чувствовал себя одиноком, глаз не сводил с синей куртки черноусого компаньера.

Митинг закончился перед зданием американского посольства. На этот раз обошлось без инцидентов. Конная полиция ограничилась патрулированием улиц, по которым следовала демонстрация, танки остались в гарнизоне. Надевшая маску демократии реакция не решилась выступить открыто против рабочих накануне президентских выборов.

Семья рабочего-металлиста Педро — так звали человека с черными пышными усами — приютила Элисео. Ему отвели угол в крохотной комнатке, и, когда бы Элисео ни возвращался, его ждала заботливо оставленная еда. Он сменил прохудившиеся сандалии на туфли, которые купил ему Педро.

Наконец ему нашли работу. Представили капатасу, и Элисео, последовав за бригадиром, очутился среди машин и механизмов.

Однажды вечером сын Педро отвез его на южную окраину города. На запыленной улице они нашли небольшой домик. Открыли без стука дверь. Маленькая пристройка, тесная комната, за столом — худой, усталый молодой человек. Элисео за всю жизнь не видел столько книг разом, сколько их было здесь. Ими был завален стол, аккуратными стопками книги лежали на полу.

Армандо Гарсиа, новый товарищ Элисео, был молчалив и сосредоточен. Он рассеянно жевал галеты и проглатывал бесчисленные чашечки mate, не отрываясь от чтения. Одни книги Армандо просто листал, изредка останавливаясь на отдельных страницах. В других он по нескольку раз перечитывал одни и те же места, а потом, бывало, сорвавшись со стула, возбужденно ходил по комнате. Элисео чувствовал, что в этих

книгах таилась большая, непонятная ему сила.

Порой Армандо надолго исчезал. После одной из таких отлучек он вернулся встревоженный, лихорадочно начал отбирать книги.

— Ажудаме, че! — Помоги, друг!

Они спрятали часть книг под досками сарая и остаток ночи провели не раздеваясь и не включая света. Но скоро тревога миновала, книги вернулись в каморку. Только теперь Гарсиа более тщательно замаскировал эту стопку медицинскими справочниками: все же он студент-медик. Однажды, когда Армандо не было дома, Элисео взял книжку, что лежала отдельно от других. Водя пальцем по шероховатой обложке, Элисео прочитал по буквам: «Государство и революция». В И. Ленин».

Ленин! Он же слышал эту фамилию там, на площади... Элисео раскрыл книгу и увидел фотографию человека. Вернее, он увидел глаза: они смотрели на Элисео в упор, вопрошающие, пытливые. С трудом оторвав взгляд от снимка, Элисео стал читать. Смысл ускользал. Еще раз посмотрев на фотографию, Рольдан осторожно положил книгу на прежнее место.

Вечером, улучив момент, когда Армандо оторвался от чтения, он задал вопрос, который целый день не отпускал его:

— Армандо, че, кто такой Ленин?

— Ленин — вождь пролетариата. — Подперев подбородок руками, Армандо пристально смотрел на Элисео. — А вот ты... Кто ты такой, Элисео?

— Я? Я никто...

Многое из того, что теперь пояснял ему Армандо, находило подтверждение в жизни. Вчера они говорили о провокаторах, и Элисео вспомнил людей, при приближении которых его товарищи по работе умолкали.

Армандо Гарсиа сказал, что надо учиться дальше. Элисео поступил в вечернюю школу. А через полгода на заводских выборах рабочих делега-

¹ Родольфо Гиольди — член исполкома ЦК Компартии Аргентины, один из основателей и руководителей КПА.

тов в Союз металлистов Аргентины его кандидатуру назвал Педро. От имени рабочих-коммунистов...

В 1976 году в Аргентине пришла к власти военная хунта под руководством генерал-лейтенанта Хорхе Рафаэля Видеги, и в последующие годы внутренняя реакция, при открытой поддержке империалистических кругов США, всеми силами стремилась лишить народ демократических завоеваний. Политические партии лишились конституционной защиты. Компартия Аргентины была практически объявлена вне закона. Деятельность Всеобщей конфедерации труда приостановлена, забастовки запрещены.

В создавшейся обстановке все, что оставалось рабочим, — это сплотиться вокруг своих руководящих органов. Но единение — нелегкое дело. Годы кажущегося благополучия, демагогические выходы профсоюзных лидеров притупили бдительность части пролетариата. И к тому же левачки элементы играли на руку реакции: своими экстремистскими, часто провокационными действиями они способствовали нарастанию террора и репрессий в стране. Сознательная часть аргентинского пролетариата встала на путь упорной подпольной борьбы.

Элисео знал уже, до каких страшных последствий доводят раздоры внутри рабочего движения, с болью вспоминал он товарищей, павших жертвами провокаций или внесенных в списки пропавших без вести. И все же нелегко было понять, почему, если правда на его стороне, он порой проигрывал в спорах с демагогами, политиками, крайними националистами.

Так было совсем недавно, когда на его заводе вспыхнула забастовка, спровоцированная экстремистами. Накануне он — в числе рабочих-коммунистов — доказывал, что стачка лишь на одном заводе ни к чему не приведет. Элисео обращал внимание рабочих на усиленные патрули, не покидавшие район завода. Слова «провокация» он тогда не произнес. И ему пришлось пожалеть об этом: на собрании его упрекнули в трусости. И вот неделю спустя он увидел окровавленные тела рабочих под копытами полицейских лошадей...

...Армандо был один в своем кабинете. Он не ответил на приветствие Элисео, лишь поднял на него усталые, красные от бессонницы глаза. Было уже около полуночи, но Армандо — теперь уже начинающий врач — был в белом халате, и его поза, горестная складка губ заставили Элисео содрогнуться. За спиной Армандо, в умывальнике, он увидел скомканные, намоченные от крови бинты.

У Элисео перехватило горло. Армандо сидел, опустив плечи. Не поднимая головы, сказал:

— Я понимаю, когда умирают за родину, за высокие идеалы, за правду. Это я понимаю. Но когда так... Ночью была перестрелка на нашей улице. Потом кто-то начал царапаться в дверь... Молодой солдатик из военизированной полиции — того корпуса, что борется с любимыми «мятежками» и любимыми «экстремистами». Ему и двадцати не было, он стал: «Проклятые! Сволочи! Не оставляйте меня одного!» Но его оставили... Я уже ничем не мог ему помочь: он потерял слишком много крови. А вот только что... — Армандо кивнул головой в сторону умывальника.

Задрезжал звонок — пронзительно, властно.

Армандо сидел еще несколько секунд, потом поднялся, засунул руки в карманы халата. Спокойно, невозможно — и тон его более всего позаил Элисео — сказал:

— Пройди в кухню. Выйдешь, когда мы уйдем. Больше сюда не приходи — это опасно.

Повернувшись, Армандо ушел на зов властного, требовательного звонка.

...Человек лежал на полу. Неестественно подвернутая рука, застывший в последнем крике рот. Обнаженное, истерзанное тело. Труп. Вокруг сидели те, кто совершил это преступление, — четверка полицейских с засученными рукавами. Они еще не остыли от «работы» и жадно курили. Их глаза ничего не выражали, как ничего не говорят глаза человека, перетаскивающего кирпичи. Офицер стоял в стороне и смотрел на улицу сквозь маленькое зарешеченное окошко. Он увидел в стекле отражение Армандо и заговорил не оборачиваясь:

— Нужно подписать свидетельство, доктор. Это был сумасшедший. Он повесился. Подпишите свидетельство, доктор!

Офицер отошел от окна и остановился в двух шагах от Гарсиа. Армандо скорее почувствовал, чем услышал, как за его спиной щелкнул дверной замок... С той октябрьской ночи 1976 года Армандо Гарсиа числится в списке пропавших без вести под номером 3611...

После разгрома забастовки и исчезновения Армандо Элисео почувствовал на себе особую «заботу» полиции. Шпики — «тирас» (в буквальном переводе на русский «тира» означает «клеякая лента») — вертелись вокруг него, и не раз Рольдан на улице и в трамвае ловил на себе «клеякие» взгляды филеров.

Пришлось менять места работы, квартиры. Устроился грузчиком на мучном складе. Полиция потеряла его из виду.

Все эти тревожные недели он думал о родных местах. Официальные источники без конца повторяли: «57 тысяч тонн!», «57 тысяч тонн!» Цифра была явно занижена: из недр его родной провинции нефти выкачивают в год значительно больше. «Патриотическая» шумиха вокруг открытых в Сальте месторождений была пустым звуком: и саму разведку, и добываемую нефть цепко держал в руках концерн ЭССО. Но эта нефть добывается руками земляков Элисео и должна принадлежать народу.

Игра на национальных чувствах — излюбленный прием аргентинской олигархии. Насаждая «ура-патриотизм», власть имущие убивают сразу двух зайцев: «ограждают» дешевую

рабочую силу от «внешнего влияния», от «мирового коммунизма» и нажимаются, эксплуатируя труд людей. Львиная доля прибылей уплывает в Северную Америку, но и того, что остается, вполне достаточно, чтобы горстка «патриотически настроенных» аргентинцев могла позволить себе роскошь есть бифштексы из быков-медалистов, платя по семидесяти долларов за порцию. С чанго и гаучо можно не считаться, ведь не зря было сказано в свое время одним из «отцов нации»: «Кровь гаучо — это единственное, что у нас имеется в избытке».

Элисео прошел достаточною заботу за последние годы, и немало бессонных ночей было затрачено на то, чтобы научиться понимать книги. Ведь Армандо подарил ему большую часть тех изданий, что они прятали когда-то под досками сарая.

Элисео стоял перед выбором: оставаться в Буэнос-Айресе, где под предлогом борьбы с экстремистами ударные силы реакции охотились не только за коммунистами, но и за активистами других прогрессивных организаций, или вернуться в родную провинцию, где непрощенные, беспомощные люди подвергались жестокой эксплуатации. Это не был его личный выбор.

Он читал Ленина, помнил его слова о партийной дисциплине и поэтому не опасался, что его отъезд из столицы истолкуют как бегство: член партии должен быть там, где он нужнее. Особенно в такое тяжелое время. Металлист Педро сказал ему однажды твердо:

— Товарищи решили, Элисео: уезжай... В Сальте ты нужен. Ты много знаешь теперь. Помни Армандо. Когда он еще студентом-первокурсником стал «неблагонадежным», родной отец закрыл перед ним дверь. Армандо учился на деньги, которые для него собирали мы, рабочие...

...Раньше в Росарио-де-Лерма такого никогда не бывало: у прибывших пассажиров проверяли документы и содержимое чемоданов. К автобусу подошли двое жандармов, остальные стояли под навесом станции. Этого Элисео не ожидал. Видно, и здесь все сильно изменилось за десять лет. Он выходил последним. Мягкий кожаный чемодан — такие обычно носят коммивояжеры — небрежно болтался в руке. Быстрым взглядом Элисео проверил — нет, очертания книг не проглядываются. Выходя из автобуса, он зацепился за ступеньку и чуть не упал на руки жандармам. Документы вместе с деньгами рассыпались у их ног.

— Ке макана! — воскликнул с досадой Элисео. — Извините, ребята...

Он начал собирать содержимое бумажника.

— А старый плут Рейес еще

там? — Элисео указал на ближайшую гостиницу. Этот жест помог ему «забыть» крупную купюру возле колеса.

— Хочу попробовать кое-что продать ему, — протягивая документы, он заговорщически подмигнул жандарму.

— Проходите, — сказал тот, а второй, как бы случайно, встал между Элисео и колесом. Рольдан отошел от них и не спеша направился

к гостинице. У входа он заметил, что туфли его покрыты пылью. Это заметили и ребята-чистильщики.

— Сюда, сеньор!

— Сеньор! У меня импортный крем!

— У меня с воском, сеньор!..

Жандармов возле автобуса и под навесом уже не было.

— Как тебя зовут, чангито?

— Руперто, сеньор.

— А в школу ты ходишь?

— Ходил, сеньор. А потом бросил...

— Но читать-то умеешь?

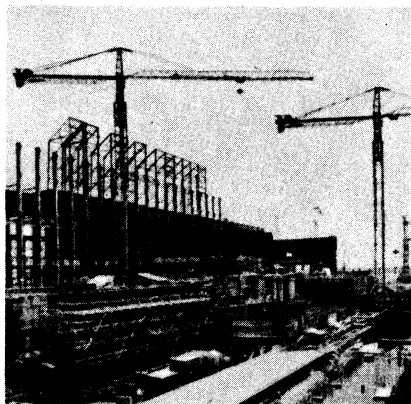
Мальчишка замотал лохматой, давно не стриженной головой.

— Вот что, чангито. Будешь проходить ко мне в гостиницу. У меня есть кое-какие книги и учебники. Начнем заниматься вместе...

Элисео вложил деньги в протянутую ладошку, черную от ваксы, и стал подниматься по ступенькам гостиницы.

ЛАСЛО МАРАФКО, венгерский журналист

КУНСЕНТМАРТОНСКИЕ КРУГОСВЕТЧИКИ

В последние дни декабря прошлого года в Венгрии был сильный снегопад, непривычный для наших краев. Выездной путь из Будапешта по ведущему на юг шоссе № 6 завалило настолько, что «Лада» не в силах была пробиться.

Мне нужно было попасть в Пакш — большой поселок, выросший в последние годы вокруг первой в стране атомной электростанции. Эту электростанцию — нововоронежского типа — строят по советскому проекту. На стройке работают, кроме наших строителей, советские специалисты и школьцы — чехословацкие монтажники.

Меня больше всего интересовала работа молодежной бригады имени Ленина — бетонщиков из городка Кунсентмартон, и я договорился о встрече.

Отчаявшись выехать из столицы, я вернулся в редакцию, чтобы позвонить оттуда в Пакш, в общежитие. При такой погоде, рассуждал я, работы, несомненно, приостановлены, переговорю по телефону об основном. А потом, когда погода утихомирится, договоримся о новой встрече.

— Прошу товарища Имреи Лайоша.

— Имреи на объекте, — отвечали в трубку, — будет к вечеру.

— А кого-нибудь из бригады нельзя?

— Да вы что? — возмутились в Пакше. — Кого вы сейчас найдете в разгар рабочего дня?

— Не так уж далеко Пакш от Будапешта, чтобы там погода была совсем другая.

— Они сказали, что в Монголии и не такое было, — рассмеялись на другом конце провода.

Командантша оказалась словоохотливой. От нее я узнал, что бригада уезжает к себе в Кунсентмартон. В Пакше они дела закончили — дальше дело строителей. Их работа — создавать уникальные бетонные блоки на своем предприятии. А на стройку они приезжают, чтобы на месте уточнить детали, посмотреть, как ведут себя их блоки в деле. Да, да, все девятую приезжают. Послезавтра звоните в Кунсентмартон, прямо на завод: они уже там будут.

...Когда в крошечном городке Кунсентмартон в области Сольнок создавали завод бетонных и железобетонных изделий, большинство парней из нынешней бригады ходили еще в школу. Было это двенадцать лет назад — в 1968 году. Предприятие должно было выпускать блоки и панели для строительства. Их оно и выпускает по сей день. Но к тому времени, когда подростки ребята пришли на завод, перед ним стояли и другие задачи. На строительстве уникальных объектов требуются нестандартные блоки. А чтобы их изготовить, нужны сделанные по особому проекту прессы.

Для гостиницы «Хилтон» в Будапеште нужны были золотистого цвета блоки, вся форма которых, казалось, противоречит современному машинному изделию. Гостиница расположена среди старинных домов, часть ее — старинная башня, и все нужно было так вписать, чтобы «Хилтон» не нарушал средневекового ансамбля, но и не копировал его. Чтобы здание было современным и на месте. Перед тем как приняться

за работу, кунсентмартонцы приехали в Будапешт, слушали архитектора, долго изучали проект, обзавелись строительную площадку. Будапештская гостиница стал первым успехом бригады.

Для туннеля Белградского метро понадобились восемнадцать нетиповых секций. Опять кунсентмартонская работа.

— Труднее всего было в Монголии, — говорит бригадир Имреи. — Мы для них делали гидравлический пресс. Климат для нас тяжелый, а осваиваться надо быстро. Шаблоны, конечно, здесь делали, у нас, но ведь все смонтировать надо, проверить, как себя поведут в работе. Я еще не знал, как у ребят получится — молодые все-таки, далеко от дома не ездили. В путешествие всех тянуло, но работа-то не у себя в цехе...

Мы встретились с ним уже в Кунсентмартоне, где сразу за зеленым одноэтажным городским центром высится завод бетонных изделий.

— За мон-ольскую работу мы и получили имя Ленина. Где только мы не работали! В Будапештском метро секции — наши. Там, конечно, где нужны были нестандартные. У нас любая работа начинается заново. То, что делаем сегодня, непохоже на вчерашнее. А что будет завтра? Для пакшской станции — это работа! Тут и голову поломаешь, и рукам работа ювелирная. Ювелиру, правда, с такими махинами, как наши, дело иметь не приходится...

— Ты скажи, бригадир, как нас здесь называют! — перебивает его слесарь Ласло Тот. — Кругосветчики.

— Это почему? — спрашиваю я.

Имреи машет рукой.

— Да так, в шутку сказал как-то. Выступал перед школьниками, агитировал к нам приходиться после учебы. Слушали меня хорошо — у нас здесь уважают тех, кто что-то особое умеет. Ну, я их, конечно, и путешествиями соблазнял: интересно ведь посмотреть, что там за Кунсентмартоном делается. Один мальчишка и спросил: «А где, мол, еще работать предполагаете?» Я обернулся к карте, рукой обвел и говорю: «Всюду, где потребуются уникальные бетонная работа! Но в основном, конечно, в Кунсентмартоне...»

В. КОРЯКИН
Фото автора

НАБЕГ НА ХЕЛЕФОННУ

Прошлым летом мы работали на Шпицбергене, вдали от Хелефонны, но это обширное ледниковое плато на востоке острова, напоминающее своими очертаниями неправильную многолучевую звезду, не выходило у нас из головы.

Тот полевой сезон был девятым для гляциологической экспедиции Института географии АН СССР, которая превратилась, по существу, в небольшое научное подразделение, изучающее все процессы эволюции оледенения далекого полярного архипелага. Важность этих исследований очевидна: природа Шпицбергена тесно связана с природой Советской Арктики, с ее погодой и ледниками.

Но почему именно Хелефонна не

давала нам покоя? Почему на это ледниковое плато задумали мы совершить набег?

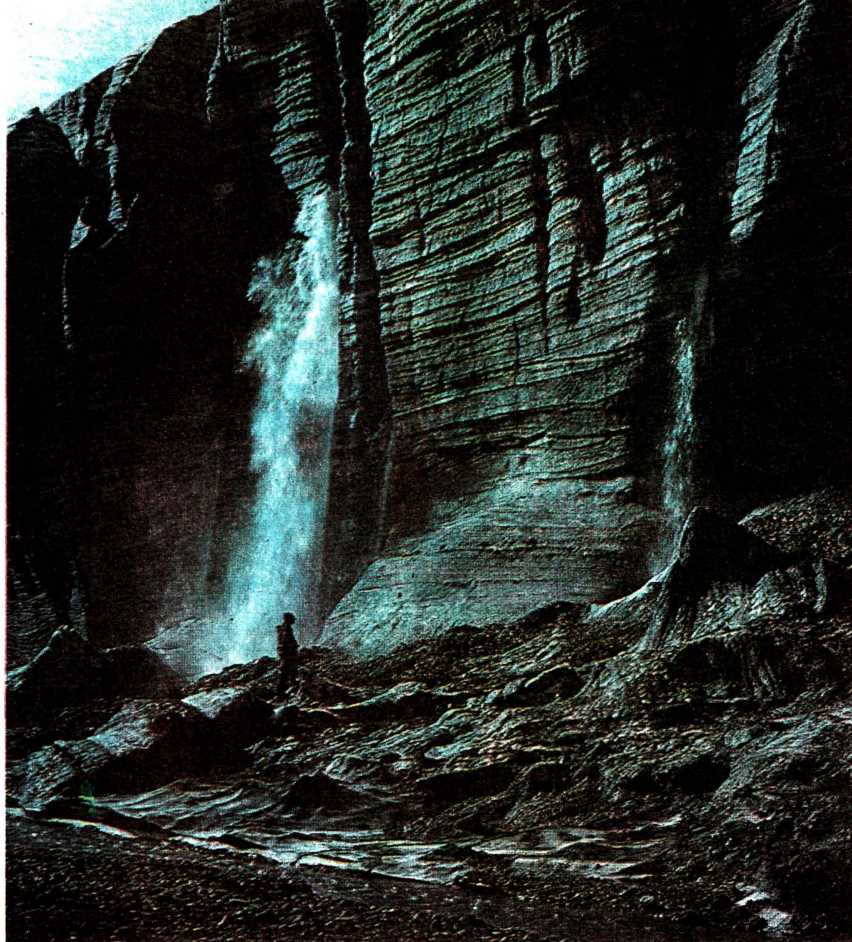
Одна из актуальных проблем современной гляциологии — подвижки ледников. Множество ледников, причем в местах, где человек уже обосновался прочно и надолго, напоминает, образно говоря, бомбу замедленного действия — рванет, а когда — неизвестно... Таких ледников на Шпицбергене десятки, а возможно, и сотни, причем размах здешних подвижек говорит сам за себя. Известны неожиданные броски на 25 километров, и никто не возьмется утверждать, что это предел. Ледники, которые испытывают периодические подвижки, называют пульсирующими. Так вот Хелефонна

(точнее, ее выводные языки), по нашим предварительным данным, удивительно богата «пульсарями»... Чтобы полнее представить эволюцию оледенения Шпицбергена, нам надо побывать на Хелефонне, нанести на карту ее ледники и по возможности проследить изменения в их состоянии. О Хелефонне мы знаем пока слишком мало...

За месяц я сработался со своим помощником — студентом-практикантом географического факультета МГУ Володей с честной солдатской фамилией Окопный. В армии он отслужил, но окопы рыл, к счастью, только учебные.

— Что сидел сидеть на базе, время терять? Разве можно Хелефонну чем-то заменить? — не раз будоражил меня Володя. Я был согласен с ним. Разумеется, работать по спутниковому снимку или по аэросъемке легче, чем идти маршрутом, хотя сторонники новых методов упрекают нас в пристрастии к дедовским способам исследований. Но, откажись мы от маршрута, неизвестно, как отразится это на результатах проблемы, которую изучаем. А еще хуже потеря научной предприимчивости и дееспособности...

На облет Хелефонны мы рассчитывать не могли — сезон к концу, вертолетное время тоже. Попутная заброска реальна, однако на фоне многочисленных «но»: удаленность от базы, положение района работ на таинственной природной границе, где часто меняется погода и откуда вертолеты то и дело возвращаются, не выполнив задания, нет легких раций с большим радиусом действия и т. д. В общем, и руководству экспедиции, и нам пришлось поломать голову, прежде чем операция начала приобретать реальные очертания.

Наконец было решено: меня и Володю Окопного забрасывали на восток острова в бухту Агард попутно с отрядом, который направлялся туда для балансовых измерений. Далее мы должны были действовать независимо. При возвращении «балансовиков» на базу вертолет про-

контролирует наше движение по маршруту. Через неделю отряд геофизиков будет переброшен на ледник Богер, спустя еще неделю на них-то мы и должны выйти.

Маршрут выходил довольно протяженным, поэтому при заброске людей вертолет должен был оста-

вить на нашем пути два ящика с продуктами и горючим.

Первую попытку Шпиц отбил играючи! На подлете к Хелефонне мы словно уязли в липком облачном месиве, то и дело теряя из виду вторую машину, летевшую впереди. И вот финал — вырвавшись из снежных косм, она закладывает у самой земли вираж и прямо под нами ложится на обратный курс. Подсев буквально на секунды, чтобы оставить ящик с продовольствием, мы тоже ложимся курсом на базу. Немного...

В Агард мы прорвались лишь два дня спустя. Еще один ящик остался в верховьях долины Сассен. Разбив легкую палаточку, тут же отправляемся на рекогносцировку в бухту Дюнер, а «балансовики» только сбивают прочные деревянные каркасы под свои палатки, устанавливают антенну, подтаскивают баллоны с газом. Мы спешим, ибо приближение зимы (и это в начале августа!) слишком ощутимо. Тут и там обширные массивы льда трещиноватыми языками спускаются по долинам к морю, образуя отвесные фронты. От них по сумрачной морской глади тянется эскадра айсбергов. Изредка звук, подобный пушечному залпу, извещает о появлении новорожденного — видно, как волна колеблет ледяные глыбы, среди которых кувыркается очередной посланец ледников. Окрестные вершины уже заснежены, от пронизывающего ветра ломит лицо и руки; темные, тяжелые от снега тучи по горизонту, косая штриховка снега на склонах нагоняют тоску и холод. Тем приятней возвращение в палатку, к кружке горячего чая... Наши товарищи закутали свои палатки в тенты, так что им не страшен теперь ни ураган, ни мороз. Их лагерь выглядит весьма внушительно — «Гляциополь», да и только...

На следующий день мы торопливо покидаем руки его обитателям. Тяжело отрываться от друзей, даже если встреча намечена через две недели...

На первых порах особо четко соблюдаем нормальный маршрутный ритм: пятьдесят минут ходьбы — десять минут отдыха. Первый же ледник, у которого становимся лагерем, заставляет Володю воскликнуть: «Вот это да!» Высоченный отвесный фронт с многочисленными потоками и водопадами, прихотливо изогнутые складки слоев, плотно набитые мореной. Местами ледяной обрыв нависает над зеленой травой. Мы знали об этой подвижке и раньше, но такой же ледник на Кавказе или Памире уже много раз вернулся бы на исходный рубеж, а этот все так же высится извязанием, словно усмехаясь над нашими теоретическими предпосылками: «Да, а что?»

Что ж, любопытный материал для размышлений...

Наутро первое неприятное событие: в примусе сгорела игла-«самопрочищалка», закупорив капсюль. Исправляем аварию, теперь надежда на обычную иглу, единственную в нашем запасе. Перспектива сухого пайка на предстоящие две недели как-то не веселит. Как, впрочем, и погода, под стать которой мы одеты: на мне плотный комбинезон со свитером и меховой летний шлем, на Володе поверх обычной одежды — анорак и ветрозащитные брюки. Обувь у нас одинаковая — высокие резиновые сапоги-ботфорты, в которых легко пересекаем потоки.

Третий день маршрута. Ледники сменяют друг друга, и у всех как будто признаки пережитых в недалеком прошлом подвижек. Взобравшись на гору Кропоткина вместе со своими, казалось бы, неподъемными рюкзаками, получаем неплохой обзор. Действительно, какой-то заповедник пульсаров... Вырвавшись из узкой мрачной долины, больше похожей на нору или логово, ледник Скрюйс оставил на окрестных моренах характерные угловатые глыбы льда. Напротив красавец Эльфенбайн (в переводе — «ножка эльфа», названный так за свои очертания), распластавшись, перегородил своей «пяткой» — трещиноватой голубой плитой — сквозную долину на водоразделе острова. Рваный хаос льда спускается здесь к небольшому озерку. У Эльфенбайна нет срединных морен, как у обычных пульсаров, но зато есть немислимые «огивы» — следы структурных складок, выходящие на поверхность, исковерканные многократными подвижками. Но это еще не все...

За отрогами мрачного кряжа с нахлупенным облаком виден кусочек озера, зажатого между двумя пульсарами — Эльфенбайном и Мармором (Мраморный). К последнему мы долго пробираемся по крутым обрывам каньона, а под ногами у нас с ревом несет мутная рыжая вода. Все новые отметки ложатся на карту, которая в этом маршруте вместе с буссолью — главное оружие нашего труда. Вот и долина подпруженного озера с серией четких следов прежних уровней. Идем по одному из таких уровней. Ноги ступают по угловатым каменным плиткам, уложенным одна к одной, и по обломкам совсем мягких, слегка округлых пород. Недолго здесь гуляли волны... Зато там, севернее, куда мы направляемся, лет десять назад в разгар зимы по долине пронесся вал воды и обломков льда — ледяная плотина, образовавшаяся при подвижке ледника Мармор, не выдержала. Обошлось без жертв — Шпицберген населен не слишком плотно, но все же одну охотничью

хижину снесло напрочь... Вот о чем могут напомнить следы старых озерных уровней, по которым мы так шустро шагаем.

Мой спутник проверен на выносливость и надежность в предшествующих маршрутах. Он — спортсмен-альпинист. Несмотря на нашу разницу в возрасте, я спокоен за немноголетнего, порой по-молодому самоуверенного и категоричного в суждениях напарника. Уверен в нем по всем статьям — моральным и физическим. Невысокий, худой, неброский по внешности, а по ухваткам, по манере держаться — есть характер. Хорошо идет под рюкзаком, без причин не жалуется, в нашем деле это важно. Жаден до окружающего — только успевай отвечать на вопросы. Такому парню хороший дальний маршрут — что надо. Не жалею, что взял его.

К полуночи распогодило, и только в стороне Агарда, где-то на самом дальнем небосклоне, темная полоса. Володя, перед сном выглянувший из палатки, бегло отметил:

— А погода-то завтра может того...

Его мрачный прогноз наутро полностью оправдался. Сквозь клейстер тумана едва проступали поблекшие очертания ледника Мармор, и я пожалел, что, поддавшись усталости, еще вчера не отивелировал прежние уровни озера. Блуждая в тумане, мы все же справились с этой работой и поторопились оставить негостеприимную долину. На ходу отметили самое главное — хватило надежных ориентиров: ледник Мармор практически не изменил своего положения после окончания подвижки. Ситуация с первым ледником, встреченным в пути, повторяется...

Когда растрепанная облачная стена тумана осталась за спиной, нас встретили зеленая широкая долина и ласковое солнышко. Даже ледники как будто разбежались вширь и вывесь, забравшись к гребням. Пожалуй, не подумал бы, что природная граница двух типов оледенения так наглядно выглядит на местности! К концу перехода мы вышли к ящику с продовольствием, и это было хорошим завершением рабочего дня.

Пятый день маршрута был примечателен во многих отношениях. За изгибом гор исчез растрепанный край низкой облачности, прочно оседлавшей водораздел острова. Оттуда мы вырвались накануне. Сегодня по плану «балансовиков» должны вывезти из Агарда. Мы с Володей ушли уже на два-три километра от палатки, когда неожиданно услышали нарастающий гул турбин. Первый вертолет (мы видели его маленький темный силуэт на фоне дальних ледников) прошел на высоте прямо на Агард, а второй на лихом вираже пронесся над палаткой. Хотя встречи не получилось, мы все же до-

вольны — пустая палатка в сочетании с двухдневным опережением графика свидетельствует только о хорошем состоянии маршрутной группы. Так это и было воспринято товарищами. Спустя час-другой мы снова услышали далекое урчание вертолетов. Значит, сняли «балансовиков» — если бы не пробились, повернули тут же.

Наш маршрут также был интересным. Один из обследованных языков отступил, а другой... с первого взгляда низкий, тощий, ни дать ни взять отступающий, но оказался впереди своего положения на карте! Значит, все-таки наступал, собрав среднюю морену чуть ли не в гармошку...

Мы решили, что выигранные нами дни позволяют заложить дополнительный боковой маршрут к леднику Фон-Пост, и в тот же день перенесли лагерь на десяток километров севернее, к водопаду Эскерфосен. Вечером, когда устраивались в узком каменном каньоне под непрерывный мощный гул падающей воды и рев ветра, Володя сказал:

— Поздравляю, первую сотню разменяли...

Однако фортуна уже отвернулась от нас, обрушив ряд чувствительных ударов. Началось с переправы через речку Сассен-эльву. Хорошо, что никто из близких не видал нас в это время! Двое навьюченных полевых скарбом бородатых мужиков, перемазанные липким черным илом, багровые от холода... Мы обогрелись в домике «сассенского короля» Хильмара Нойса, старейшины племени профессионалов охотников старого доброго времени. Сам Нойс провел на Шпицбергене в общей сложности не один десяток лет и после смерти превратился в легенду, а дом его по-прежнему гостеприимно открыт для бродячего люда. Мы двигались к леднику Фон-Пост под непрерывным дождем, а когда он закончился — в самый раз было поворачивать назад (время вышло!) и заново переправляться через Сассен-эльву. Через трое суток мы вернулись к своей стоянке у водопада — увы, несолоно хлебавши...

В лагере у водопада нас донимает ветер. Сквозь сон слышим, как где-то вдали он набирает силу, чтобы с рокотом и рыком пронестись по каменному коридору каньона, на дне которого мы спрятали палатку, но укрытия от вихря нет — и вот палатка ходит ходуном и беспомощно хлопает перьями...

Досталось от ветра и на следующей ночевке у ледника Дрэн, когда шквалы обрушивались на наше походное жилье один за другим. Местечко для стоянки выбрали среди сухих русл древних ледниковых потоков, напомилавших ходы сообщения, в черных сыпучих сланцах, настигиваемых огромными конкреция-

ми, похожими на разбросанные в беспорядке пушечные ядра. Безжизненное поле боя существ иных миров...

Это уже область горных ледников. Здесь они занимают значительно меньше места в ландшафте, карабкаются выше по склонам, к самым гребням, скрываясь в глубоких карах и ущельях боковых долин. Пейзаж значительно веселей, больше зелени. Такой характер местности сохранится до самых окрестностей Баренцбурга на западе, где вновь мы увидим крупные ледники.

Дрэн — наибольший из ледников в этой части Шпицбергена, и то, что он отступает — я видел его в 1965 году, — заметно на глаз. А его приток пережил подвижку на рубеже веков — это тем интереснее, что о поведении горных ледников на Шпицбергене в ту пору мы знаем очень мало. Фиксируем на карте все изменения и готовы двигаться дальше. Вспоминаем, что сегодня геофизиков перебрасывают на Богер — всего в одном хорошем дневном переходе от нас. А наш путь на юг — снова, по касательной к Хелефонне с ее ледниковыми языками, прочь от людей...

На следующий день буквально протискиваемся по теснине Бренскардета — Ледникового прохода — на пути к очередным пульсарам. Правда, есть еще один повод для нетерпения: очередной ящик с удовольствием в верховьях долины Рейн, который мы забросили почти две недели назад. Продукты там не свежей, чем в наших рюкзаках, но ассортимент, несомненно, разнообразней. И вот мы на точке, а дальше все идет по отработанной схеме...

Вдвоем ставим палатку, и сразу же у левой боковой стенки я кладу карабин с облойкой в магазине, которую не вынимаю с тех пор, как встретили медвежьи следы. Потом бросаю спальник в оранжерейном чехле. Пока готовлю свое ложе, Володя подает мне два плоских камня и примус «шмель». Сам отправляется за водой, а я, водрузив «шмель» на камень, разжигаю его. После замены капсулы примус ведет себя вполне удовлетворительно (тьфу, тьфу, тьфу!). Миски мы оставили на базе и потому едим из одного котелка. Для меня общественные обязанности оканчиваются прочисткой капсулы, после чего выставляю примус наружу, а драгоценную иглу прячу, как всегда, в карман палатки. Затапливаю плоские камни под матрас (с той же целью они понадобятся утром). Володя тем временем моет котелок, после чего наступает его пора устраиваться на ночь, а я, сидя

на своем мешке, заполняю дневник. Перед сном палатка украшается носками и портянками, повешенными на оттяжках. При первых признаках дождя эти «флаги расцветивания» мгновенно спускаются, чтобы высохнуть в наших спальниках. Но сегодня тихая ночь, и синий сумрак долины Рейн только подчеркивает покой нашего ночлега. Разительный контраст с прошлой стоянкой. Даже вороватый песец, обследовавший «ночью» пустые консервные банки, не вызвал тревоги...

...Хелефонна с запада. Узкие каменные долины и затаившиеся в них ледники словно холодные до поры до времени клинки в тесных ножах. Ушла облачность, и погода сейчас напоминает наш ласковый сентябрь. Тепло. Вода в речках снова поднимается на глазах. В эти места я уже выходил в 1967 году, но, пожалуй, не оценил в полной мере свою находку — ледник, с которым сошелся нос к носу. Тогда он был в активной стадии подвижки. Посмотрим его теперь... Одни воспоминания тянут другие. В тот год мы работали с Леонидом Троицким на шлюпке вдали от базы и больше месяца не встречали людей. Ко всему прочему у нас поломалась рация. Но даже в этой ситуации мы старались обследовать район пошире и поэтому иногда разделялись. В таком одиночном маршруте вслед за ледником-пульсаром я вышел на лагерь геологов-ленинградцев...

Вот и сейчас с Володей мы легко нашли остатки гостеприимного лагеря, и как было не вспомнить хороших людей добрым словом.

— А где они сейчас? — интересуется Володя.

— В основном здесь, на Шпице... Их начальник Панов где-то западнее нас с тобой, ближе к устью Рейндален... Мокин сейчас в поле за Исфьордом. Корчинскую ты видел на вертолетной площадке, когда ее привезли с мыса Старостина. Только Валентин Непомелуев на Новосибирских...

— С Пановым можем еще встретиться...

— Едва ли. Такие встречи неповторимы...

Улов маршрута — два пульсара, причем знакомые, так что наблюдения были повторными. Существенное уточнение будущей карты. И, главное, теперь доказано, что Хелефонна — это узел пульсирующих ледников. Пусть пока странный и необъяснимый, но уже поэтому перспективный для дальнейшего научного поиска.

— Одиннадцатый день маршрута, 220 километров позади и цель достигнута, — констатирует Володя, вернувшись в лагерь.

— Семьдесят километров рекогносцировочного маршрута до точки встречи, — отвечаю я. — Без возвращения не маршрут, а ЧП...

Действительно, мы оба знаем, что большинство ЧП происходят в самом конце, при возвращении, когда люди позволяют себе расслабиться, когда сказывается накопившаяся усталость. Опыт требует не забывать этого — мы и не забываем... А Рейндален («дален» по-норвежски «долина») всем своим видом как будто нашептывает: доверься мне, забудь о невзгодах и тяжких обязанностях... Наверное, это самое уютное место на всем Шпицбергене. Сравнительно немного ледников, сама долина зеленая от травянистой растительности, и только выше по склонам проплешины осыпей. Ее простор ведет нас на запад, к устью, открытому в океан, туда, где в сотне километров от нас, в опаловой дымке, колеблется синеватый контур дальних гор. По дну долины струится речка, обтекающая завалы морен и массивы гидралаколлитов¹ с провалившимися вершинами. Тут и там спокойно падутся стада оленей, да изредка протрусит в стороне песец в серой летней шубке. Двенадцать лет назад в этих же местах я выходил на встречу со своим товарищем, который, пергнав шлюпку вдоль побережья, поджидал меня в домике у древнего берегового вала. Ну и обрадовался же я тогда, увидев возле домика висящие на дожде сапоги, хозяин которых безмятежно почивал после маршрута...

Что-то в начале полевого сезона о таких вещах не вспоминают. Видно, это тоже показатель усталости. От этих размышлений отвлек дальний гул наших вертолетов (мы легко отличаем их от норвежских). Погудел и затих. Возможно, забросили или забрали полевой отряд, но чей, где, мы, наверное, не узнаем...

К устью долины Ганг мы вышли по высокому горному склону и одновременно увидели маленькую норвежскую хижину в окружении вала из пустых консервных банок и прочего мусора и белые силуэты палаток в трех-четырех километрах юго-западнее. Ни дать ни взять каркасные палатки, которыми пользовались геологи-ленинградцы. Вот с чем был связан гул вертолетов!

Буквально врываемся в хижину, сваливаем рюкзаки, наспах глотаем по кружке чая и убегаем к ленинградцам, на ходу гадая: с кем же встретимся? На подходе в бинокль различаю плотную белоголовую фигуру — Панов. Встреча получилась не хуже, чем двенадцать лет назад. Ленинградцы наперебой угощают нас то живительным чаем, то превосходным пльзенским пивом с копченым палтусом... Через их рацию

мы сможем теперь отправить вести родным и начальству. Узнаем: совсем рядом несколько дней работает рация с позывными нашей экспедиции — это, конечно, геофизики...

Последний переход к пункту встречи — хижине Уроа — начался трудно. Мы не стали дожидаться окончания внезапно разыгравшейся бури и вышли в полночь. Склоны к концу лета подсохли, и мощный ветер вздымал смерчи пыли и гнал их в самых невероятных направлениях. Но еще страшнее были озверевшие от таяния реки. Короткий отрезок маршрута, ранее мною не хоженный, преподнес небольшой ледничок со следами подвигеж. Отметим его, поспешили дальше на север. Вот мы и в долине Колс, знаменитой своей карликовой березкой (кто скучал по русскому лесу, поймет нас) и самым старым русским домом на архипелаге, который еще в 1913 году поставил спутник В. А. Русанова горный инженер Р. Л. Самойлович, — от этого дома берут начало наши поселки на Шпицбергене. Здесь ветер отпустил нас, но то и дело на ближайших склонах безмолвно возникали свирепые рыжие протуберанцы и словно нехотя угасали до следующего порыва.

Кажется, Шпиц решил отыгаться на нас на последнем переходе. Обычно раньше к хижине Уроа мы выходили по руслу речки Колс-эльва, которая теперь, взбесившись, неслась к морю вздувшимся ревущим потоком. По ровному месту — топкая тундра, склон — недоступен... К морене Богера мы вышли измотанными настолько, что искать «стойбище» геофизиков, запрятанное в моренах, отказались и напрямую рванули на Уроа, спускаясь по крутому склону среди множества бурных мутных потоков. Наконец-то увидели долгожданный домик...

Спустя сутки нарастающий гул вертолета возвестил о прибытии наших товарищей. Полуодетые, высказываем на площадке, где, раскачиваясь, завис толстобрюхий Ми-8. В иллюминаторах видим знакомые лица. Летят на землю тюки, ящики и рюкзаки. Лавина рукопожатий и дружеских объятий. Над мореной Богера взлетают ракеты, оставляя в небе дымный след, — ребята там показывают свое место вертолетчикам. Экспедиция в сборе.

Это был финал маршрута вокруг Хелефонны со всеми ее выводными ледниками, которые нам еще не однажды предстояло вспомнить, и в этом тоже заключался один из результатов маршрута. Ибо воспоминания — достаточно подходящая повод для планов на будущее. Почему-то в экспедициях так получается довольно часто.

Остров Западный
Шпицберген

Если начистоту, то коварный вопрос школьных преподавателей географии: «Какой же город является столицей Нидерландов — Гаага или Амстердам?» — лично для меня остался неразрешенным. Да и о чем спорить, если у самих голландцев на этот счет мнения расходятся? Действительно, по каким критериям определять столицу 14-миллионного государства, если правительство страны размещается в Гааге, резиденция же королевы Юлианы — в Амстердаме. Если одна часть иностранных посольств расположена в Гааге, а другая — в Амстердаме... Список противопоставлений можно продолжать до бесконечности. Но поставим точку. И обратимся к «Краткой географии Нидерландов». В ней, в частности, сказано: «Столица страны — Амстердам, но правительство находится в Гааге». Словом, с одной стороны, все ясно, а с другой — вопрос открыт...

Бесспорно одно: типично голландский город, средоточие всех традиций, достижений и анахронизмов, подлинный центр политической жизни страны — это Амстердам.

«Оставь сомнения! — ослепительная улыбка оливкового индуса на плакате затмевает даже архитектурное совершенство знаменитого Тадж-Махала на заднем плане. — Посмотри на табло: «Эр-Индия» — вот что тебе необходимо! Лети, и ты попадешь в сказочную страну, которую воспел Киплинг!» Рядом рекламы «Пан-Америкен», «Эр-Франс», прочих авиационных компаний.

Международный амстердамский аэропорт «Шидхолл» по своему архитектурному замыслу — воплощение четкости и прагматизма. Однако рекламная пестрота стен, витражей и стоек превращает его в калейдоскопический лабиринт, где очень легко заблудиться.

Что же до самой Голландии, то информация в «Шидхолле» сведена до минимума — скромный неоновый щит перед выходом в город с лаконичной надписью: «Вы прибыли в страну, являющуюся витриной капиталистического мира. Добро пожаловать!»

Вот как, значит — «витрина»?!

Со стороны залива Эйсселмер Амстердам напоминает гигантскую челюсть с серокаменными зубами домов. Издалека видна знаменитая Башня слез. Когда-то жены голландских мореходов собирались здесь, дабы обильными слезами умиловать грозного Нептуна и таким образом обеспечить счастливое возвращение своих странствующих супругов. Амстердамцы шутят, что жены современных моряков заливаются горячими слезами, когда их мужья возвращаются на берег.

Кстати, именно женам моряков Амстердам обязан любопытной тради-

¹ Гидралаколлиты — холмы с ледяным ядром.

ЧТО ЗА „ВИТРИНОЙ“?

дней, несколько противоречащей общепринятой характеристике голландцев как людей, в известной степени замкнутых: к подоконникам многих столичных домов прикреплены зеркальца бокового обзора напоdobие автомобильных. Через них можно преспокойно наблюдать за тем, что происходит в квартире у соседей. Как видно, совладать с одиночеством не так-то просто. От скуки до нескромности — один шаг!

Видны с моря и здание биржи, одной из крупнейших в Европе — ежедневный оборот ее составляет 20 миллионов долларов, — и словно

сплетенная из металлических кружев махина Центрального вокзала, опирающаяся на сваи, которые уходят в дно залива Хет-Эй. На общем фоне средневековых домов и строений начала века резко выделяется «золотой зуб» архитектурного модерна — небоскреб штаб-квартиры нефтяной компании «Шелл». Здание построили во времена, когда фундамент западной экономики еще не ощущал в полной мере разрушительных толчков энергетического кризиса. Окна штаб-квартиры «Шелл», сделанные с небольшим добавлением золота, подобно фонарям гигантского маяка,

устремлены в Амстердамскую гавань и как бы указывают судам путь к тихой и безопасной стоянке.

Переживший невиданный расцвет в XVII столетии, включивший в сферу имперского колониального влияния Индонезию, Бразилию, Цейлон, некоторые государства Латинской Америки, когда-то влиятельный и грозный, а ныне составляющий неотъемлемую часть военного блока НАТО в Европе, корабль Нидерландского Королевства стоит на якоре в гавани капиталистического мира. Только вот насколько она тиха и безопасна?

Само название города («Амстер-

дам» — дословно: «дамба на реке Амстел») говорит о том, что жителям его, как, впрочем, и всем остальным подданным королевства, не привыкать к стихийным бедствиям. Испокон веков в этой стране люди возводят дамбы, строят отводные каналы, дабы противостоять морской стихии: почти половина территории государства лежит ниже уровня моря. И все же мощную волну протеста, захлестнувшую страну в последние годы, вряд ли кто назовет «сти-

хийным бедствием». События развернулись после того, как правительство Нидерландов решило разместить на своей территории нейтронное оружие с клеймом «Сделано в США». А особого накала волнения достигли, когда НАТО решило «довооружить» Европу крылатыми ракетами и ракетами «Першинг-2». Вовсе не случайно Голландия — и Бельгия тоже — выступили перед брюссельской сессией НАТО со своими оговорками. И хотя натовские заправки определили, что

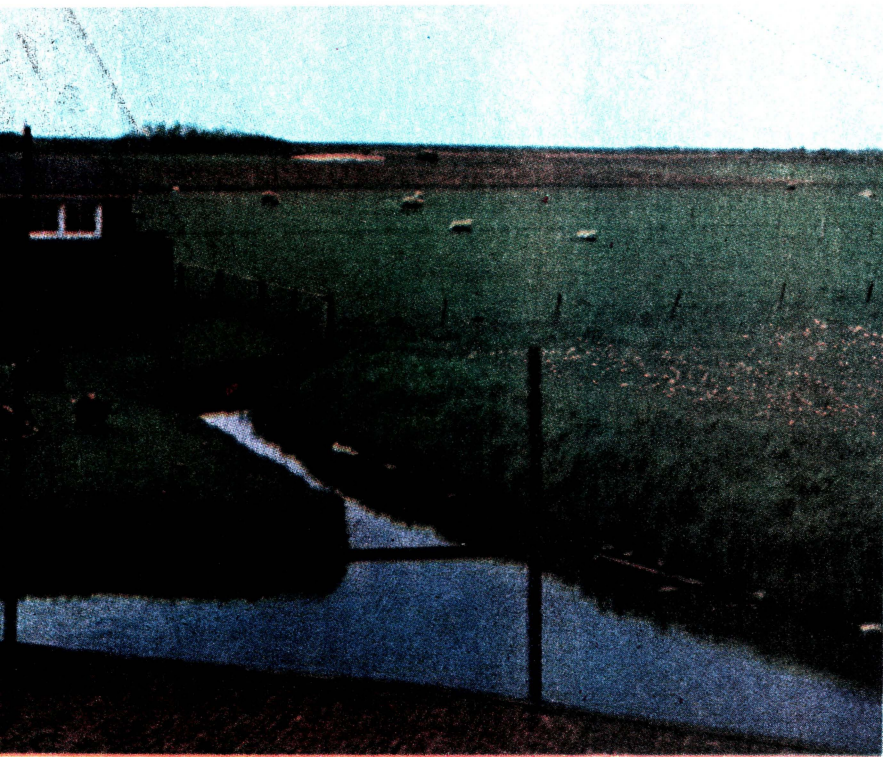

оговорки эти «не имеют большого значения», тем не менее Голландия сказала свое слово. Впрочем, все это случилось позднее. Я же был в Нидерландах, когда там нарастало движение против нейтронной бомбы.

Уже «с порога» было ясно, что часть наиболее реакционно настроенных политических деятелей расценивала эти волны протеста, безусловно, как бедствие. Но отнюдь не стихийное. Ибо бесчисленные митинги и демонстрации прогрессивных сил страны, молодежи и студенчества в Амстердаме и Эйндховене, Гааге и Роттердаме, Харлеме и Утрехте против замыслов натовских «ультра» превратить Западную Европу в пороховой погреб с самого начала приняли форму организованной борьбы.

В те весенние дни старожилы не узнавали свой город, а туристы в недоумении разводили руками: «Ничего себе «витрина»!.. Куда подевались респектабельность и уравновешенность голландцев? Где он — «сбалансированный образ жизни»? От кварталов Бернгишлута, где облупившиеся от сырости дома расположены по венецианскому принципу — прямо на воде, и до района роскошных особняков богатей — Золотого берега — собирались толпы демонстрантов. В основном молодежь, студенты. Повсюду скандировали лозунги. Воздух звенел от нестройного, но воодушевленного пения людей под аккомпанемент великого множества гитар.

Улицы Амстердама бурлили, и лишь гладь каналов, благодаря которым город часто называют «северной Венецией», оставалась невозмутимой, да несколько десятков хиппи,

расположившихся в самом центре города — на площади Дам, — отрешенно взирали на происходящее, словно и не затронутые кипением жизни. Эти хиппи конца семидесятых уже резко не походили на «детей цветов», которые в массах встречались на дорогах и в городах Западной Европы еще десятилетие назад. Не было нечесаных лохм, никто не изрекал псевдопацифистские сентенции, густо замешенные на библейских проповедях, сабо на ногах были как сабо, незаметно, чтобы их владелец намеренно и демонстративно снашивал носки деревянной обуви. Кучка юношей и девушек тесно жались к статуе Свободы — последнему прибежищу в городе, избранному ими своей «столицей». Они не спеша поглощали анисовое мороженое и меланхолично рассматривали проносащихся мимо людей сквозь мутные стекла пробирок с заключенными внутри дохлыми насекомыми. Своеобразная «лупа» людей, отказавшихся от всякой активности в этом мире и столь отличных от своих деятельных сверстников-голландцев.

Газеты и журналы, подобно чутким сейсмографам, фиксировали колебания всколыхнувшихся масс в бесчисленных статьях и политических комментариях, общий тон которых наиболее точно отразил подзаголовок в амстердамской газете «Алгемеен дагблад». «А не кажется ли вам, — вопрошал автор, — что традиционный цвет нации — оранжевый — темнеет буквально на наших глазах и становится все больше похож на красный?» Кстати, эту позицию разделяют далеко не все. Мой знакомый, студент Утрехтского уни-

верситета Дирк Букедрехт, прокомментировал выступление в газете так:

— Хорошо бы, конечно, чтобы оранжевое менялось к красному. Но когда я слышу слова наших «ястребов», призывы к оружию, мне порой мерещится, что к оранжевому цвету примешивается коричневый...

Ситуация обострялась, и наконец разразился настоящий политический скандал: один из наиболее видных представителей Северо-Атлантического блока, министр обороны Нидерландов Р. Кройзинг, решительно выступил против согласия правительства на размещение нейтронного оружия в Голландии. Ответ последовал в знакомых традициях западной демократии — Кройзинг вынужден был подать в отставку.

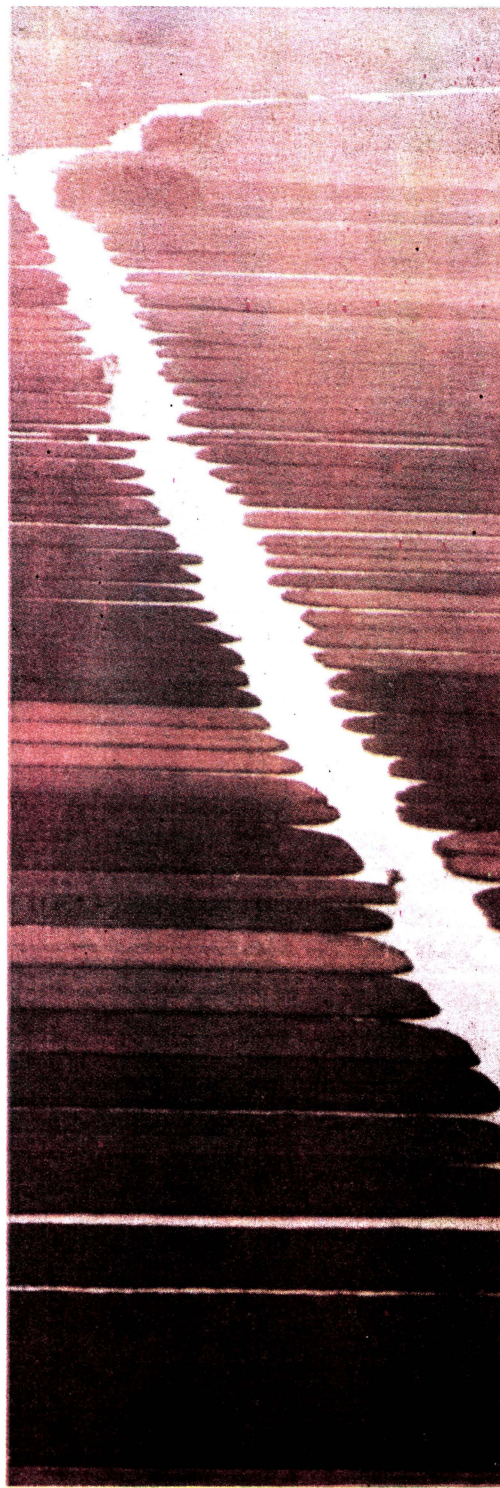
В активную борьбу под девизом «Нет нейтронной бомбе!» включились не только видные политические организации страны — Коммунистическая партия Нидерландов; Народная партия за свободу и демократию, Всеголландский союз молодежи, Пацифистская социалистическая партия, но и ряд крупнейших профсоюзов Голландии, прогрессивные молодежные и женские организации.

Среди шума истерических призывов пользоваться ультрасовременными атомными бомбоубежищами, оказывать решительный отпор «военной угрозе с Востока», убедиться, какие огромные преимущества Западу дает право обладания нейтронным оружием, прозвучали многоголосые выступления честных людей Нидерландов: пока существует прямая угроза миру на Земле, нет и не может быть места успокоению и благолению.

Нигде. Даже в стране с броским ярлыком «витрина капиталистического мира».

...В один из теплых весенних вечеров мы были гостями молодежной организации «Контакт», выполняющей в Нидерландах функции нашего «Спутника» — организации международного молодежного туризма. Правда, масштабы «Контакта» несколько ограничены.

Специально для этой встречи хозяева арендовали на вечер бар «Эдинус» и, несмотря на весьма скудные

финансовые возможности организации, совершили чуть ли не акт мотовства — раздали каждому из нас по два талончика, по которым можно бесплатно получить два стакана либо пива, либо кока-колы — на выбор.

Встреча эта более всего походила на нехитрую студенческую вечеринку, когда скудность угощения с лихвой компенсируется радостью общения, остротой споров, шумом и взрывным весельем. Кто-то, не переставая, начинял монетками похожий на древнюю «горку» автомат, так что музыка не умолкала ни на секунду.

В помещении бара непролазным облаком висел тяжелый синий дым. Сигареты в тот вечер играли роль «Трубки мира», и отказываться от ритуала никто, видимо, не хотел. Во всяком случае, несколько молодых голландцев, явно не умеющих курить, надсаживались кашлем, но

сигарет изо рта мужественно не выпускали.

Барменшей была очень худенькая, похожая на подростка девушка с идеально ровной челкой. Она заправски протирала стаканы, отвечала на вопросы, улыбалась — чувствовалось, что подобную «общественную нагрузку» девушка выполняла не впервые. За ее спиной к полкам был прикреплен необычный плакат: бородастый Эрнесто Че Гевара с низко надвинутым на глаза беретом и поднятым ввысь кулаком, который сжимал табличку с надписью: «Нет нейтронной бомбе!»

— Монтаж, разумеется?..

— Да, — кивнула девушка. — Если бы Че жил, то был бы сейчас с нами...

— Она права! — Мои барабанные перепонки содрогнулись от оглушительного баса. На соседний табурет присел парень ростом с баскетбольного центрового. — Берт Хаан... —

Он протянул мне огромную руку. — Почему-то считается, что голландцы окончательно зажрались, прикрыли глаза темными очками, а уши заткнули стереонаушниками. Вздор! Чепуха! Верно я говорю, сестренка?

Та молча кивнула и выставила перед Бертом стакан пива.

— У меня прямо слезы на глаза паворачивались, когда я читал в газетах душеспасительные истории о «гуманности» этой нейтронной дряни, — продолжал греметь верзила. — Непонятно только, на кого они рассчитывают! Я тебе вот что скажу, парень. — Берт надвинулся на меня, его рыжая борода почти касалась моего лица. — Наше общество состоит из четырнадцати миллионов таких же голландцев, как и я: хлебопашцев, технарей, студентов, художников... Но если мне заявляют, что это общество необходимо защитить с помощью нейтронной бомбы, то я плевать на него хотел! Молодые гол-

ландцы должны жить в свободной стране, а не на пороховой бочке НАТО! Верно я говорю, сестренка?

Девушка вновь кивнула и, вытряхнув из пачки две «сигареты мира», протянула их нам...

...Земля здесь похожа на пропитанную влагой губку, которую никто и не пробует отжать — бессмысленно. Жители Нидерландов испокон веков отвоёвывают у моря участки земли. Делают они это так: вначале искусственным путем осушают землю, затем окружают ее дюнами, дамбами и дренажными каналами, и уже потом, по истечении нескольких лет, называют этот отвоёванный у моря, надежный защитный и плодороднейший участок земли полдером. Ныне их в Голландии сотни.

Работы по созданию самого большого в Нидерландах польдера ведутся с начала нашего века. Имеется в виду искусственное осушение залива Зейдер-Зе (на современных картах он носит название Эйсселмер), благодаря которому территория страны должна увеличиться на 2200 квадратных километров. Проект этот так и называется — «Проект Зейдер-Зе», и он должен быть окончательно завершён в нынешнем году.

В общих чертах проект осуществлялся следующим образом: сначала возвели широкую дамбу от побережья Северной Голландии до побережья Фрисландии, а затем акваторию залива стали поэтапно осушать, превращая в пять больших польдеров.

В 1930 году был осушен первый польдер — Вирингермер. За ним последовал Северо-Восточный польдер в 1942 году, Восточный Флеволанд в 57-м и Южный Флеволанд в 1968 году.

Да, спорить не приходится: земля — главное богатство этой страны. В годы второй мировой войны, когда Голландия была оккупирована Германией, фашисты методично и безжалостно срезали голландские дери и переправляли его в рейх.

Плодородная земля дарит королевству предмет национальной гордости — знаменитые голландские тюльпаны, экспортные почти в сто стран мира. Именно эта естественно орошаемая земля обеспечивает высокие урожаи зерновых, шедрые корма для животноводства и... великолепные футбольные поля. Мы не будем сейчас анализировать причины стабильных успехов футболистов Голландии на мировой спортивной арене. И все же учтем, что если бы не огромное количество превосходящих травяных полей, за которыми, кстати, ревностно следят специально обученные люди, то увлечение голландцев этим видом спорта вряд ли было бы столь массовым.

Для сельских жителей пропитанная влагой почва — неоспоримое благо. Но — увы! — для горожан это подлинное несчастье, злой рок, тяготеющий над жизнью. Дома строятся на сваях. Это удорожает строительство, что, в свою очередь, отражается на постоянном повышении платы за квартиры. Из-за рыхлой почвы, мешающей нормальной прокладке подземных тоннелей, надолго затянулось строительство метро в Амстердаме, уже обещавшее королевской казне в круглую сумму.

Около тысячи каналов, свыше ста мостов в Амстердаме. Отсюда, естественно, и трудности в работе городского транспорта. Может быть, поэтому так дорог проезд — 1,5 гульдена (около 45 копеек) на любом виде транспорта независимо от расстояния. Для голландцев, которые экономят буквально на всем, курят самокрутки, игнорируя фабричные сигареты, и лишь в исключительно

важных случаях позволяют себе пригласить приятеля на чашку кофе (это не эвфемизм: если голландец сказал «на чашку кофе» — значит, на чашку кофе, и ничего больше на столе не будет, точно!), подобные транспортные расходы представляются открытым грабежом. Но, как правильно говорят, безвыходных ситуаций не бывает: голландцы в подавляющем большинстве ездят «зайцами». Конечно, это не очень-то вьется с обликом степенного и добропорядочного голландского буржуа: бегать от контролера — как это неприлично и неудобно! Но арифметика, простая арифметика! После нехитрых вычислений становится ясно, что гораздо выгоднее все-таки ездить бесплатно: контролеры крайне редко выходят на поиски безбилетников, да и штраф — всего-то навсего 6 гульденов!

Вероятно, только из соображений бережливости голландцы обзавелись еще одной традицией: несмотря на перенасыщенность страны автомобилями, жители Нидерландов остаются закоренелыми консерваторами в выборе средств передвижения. Речь идет о велосипеде. Их в стране — великое множество. Только в Амстердаме на 750 тысяч населения приходится 600 тысяч велосипедов. На педали жмут совсем еще крохи и древние старушки, бесшабашные студенты и почтенные отцы семейств, для велосипедов на городских улицах отведены специальные дорожки, и не дай бог незадачливому автомобилисту нарушить «границу» хоть на миллиметр — кара дорожной полиции последует незамедлительно...

...Небольшой город Зандам, близости от Амстердама. Куда ему тягаться с такими гигантами, как второй по величине порт в мире Роттердам, пропускающий в год до 30 тысяч судов со всех концов света. Но в «золотом» XVII веке Зандам был центром судостроения и одним из главных портов Нидерландского Королевства. Не случайно именно сюда, на судовой верфь Лайнаса Тейвиса Рогге, 18 августа 1897 года поступил работать никому не известный Петр Михайлов. И только спустя 20 лет, когда Петр в третий раз посетил Зандам, стало известно, кто скрывался под именем русского мужика-плотника.

В центре города высится памятник Петру. Не императору России, а рабочему с Зандамской судовой верфи. Покрытый патиной времени гранит передает устремленность воли и напряженность мышц сильного, скромно одетого мужчины, склонившегося над верстаком.

А неподалеку от памятника стоит дом, в котором жил Петр и который принадлежал Гарриту Кисту — единственному человеку, знавшему, кем на деле является его постоялец.

На судовой верфи Рогге Петр осваивал азы кораблестроения и инженерного дела. А поздно вечером, ворочаясь на жестком матрасе в нише общарпанного домика Киста, он мечтал о могуществе Российского государства, о неприступности его границ.

Учитывая гигантский рост Петра, длинная ниша, в которой ему приходилось засыпать после тяжелой работы на верфи — всего полтора метра, — смотрится как насмешка. Когда Наполеону во время его посещения домика сказали, что русский император спал именно в этой нише, Бонапарт задумчиво произнес: «Истинно великому ничто не мало!..»

Голландцы не чванливы, однако в разговоре любят упомянуть достоинства своей страны. В принципе перечень объектов национальной гордости всегда один и тот же — тюльпаны, живопись прошлых веков, велосипед, «Филлипс», футбол... Вроде бы все. Нет, еще национальный цвет королевства — оранжевый. Объясняют эту особенность таким образом: в Голландии столь часты туманы и дожди, не прибавляющие, естественно, новых красок к серым мостовым и потемневшим средневековым домам, что жители страны никак не могут обойтись без яркого, солнечного, «апельсинового» цвета...

Есть и еще один символ Голландии. Возможно, не столь популярный, как тюльпаны, но куда более значительный — это мельницы.

Когда-то в стране их было более девяти тысяч, сейчас — только девятьсот. Сами голландцы относятся к ним со смешанным чувством гордости и нежности. Для каждого поколения мельницы означают что-то свое, памятное и сокровенное. Пожилые люди — старушки и старички, лихо «восьмерящие» на велосипедах в автомобильных омутах больших городов, — вспоминают о тех старых добрых временах, когда ветряки исправно перемалывали пшеницу, качали воду из озер и служили традиционным местом свиданий деревенских влюбленных. Поколение, воевавшее против фашизма, видит в мельницах символ беспощадной, героической борьбы голландского Сопротивления против оккупантов. Поставив лопасти в условное положение, патриоты предупреждали своих соседей-сосратников о грозящей опасности, о дислокации гитлеровских гарнизонов, о готовящейся атаке...

Что касается молодого поколения голландцев, то... Всего несколько лет назад сама идея серьезного «наступления на ветряные мельницы» (именно так охарактеризовала амстердамская пресса антивоенные, антиимпериалистические выступления молодежи и студентов) была бы воспринята как совершеннейший абсурд в стране, отгороженной от беспокойного нашего мира сверкающей «витриной» внешнего изобилия и благополучия. Однако «нейтронная лихорадка», «симптом Першинга», заставили многих политиков переосмыслить свои взгляды, иначе оценить соотношение классовых сил. И характерно, что большинство прогрессивных и умеренных политических деятелей страны возлагают надежды именно на молодежь Голландии.

А ветряные мельницы — пусть элемент экзотики, пусть маленькая туристская усадьба, — как и сотни лет назад, стоят себе, поскрипывая изъеденными временем крыльями...

Амстердам — Зандам

... **Н**овогодний вечер. Стемнело. Мы начали готовить праздничный ужин. Посреди стола водрузили елку, хранимую еще с Эль-Курны.

Хейердал хотел стать на плавучий якорь, чтобы вообще никому не дежурить на мостике, но Карло Маури — был час его вахты — благородно воспротивился: вдруг шквал? А на столе уже мерцали свечи внутри пластиковых бутылочек, сверкали над головами кино-светильники Норриса. Полюбовался я на эту красоту и понял, что без Карло праздник не праздник. Пошел и категорически объявил ему это.

Карло — «Дьявол с вами!» — покорился коллективу. Живо выбросили за борт маленький парашютик, и вот уже все за столом.

Ныне мы с Германом стоим на вахте с двадцати двух до полуночи. До половины двенадцатого все было спокойно. Герман слушал по радио испанскую музыку, возле нактоуза, освещенные керосиновой лампой, ждали своего часа два стакана и бутылка с коньяком.

Вдруг ветер окреп, и парус заполоскал. Пока его укрощали, время шло. Глянул на часы — без пяти, а парус вновь, как нарочно, требует внимания. В общем, новый, 1978 год для нас с Германом наступил минут семь спустя, мы чокнулись, обнялись, пожелали друг другу счастья. После этого я растолкал Детлефа и Эйч-Пи: второй год стоим, мочи нет, сменяйте.

Утро первого января — противная качка, резкая, частая, будто по бульжнику едем. Все трещит, болтается и ломается. Левая уключина, уже расколота, треснула заново. Вколотили клин и зафиксировали весло накрепко, так же как и ранее — правое. Теперь у нашего «Тигриси» оба плеча «в гипсе».

Ветра нет, почти не движемся, дрейфуем в сторону берега. Опасная, изнурительная качка — то, что называется «толчея».

В сущности, очередной этап нашего эксперимента закончен. Мы прошли под парусом Персидский залив, благополучно миновали Ормузский пролив и доказали тем самым, что подобная мореходная задача была по силам и древним шумерам. Им было даже легче, чем нам: на их пути не возникали ни сухогрузы, ни танкеры. Если уж мы уцелели, то они могли пройти здесь и подавно.

ОСТАНОВКА В ПУТИ

...Детлеф закончил штурманские расчеты. Если мы пойдем на Сейшелы, то при средней скорости два с половиной узла путь займет 22 дня, если на Мадагаскар — 38 дней, и так далее. До Антарктиды можем добраться за 80—100 суток. Что нам стоит? Правда, на землю мы ступим очень скоро. Не через тридцать восемь и не через двадцать два дня, а гораздо раньше. Уключины нуждаются в срочном ремонте. А потому идем к Маскату, в Оман.

У нас на «Тигрисе» есть изданная в Англии книжица об Омане: «Нация строит будущее». Буквально на каждой ее странице упоминается Его Величество султан Кабус бен Саид — полностью или сокращенно: Е. В. О чем бы ни шла речь: о школах, здравоохранении или полицейских силах, — Е. В. тут как тут. Очевидно, прежде так же писали об отце султана.

Вышеупомянутое «будущее нации» Е. В. стремится приблизить — судя по сведениям, в книжицу не попавшим, — интенсивной европеизацией султаната, распродажей национальных богатств, привлечением в страну сумм иностранного капитала, львиная доля которых отдает в сокровищницах дворцовой элиты и Е. В. персонально.

...На рассвете, вскоре после того как Норрис сменил меня на дежурстве, раздались громкие вопли и рев мощного мотора. Оказывается, нас атаковал катер береговой охраны султаната. Пулемет на нем был расчехлен.

Долго и подробно объясняем, что мы мирные путники, никого не трогаем. На катере настороженно вникали. Потом удалились, на прощание довольно злобно стукнув нас кормой.

Пустяковое происшествие, но впечатление не слишком приятное. Пошли дальше...

По правому борту берег заметно приблизился, видны даже большие деревья. Дау, которая буксировала нас в здешних прибрежных водах, внезапно притормозила. Может, что-то сломалось? Нет. Там просто заметили поблизости сеть. Вытащили ее, взяли десятка два рыбин, завернули в пластиковый пакет деньги, привязали к сети и вернули ее на место.

Тур, наблюдая это, расчувствовался: «Как удобно и честно — и без посредников — люди обмени-

ваются плодами трудов своих». Карло добавил: «Жаль, что все-таки деньги. Пусть бы уж прямо поменяли рыбу на рубаху или штаны». — «И пусть бы не было вокруг пулеметов», — продолжил я, не забывший свидания с полицейским катером.

Еще вчера мы радировали в Бахрейн, чтобы там попросили для нас разрешения на заход в Маскат. Сегодня с утра Норман продиктовал в микрофон список экипажа с анкетными данными, причем от меня потребовались более подробные сведения. Бахрейн заверил, что вопрос решится, но не сразу.

На горизонте тем временем показались острова Сувади. Норман вновь говорил с Бахрейном, и нас известили, что к островам подойти можем, но на берег высаживаться — ни в коем случае. Хейердал тоже подошел к рации и подробно объяснил причины нашего визита в Маскат. О мелочах вроде уключины и неисправных рулей не упоминалось. Посещение Омана запланировано с самого начала. Цель — знакомство с памятниками древней арабской культуры.

...Вплоть до последних лет сведения о древнем Омане в мировой науке были отрывочны.

Среди достославных деяний султана Кабуса числится соизволение вести на территории Омана археологические раскопки. Работы едва начались, но сразу принесли кое-что интересное.

Они подтверждают: в древности, в третьем тысячелетии до нашей эры и чуть позже, Оман входил в регион Макан, объединявший Аравийский полуостров и долину Инда. Расположенный на ключевых позициях африкано-азиатских связей, Оман торговал с шумерами и их индийскими партнерами, посредничал, перевозил и поставлял лес, медь, джорит.

Легендарные медные рудники Макана — о них масса упоминаний в шумерских документах — были, почти наверняка, в Омане.

Мог ли Хейердал, готовя экспедицию, забыть про Оман? С самого начала он лелеял желание заглянуть в султанат. Но...

Аварии на Шатт-эль-Арабе, лишняя неделя на Бахрейне, возня с веслами и парусом, а дни бегут, а корпус «Тигриса» намокает; и нужен, наконец, автономный длительный переход.. Тур замолчал

об Омане. Собрался пройти мимо, пожертвовать частью ради целого. Так бы, видимо, и случилось, если бы не отказали рули.

...Уже четвертое января, а Бахрейн все еще вольнит, как секретарша, вручающая прогульщика-шефа: «Позвоните попозже»... «Отбыл в буфет»... «Вызвали в министерство»...

Из хижины постоянно слышатся взыванья Нормана: «Бахрейн, я — «Тигрис», «Бахрейн», я — «Тигрис»... Карло, кивнув в мою сторону, изрек:

- Крепко ты им насолил.
- Что, выяснилось что-нибудь?
- Шучу, шучу...

Шутка-то, глядишь, обернется пророчеством. Нежелательный я для султана элемент. Как, впрочем, и любой советский человек.

Вскоре после обеда нас нагнал большой катер, как и в прошлый раз, — полицейский. Подошел близко и сопровождал минут пять, а потом ни с того ни с сего ударил «Тигрис» носом.

Перекладчины мачты затрещали, мы с проклятиями выскочили из хижины, стали отталкивать невежливую посудину, и с трудом оттолкнули. Так мы и не поняли, чего им от нас надо. Наверное, рулевой бросил штурвал от изумления, завидев в своих территориальных водах плавучий стог сена.

Кстати, хорошо, что стог сена, это нас и спасло, а то бы наверняка получили пробоины. Полисмены удалились, зло перекрикиваясь со своими соплеменниками на дау. Негостеприимно встречает нас Оман, да, вероятно, и не расположен он встречать радушно.

Я решил поговорить с Хейердалом. Сказал ему, что, видимо, из-за моего присутствия на борту план экспедиции под угрозой и надо искать выход. Хватит дипломатических умолчаний.

Тур, к моему удовольствию, и не собиравшись отмалчиваться. Я не застал его врасплох: он ждал разговора и готовился к нему.

— Обсудим ситуацию спокойно. Самое худшее, что нам грозит, — это запрещение лично тебе, Юрий, сходить на сушу. На борту ты экстерриториален и защищен флагом ООН, а на берегу — увы. Давай думать, что делать.

— Известно, что. Надуем спасательный плот, вы меня отбуксируете в море за трехмильную зону, и там я поживу, пока вы знакомитесь с памятниками древней арабской культуры.

— Это можно, — задумался Тур. — Но там глубины около шестидесяти метров. Как стать на якорь? И кто гарантирует, что тебя не протаранит какой-нибудь корабль?

Взглянули глаза — он мне, я ему — и расхохотались. Оба разыгрывали друг друга, причем он меня куда тоньше.

— Не волнуйся, — подвел Тур итог. — Вполне вероятно, что заговздка вовсе и не в тебе.

Через некоторое время, сидя за столом, я услышал, что Норман начинает очередной сеанс связи. Почему-то его голос доносился не из хижин — видимо, вытащил аппаратуру на палубу, поскольку вечерет и внутри кубрика темновато.

Голос Нормана звучал чрезвычайно отчетливо:

— Итак, вы говорите, что сложность в русском члене экипажа? Вот и наступила ясность.

— Слышишь? — говорю Хейердалу. — Определилось. Решай, капитан.

Тур ухмыльнулся.

— А ты пойдй посмотри, что они там делают.

Перед входом в хижину в наушниках, с микрофоном в руках расположился Норман. На него уставилась стеклянным глазом кинокамера Норриса. Творилась обыкновенная съемочная показуха. Норман имитировал радиоконтакт и болтал что в голову взбретет. Мне одновременно стало и обидно — нашли о чем трепаться — и радостно: не пришло еще время переселяться на спасательный плот.

К закату оказались на траверзе Маската, миновали город и вошли в порт Матрах, то есть действовали по принципу «а Васька слушает, да ест». Мол, не сомневаемся, что впустите: не сегодня, так завтра. На берегу, очевидно, полагают так же, потому что никто нас не задержал.

Удобная гавань, огражденная молами. Мы стали на якорь. Поздно вечером подошел полицейский катер, с него осведомились, все ли у нас в порядке, и предупредили, что навестят на утро в восемь. Заботливость с привкусом гласного надзора.

Весь следующий день мы продали разрешения на визит. Бумагу должен подписать собственноручно султан, а Е. В. не до нас. Поэтому получить пропуск для гражданина социалистической страны особенно затруднительно.

Наконец вечером пришла долгожданная весть: повелением Е. В. нам разрешено пришвартоваться у пирса, а также сходить на сушу с семи утра до семи вечера.

Явился все тот же катер, взял нас на буксир и потащил к пирсу. Долго не мог выбрать, где прича-

лить, а когда решился, то на радостях так разогнался, что мы со всего маху ткнулись в бетон бок и кормой. Поперечина мачты заскрежетала и сместилась вправо. Тур негодовал, полиция улыбалась...

Когда мы ужинали на норвежском корабле «Тур-1», нам сообщили, что я, по-видимому, первый коммунист, который сошел на берег Омана не в кандалах. «И все еще живой», — добавил я...

...Порт Матрах, бетонный пирс. К нему пришвартовано забавное чудовище — тростниковая ладья с двуногой мачтой. Добрые жители Матраха толпой стоят и смотрят во все глаза, забыв о повседневных делах. Вот с ладьи переносят на берег огромные «лопаты», и с лопат этих льются водные струи. Вот, восклицая «Bix! Bix!», чужеземцы дупят кувалдой по торцам опорных брусев, будто пытаясь своротить палубу с надстройками набок.

Когда работа спорится, неохота ее прерывать. Но приказ командира — закон. (Побольше бы, кстати, таких приказов!) Тур заботится, чтобы и об этой стране мы потом судили не понаслышке, — и вот экипаж откладывает топоры, стамески и кувалды и превращается в экскурсантов, и не просто экскурсантов — в исследователей...

Сделаем отступление и отправимся мысленно назад, в минувший ноябрь, в Эль-Курну, в суматошные предстартовые дни. Тогда вокруг нас толклось множество корреспондентов. И вот один из них, репортер журнала «Квик», необычайно рослый, рыжий, с усами столь длинными, что их видно даже со спины, сообщил Туру нечто, от чего тот едва не подпрыгнул. По сведениям, полученным сотрудниками багдадского музея истории, при раскопках на территории султана Оман якобы только что обнаружена ступенчатая башня пирамидальной формы.

— Какой формы? Зиккурат?!

Обратимся к Большой Советской Энциклопедии: «Зиккурат (аккадское) — культовое сооружение в древнем Двуречье, представляющее собой сырцовую башню из поставленных друг на друга параллелепипедов или усеченных пирамид (от 3 до 7), не имевших интерьера (исключение — верхний объем, в котором находилось святилище). Террасы 3., окрашенные в разные цвета (гл. обр., черный, красный, белый), соединялись лестницами, или пандусами, стены членились прямоугольными нишами. Рядом с 3. обычно находился храм. 3. сохранились в Ираке (в древних городах Борсиппе, Вавилоне, Дур-Шаррукине, все — 1-е тыс. до н. э.) и Ира-

не (в городище Еога-Зембиле, 2-е тыс. до н. э.)».

Как видно из приведенных строк, зиккураты по планете как черепки не валяются. А теперь выходило, что к списку знаменитых зиккуратов должен был прибавиться Оманский, сенсационный уже по той причине, что его нашли там, где ничего подобного не подозревалось. Вот они, черты общности легендарных цивилизаций!

Случилось так, что связаться с багдадскими учеными и расспросить их как следует Хейердалу не удалось. Мы отчалили. Проплыли Басру. Тур с нетерпением ждал Бахрейна и встречи с археологом Джеффри Бибби, чтобы подтвердилась информация, в истинности которой он не сомневался. Однако Бибби пожал плечами. И другие археологи, которых Хейердал расспрашивал на Бахрейне, тоже пожимали плечами: «Не слышали, нет, вряд ли...»

Возможно ли, чтобы буквально рядом, в соседней стране, было совершено масштабное открытие, а коллеги-специалисты о нем не знали? Радостная новость оборачивалась вздорной уткой. Тур недобрым словом помянул репортера журнала «Квик».

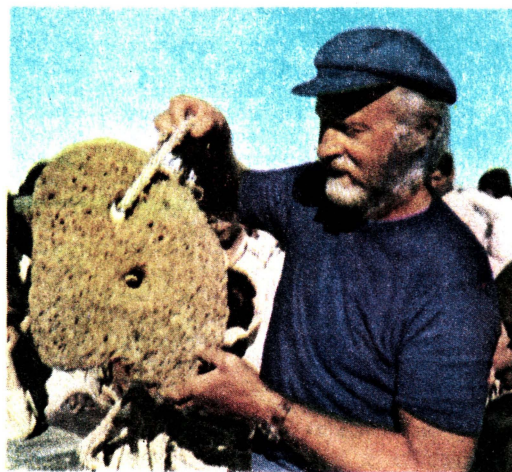
В Омани чаяния Тура вспыхнули с новой силой. Опять он принялся за поиски и расспросы. В ответ получал одинаковое: «Зиккурат в Омани? Невероятно!»

...Экипаж поднят на заре. Командир сухо объявил: назавтра стартуем, и потому надлежит закончить дела с веслами, погрузить воду и провиант. Этим заниматься Юрию, Гансу Питеру, Асбьерну, Детлефу. Герману — снимать на улицах Матраха жанровые сцены. Остальные отбывают в выездную киноэкспедицию. Сели в автобус и умчались. А мы, оставшиеся, засучили рукава.

Обе уключины уже стояли на местах. Проложили их пазы кожей. Прошкурили лопасти рулей. Намазывали клеом оставшие куски дерева, зажимали струбцинами и ждали, пока схватит, а тем временем готовили следующую лопасть. Проклеив, покрыли лопасти смолой, попросили подъемный кран и перенесли весла на борт.

В 19.00 пробил наш «комендантский час». Между тем путешественники не возвращались. Мы стали беспокоиться: хоть и с провожатыми, а не наткнулись ли на султанский патруль? Не хватало нам в Омани осложнений!

«Туристы» (от слова «Тур») приехали часом спустя, пропыленные и голодные, во главе с командиром, помолодевшим за день лет на десять. Нижеследующее — по их рассказам.

Археологи увлеченно занимались глубоким изучением древней ирригационной системы, шумерских шахт и так зарылись в землю, что не заметили ступенчатой башни неподалеку...

...До недавнего времени ни на какие памятники старины в Омане внимания не обращали... Разве что средневековая крепость в Матрахе была реставрирована. В последние годы начались археологические изыскания. Раскопками на севере Омана руководит итальянец Паоло Коста. Хейердал с ним повстречался и стал зондировать почву:

— Чем же вы сейчас заняты, дорогой Паоло?

— Исследуем древнюю ирригационную систему, связывавшую некогда побережье и медные рудники.

— Те самые, известные по шумерским летописям?

— Да, вполне возможно, что это знаменитая «медная гора» и есть.

— А не обнаружено ли там в окрестностях каких-либо сооружений из камня?

— Да торчит вроде башня, ступенчатая. А что?..

Поехали на плато — плоскую, как стол, равнину с развалинами храмов и странными стрельчатыми воротами — ни домов, ни стен, лишь ворота посреди чистого поля: одни, другие, третьи.

Здесь когда-то высилась гора, видная далеко с моря. По ней сверяли курс капитаны спешащих в Оман тростниковых судов. Суда спешили за медью. Горамаяк целиком состояла из медной руды.

Рудокопы врубались в гору. Прорывали в ней норы-туннели. Дырявили, обрушивали, вгрызались — и за много веков сровняли гору с землей. Полностью переплавили в слитки. Но входы в туннели почему-то не тронули. И стоят они как монументы в честь былого месторождения, как памятники циклопическому труду.

Не менее циклопично то, что под ними, в недрах, под пластами грунта. Невидимое, как воз-

дух. Глубинное, как артерии. Речь идет о «фаллах».

В большей части Омана система «фаллах» — главный источник ирригации и водоснабжения. На горном склоне роются шахты. Верхняя — до гидрослоя, остальные — необязательно. Шахты соединяются внизу галереями. Получается подземный канал, по которому самотеком струится вода. И так до деревень, до полей, иногда за многие километры. Даже в самое жаркое время года уровень воды в системе «фаллах» меняется мало, поскольку дебит питающих ее запасов не зависит сильно от погодных колебаний.

Постройка и эксплуатация «фаллаха» требует величайшего искусства. Жители Омана владеют этим искусством издавна. Возраст многих каналов и галерей — две, две с половиной тысячи лет, встречаются еще более древние. Их и наметил к изучению Паоло Коста. У него четкие задачи и планы. Водопровод прежде всего. Что ему до примелькавшейся, полуразрушенной башни, заурядной, по плечи засыпанной песком?

Верно говорил академик Павлов: «Нет в голове идей — не увидишь фактов». Будь эти руины найдены в Ираке, их сочли бы зиккуратом, в Египте — пирамидой. А здесь башня. Башня — и все. Сколько людей равнодушно прошло мимо нее, по крайней мере за последние годы.

Груда глыб, сложенных уступами, ориентированная по сторонам света, около шести метров высотой над поверхностью, а сколько уходит в глубину, никто не мерил. Ни цветности, ни масштабности — скучный холм с нечеткими от выветривания контурами.

Холм, который даже фотографировать трудно: Карло не без причин опасается, что слайды будут крайне невыигрышны и дадут пищу сомнениям и кривотолкам. Отснять, кстати, все не успели: дорога слишком длинна. Решено отложить старт на день, с 11 января перенести на 12-е. Да и как не перенести? Ведь «холм» этот все же зиккурат! Тот самый, о котором ходили слухи, и этим слухам мало кто верил, и мы сами уже не надеялись на удачу, но нашли. Открытие подтвердилось, и в копилку достоверных фактов о шумерских связях добавился еще один. Снова Хейердал оказался прав, и снова мы убедились в том, в чем, по правде, были убеждены с самого начала, — в безусловной ценности нашей экспедиции для культуры Земли.

Тур счастлив. Распрямился, ходит гоголем. Куда девались озбоченность и брюзгливость? До че-

го он везучий все же! На Маканском руднике, возле арок, наклонился — и подобрал крошечный слиток меди. Кусков шлака было полно, а вот чтобы медь!.. Слиток гуляет из рук в руки, им завистливо любуются, удивляются: «Как заметил?» — «Заметил, потому что смотрел!..»

Да, смотреть и видеть далеко не одно и то же.

12 января Хейердал разбудил нас еще в полутьме.

— Мы должны стартовать не позже восьми, пока безветрие, — объяснил он. — Потому что дневной ветер постарается прижать «Тигрис» к берегу и помешает нам отойти.

Отходить решили на веслах: силы имеются, сноровка есть — покажем провозжающим класс!

Привязали гребные весла с правого борта, Асбьерн на «Зодиак» завез якорь метров на сто, мы, снявшись со швартовов, к нему подтянулись и развернули лодку носом к морю. Еще четверть часа ушло на установку весел слева, а затем Тур с капитанского мостика скомандовал: «Начали!»

Дружно, в восемь пар рук, наваливаемся. Гребем стоя, как гондольеры. Весла тяжелые, лодка тоже, но движемся. Проползаем мимо кораблей, они гудят, сигналият, на палубах солнечные искорки от направленных на нас объективов, — редкое доставлено Матраку зрелище.

Проходит тридцать минут. Гребем. Пот застывает глаза, руки деревенеют — гребем. Поворот, другой, вон уже выход из гавани, справа — гористая гряда, слева — мол: бетонные болванки выстроились на манер противотанковых ежей. Тур кричит: «Ну, еще немного!» Наваливаемся. Вторым Норману хором: «Готов — пошел! Готов — пошел!»

«Немного» растянулось почти на час. Вышли наконец. Быстро поднимаем парус. Но порыв ветра — и нас несет прямо на бетонные «ежи». Что будет, страшно представить. 40 метров, 30 метров, 20 метров — к счастью, буксирный катерок оказался рядом. Норман бросает им конец, взревел мотор, и мы вне опасности.

Буксир оттащил нас метров на двести, а там пошли самостоятельно. Ветер был южный, слабый, ему помогало течение — берега медленно удалялись.

Когда они покрылись дымкой, провозжатые покинули нас, приняв на борт кассеты с отснятой пленкой. Все. Больше никаких лоцманов и буксировщиков не предвидится. Мы действительно в море одни...

приехал в Гаванский порт, чтобы встретиться с лоцманом, о котором так много слышал от советских капитанов дальнего плавания. Другого такого не встретишь на Кубе.

— Орхидея Перес, — улыбаясь, протянула мне руку стройная женщина в светло-желтой форме кубинского морского флота.

Мягкая улыбка и нежное имя цветка — Орхидея. Все это никак не вязалось с представлением о профессии лоцмана, от которого зависит, благополучно ли ошвартуется у причала судно, прошедшее тысячу миль по морям и океанам. Работать лоцману приходится не на океанском просторе, а в узкости входного канала и тесноте оживленного порта, где малейшее промедление или ошибка с подачей команды может привести к серьезным последствиям. Однако, как писали кубинские газеты, Орхидея Перес отлично освоила эту трудную морскую специальность. Ее судьба воплотила в себе сам дух кубинской революции.

...Все началось с непреодолимой тяги к морю, когда она, еще школьницей, вместе с подружками отправлялась на загородный пляж. Девочки бегали по белому песку, собирая у кромки волн разноцветные ракушки для бус. Орхидея уходила в дальний конец пляжа, где возле рассохшейся лодки обычно грелся на солнышке старый рыбак Альберто. Она готова была часами слушать его рассказы о море. Девочка узнала, что загадочные голубые и зеленые разводья, проступающие на фиолетово-синем фоне поодаль — признаки ровного песчаного дна; что мурена, рыба-змея, вовсе не ядовита, но если она вцепится во что-то, ни за что не разожмет челюстей; что парусники, которые бороздили в старину океанские просторы, носили название «весты ветров».

Рассказывал Альберто и о трудном рыбацком промысле, смелых людях, что бросают вызов стихии. Слушая старого рыбака, Орхидея мечтала, как уплывает к затерявшимся у горизонта лодкам, как рыбаки возьмут ее с собой в неведомые края.

— Мне еще не исполнилось семнадцати, — рассказывает Орхидея, — когда я попыталась поступить в мореходное училище. В то время в горах Сьерра-Маэстры полыхала партизанская война против диктатуры Батисты, и до победы

СЛОЖНЫМ ФАРВАТЕРОМ

было не так уж далеко. Это чувствовали все. Я верила, что у Кубы будет свой флот, и, конечно же, хотелось прийти на него, владея морской специальностью. Трудно даже передать, как я была огорчена, когда в училище мне категорически отказали. И все же решила не отступать. Пошла в профессиональное объединение работников флота: там были подготовительные курсы. Как горячо я убеждала, что твердо решила избрать морскую специальность! Напрасно. Мне ответили так: «Можете внести 200 песо и вступить в наше объединение. Но права работать на судах, вы, женщина, не получите». Я едва сдержалась, чтобы не сказать, что в горах Сьерра-Маэстры вместе с мужчинами отважно сражаются и женщины...

А потом наступил незабываемый январь 1959 года, когда ликующая Гавана встречала «бородачей» Фиделя Кастро. Водоворот событий целиком захватил Орхидею. Как и тысячи молодых кубинков, она участвует в организации первых женских комитетов.

Орхидея Перес навсегда запомни-

ла слова партизанского командира Че Гевары, которыми он напутствовал девушку на церемонии приема добровольцев в женские отряды народной милиции.

— Наша революция — это революция молодых, — сказал он. — Мы должны сами учиться и учить других. Ты берешь такое обязательство перед революцией?

— Конечно, команданте!

— Тогда успехов тебе, Орхидея...

Получая форму «милисиано» у стола, поставленного на раскаленный асфальт прямо посреди улицы, Орхидея и не предполагала, что сделала первый шаг к осуществлению своей мечты. Когда на Кубе был объявлен «Год просвещения» — борьбы с неграмотностью по всей стране, ей предложили вступить в ряды «бригадистов», как называли тех, кто вел курсы кубинского «ликбеза».

— Куда ты хочешь получить направление? — спросили Орхидею Перес члены комиссии, распределявшие «бригадистов» по провинциям.

— На флот, — не задумываясь, ответила она.

— Но ведь рыбаки не сидят на берегу, тебе придется выходить с ними в море. Рыбачьи суда не океанские лайнеры, всякое может быть...

В конце концов комиссия направила девушку к рыбакам в Гаванский порт. Судно, на которое она получила назначение, оказалось небольшой моторной шхуной «Ламбда-18» с экипажем из десяти человек. В управлении порта Перес предупредили, что утром шхуна уходит на лов черны и ссручо в Мексиканский залив. Боясь опоздать, Орхидея почти не спала в ту ночь, и, когда первые лучи солнца вспыхнули на верхушках мачт стоявших у причалов судов, она спрыгнула на пропахшую рыбой палубу «Ламбды-18». Проверявшие и укладывавшие ручные переметы рыбаки с удивлением рассматривали неожиданно появившуюся молодую женщину в плотной мужской куртке и грубых рабочих брюках со стопкой тетрадей и учебником в руках.

— Я ваша учительница, зовут меня Орхидея. Буду учить вас читать и писать, — храбро представилась она.

НА МЕРИДИАНАХ ДРУЖБЫ

Кое-кто из рыбаков заулыбался, а один коренастый, мускулистый парень с озорными глазами по имени Лино, притворно вздохнув, изрек:

— Все, пропали наши души: женщина на борту — жди беды. Что до меня, то пусть лучше съест акула, чем подчиняться ей, словно глупая сардинка.

— Ты и есть сейчас глупая сардинка, если так рассуждаешь, — одернул его капитан. И ободрил девушку: — Ничего, не робей, мы тебя не подведем. Рыбаки народ твердый: раз взялись — выучимся грамоте...

Когда шхуна отвалила от причала и направилась к выходу из гавани, к штурвалу встал сам капитан. На палубе собралась почти вся команда, молча прощаясь с родной Гаваной. Внезапно «Ламбда-18» замедлила ход, чтобы пропустить старенький пассажирский катер, курсирующий между портом и городком Регла. На борту крупными буквами было выведено его название: «Ленин». Капитан дал протяжный приветственный гудок, и тут Орхидее пришла мысль прямо сейчас провести первый урок.

— Как называется этот катер? — обратилась она к рыбакам.

— «Ленин», — дружным хором ответили они.

— А почему именем великого вождя русской революции назвали катер, который ходит в Реглу?

— Потому что там — холм Ленина, — оказалось, что и это известно всем.

А вот на вопрос об истории холма с таким необычным названием вызвались ответить лишь двое.

Тогда Орхидея рассказала рыбакам, как в 1924 году на Кубу пришла скорбная весть о том, что в далекой России скончался вождь пролетариев всего мира Владимир Ленин. И алькад города Реглы Антонио Бош, за три года до этого объявивший 1 Мая официальным праздником, издал еще более смелый декрет. В нем говорилось, что Ленин за свою общественную деятельность был провозглашен Великим Гражданином Мира. Алькад просил жителей округа почтить его память минутой молчания и собраться на холме Лома-де-Фортин, где в честь Ленина и в знак дружбы с русским народом будет посажено оливковое дерево.

В тот день лил проливной дождь. Однако задолго до назначенного времени к Лома-де-Фортин потянулись сотни людей. Без пяти минут пять — в тот же час, когда в Советской России хоронили Ленина —

алькад посадил оливковое дерево, и каждый из собравшихся бросил к нему горсть земли. В день этого траурного митинга холм и получил имя Ленина. 1 Мая туда приходили рабочие не только со всего округа Регла, но и из Гаваны. Конечно же, это не могло не вызвать недовольства у властей. И вот в 1928 году на холм нагрянули полицейские и окружили деревце, как будто это был опасный враг. В руках они держали мачете и пистолеты, хотя поблизости не было ни души. Полицейские сломали провололочную решетку, окружавшую оливку, и с корнем вырвали дерево. Но трудящиеся Реглы снова посадили его.

А спустя два года у холма Ленина произошло настоящее сражение. Конфедерация трудящихся Кубы решила отметить праздник Первого мая массовым митингом у оливки. С утра из Гаваны в Реглу прибыли тысячи рабочих с красными платками на шее. Они несли знамена и плакаты с революционными лозунгами: «Да здравствует коммунистическая партия! Долой диктатуру Мачадо!» От подножия до вершины холм был заполнен людьми. В разгар митинга на собравшихся напали солдаты. Защищая холм Ленина, демонстранты пустили в ход камни и палки. Но силы были неравны. После того как двое рабочих были убиты, а больше пятидесяти ранены, им пришлось отступить. Но только когда опустилась ночь, полицейские решили срубить дерево. Впредь власти запретили собираться возле памятного холма, а того, кто попытался бы посадить на нем оливку, ждало тюремное заключение.

И лишь после победы революции олива вновь зазеленела на вершине холма Ленина.

...Уже давно скрылась за горизонтом Гавана. Слева по борту тянулся покрытый зарослями низкий берег. По обе стороны шхуны, словно почетный эскорт, следовали дельфины. Горячие лучи солнца настойчиво напоминали, что пора бы натянуть тент, но притихшие рыбаки, казалось, не замечали этого.

— А вы знаете, к чему призывал Ленин молодежь? Учиться, учиться и еще раз учиться — так закончила Орхидея Перес свой первый урок.

Много уроков провела девушка в «плавучей школе», где классной доской служили доски палубы, а партами — колени рыбаков. И не было случая, чтобы она отменила занятие из-за непогоды. А ведь Орхидее приходилось не просто учить, но и самой постигать секреты ры-

бацкой профессии. По утрам вместе со всеми она участвовала в уборке шхуны, помогала наживлять перемет, ставить и выбирать его. Но как бы ни уставала, Орхидея пользовалась любой возможностью отстоять вахту у руля — сначала рядом с капитаном, потом самостоятельно. Выдержала девушка и первый экзамен, который устроило ей море. У Юкатанского побережья шхуна попала в «кипящую воду», как называют рыбаки места, где шквальный ветер и течение, сталкиваясь, поднимают огромные волны. Однако «учительница» не растерялась, удержала «Ламбду» на курсе.

Делали успехи и ее ученики. Настало время, когда даже упрямец Лино уже не спотыкался на каждом слове, читая учебник или выводя в тетради «закорюстиые» диктанты. Теперь Орхидея Перес могла сказать, что научила читать и писать всю команду.

Но самые счастливые минуты пережила она, когда пришло известие о зачислении в мореходное училище. С первых же дней Орхидея поставила дело так, чтобы к ней относились, как ко всем курсантам, и сама старалась ни в чем — ни в учебе, ни на занятиях физкультурой или добровольных работах в порту — не уступать им. В учебнике по штурманскому делу она хранила журнальную вырезку о советской женщине — капитане дальнего плавания.

— Оказалось, что овладеть морскими дисциплинами ничуть не легче, чем выбирать в шторм перемет. И в трудные минуты я не раз перечитывала заметку, — вспоминает Орхидея. — А в 1962 году мне повезло познакомиться и с самой героиней очерка. Мы работали в порту. Рядом шла разгрузка советского судна «Омск». И вдруг узнаю, что на нем Анна Ивановна Щетинина. Ребята подшучивали над мной: какой же из тебя выйдет капитан, если боишься пойти познакомиться со своим коллегой? Я отправилась на «Омск». Анна Ивановна была на судне, тепло встретила меня, пригласила в каюту. Мы долго беседовали за чашкой кофе. Анна Ивановна интересовалась моими дальнейшими планами. Я рассказала, что хочу стать лоцманом, но это очень сложно для женщины. Ведь лоцман должен быть не просто опытным моряком, он еще и представитель своей страны, первым поднимающийся на борт иностранного судна, по работе которого судят о ней и ее людях.

Внимательно выслушав меня, Щетинина сказала: «Конечно, трудности будут. Но вы молоды, Орхидея, у вас все впереди. Сейчас важно получить хорошие знания, потом придет и опыт. Только всегда нуж-

но быть настойчивой». Это напутствие я запомнила на всю жизнь.

Орхидея обещала написать Анне Ивановне Щетининой, если станет лоцманом. Когда долгожданный день наступил, в письме, ушедшем за океан, ни слова не было сказано, скольких волнений стоила ей первая самостоятельная проводка.

...На подходе к Гаванскому порту юркий катерок подскочил к огромной, как гора, — так в этот день казалось Орхидее — корме океанского судна. Она быстро поднялась по штурману и легко перескочила через фальшборт.

— Лоцман-стажер Орхидея Перес. Сегодня проведет свои первые маневры, — представил ее капитану старейший лоцман порта и подчеркнуто спокойно отошел в сторону.

Капитан был изумлен: среди лоцманов вообще редко встретишь молодых людей, обычно это те, кто ранее долго плавал по морям-океанам капитанами или штурманами. А тут — молодая женщина!

После некоторого замешательства капитан подвел Орхидею к креслу и, протянув гостье в морской форме коробку конфет, сказал:

— Это то, что я могу вручить представительнице прекрасного пола у себя на судне. Но ни в коем случае не его судьбу.

— Как вам будет угодно, — в тон ему ответила Орхидея. — Если вы предпочитаете терять время на внешнем рейде, дело ваше. Другого лоцмана сегодня не будет.

Обескураженному капитану не оставалось ничего другого, как подчиниться. Зато когда Перес безукоризненно провела судно в гавань через узкую горловину и с математической точностью поставила его к причалу, капитан поцеловал ей руку и с чувством произнес:

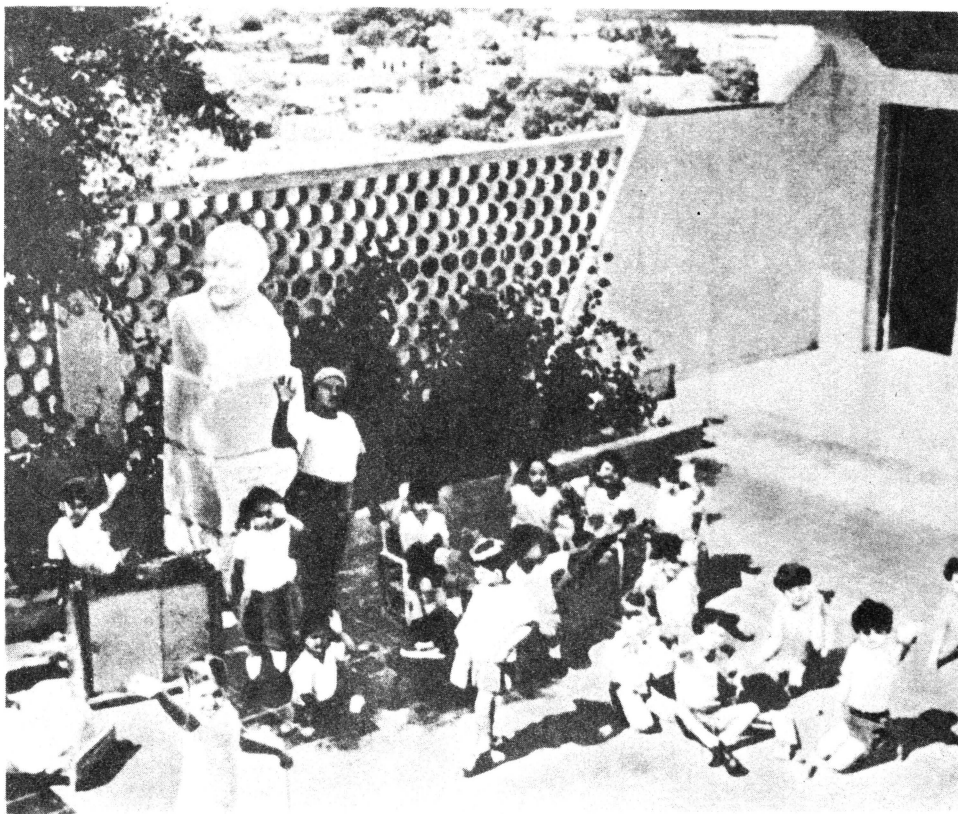
— Благодарю за прекрасную проводку...

— Так поначалу меня встречали на многих судах, — продолжала рассказ Орхидея Перес, — которые приходили в Гавану под флагами Греции, Кипра, Испании, Франции да и других стран. Однажды, когда море штормило, дул сильный ветер и пришлось исполнять сложные маневры при двух спущенных якорях, капитан даже заподозрил, что я переодетый мужчина. Слишком уж смело, не по-женски, с его точки зрения, я действовала.

Мы встретились с Орхидеей Перес в первый день после ее отъезда. За время отсутствия в порту ошвартовалось много советских судов. А что, если подняться на одно из них? Подходим к сухогрузу «Красноуральск».

— Позовите капитана! — кричим вахтенному матросу.

И вдруг слышим усиленный мегафоном голос с мостика:

— Добро пожаловать, Орхидея! Навстречу нам по трапу спешит худощавый, быстрый в движениях моряк с капитанскими нашивками. Это Лев Яковлевич Будылкин.

— Что привезли к нам на этот раз? — спрашивает она.

— Трубы, машины, целлюлозу, — шуточно рапортует он и добавляет: — Только сейчас пришел на «Красноуральске» капитаном-наставником.

— А вообще какой раз вы уже на Кубе? — интересуюсь я.

— Затрудняюсь и сказать! — разводит руками Лев Яковлевич. — Хожу сюда с 1960 года. Гавана стала чем-то вроде второго порта приписки.

— Значит, у вас здесь много знакомых?

— Конечно! И знаете, одной из самых запоминающихся и приятных была встреча с Орхидеей, — делает он поклон в ее сторону. — Женщин-лоцманов я до этого не встречал. Но когда товарищ Перес впервые поднялась на борт моего судна — это был «Академик Орбели», — я без всяких опасений вручил ей судьбу корабля. Я не раз встречался с нашими, советскими женщинами-капитанами, которые не уступают в мастерстве судовождения мужчинам. Можно было только благодарить судьбу, пославшую такого очаровательного лоцмана.

— Я тогда старалась держаться

с подчеркнутой серьезностью, даже не улыбалась, — смеется Орхидея. — Ведь это были мои первые самостоятельные шаги.

— Поэтому-то я и не вмешивался в ее команды, — тоже улыбается Лев Яковлевич, — хотя внимательно следил за всеми действиями и был готов в любую минуту прийти на помощь. Мы прекрасно вошли в гавань и ошвартовались с первого захода. Работой лоцмана я остался очень доволен. Так всегда было и в последующие годы.

— В то время я была единственной кубинкой, овладевшей морской профессией, а это ко многому обязывает. Сейчас у нас и другие женщины работают на судах, учатся морским специальностям.

— А кем вы хотите видеть своих детей, когда они подрастут? — задал я вопрос.

— Ваш вопрос опоздал. Оба моих сына уже взрослые. И оба тоже моряки. Я рада, что моя любовь к морю передалась им.

...Позднее в тот же день, когда я стоял на набережной Малекон, из канала, ведущего в порт, выскочил лоцманский катер и, вздымая носом седые пенные усы, устремился к ожидавшим на рейде громадам океанских судов. Рядом с рулевым виднелась женская фигура в светложелтой форменке. Значит, кто-то из капитанов скажет скоро: «Добро пожаловать, Орхидея!»

«ОН КРЕПКО ЛЮБИЛ РЕКУ...»

Вас интересует именно эта река? Тогда вам следует поговорить с Валерием Сергеевичем Ясаковым, старшим инженером отдела обоснования переброски стока северных и сибирских рек на юг страны. Он у нас большой знаток этой Чу, как всего, впрочем, Казахстана и Средней Азии... Нет на Чу урочища, которого бы он не знал в совершенстве. Несколько лет подряд Ясаков руководил научными изысканиями в долине реки — был начальником партии...

Так мне ответили в Государственном гидрологическом институте, что в Ленинграде на Второй линии Васильевского острова, куда я обратился за помощью перед отъездом на Чу.

Ясакова я увидел за столом, над которым висела раскрашенная схема всей Чуйской долины. На краю стола — красиво надписанные и аккуратно сложенные в стопки полевые журналы и дневники. Карандаши оцетинились остро отточенными жалами — ни одного тупого или поломанного. Единственная вольность — темно-красные, с медным отливом перья фазана в особом стаканчике.

Узнав, что я собираюсь на Чу, Ясаков грустно улыбнулся:

— А я вот не могу. Прикован к отчету. Будете на Чу — поклонитесь от меня Васильеву...

— А кто такой Васильев? — спросил я.

— Как, вы не слышали о Владимире Александровиче?! — Ясаков смотрел на меня, и его серые глаза были полны сожаления. — Когда вы уезжаете на Чу?

Я назвал дату, и минут через пять он принес мне какие-то фотографии. Валерий Сергеевич нес их так, как подсобники на стройке таскают стопки кирпичей — прижав к животу и поддерживая снизу на вытянутых руках.

— Вот, полистайте хотя бы это...

На одной из книг я прочитал: «Ежегодник отдела земельных улучшений. Санкт-Петербург, 1911». На других стояло то же название, только даты издания были другие. Я открыл один из «Ежегодников» и увидел схему поперечного сечения участка реки Чу. Полистал — наткнулся на фотографию человека в фуражке с кокардой и в офицерской форме.

— А вот и Владимир Александрович! — воскликнул Ясаков, любясь фотографией, словно на ней был запечатлен его самый близкий родственник. И тут же перешел на деловой тон: — Чу, хотя и пересыхающая, но крупная река. Географическая длина ее от истока до слепого устья составляет 1275 километров, то есть приблизительно половину длины Дуная. Исследования на Чу начались в 1903 году. В результате крупных комплексных экспедиций Васильевым была подготовлена схема ирригации долины и созданы проекты...

Наугад открытая страница «Ежегодника» заинтересовала меня:

«В Кочкорской долине солнце встает из-за гор на час-полтора позже, чем в Чуйской долине, и заходит ранее. С гор стекает холодный воздух, который, не имея выхода, застаивается, и отсюда долгие холодные ночи.

...Близ озера Кокуй старое русло Чу сливается с многочисленными котловинами и озерами».

Упоминание Кокуйского озера пробудило во мне воспоминания детства, которое прошло под сенью турагговых и джидовых роц. Кокуйское урочище я знал примерно так же, как теперь Невский. В Кокуе, на охотничьем зимовье, мы жили лет пять...

«Условия полевых работ нужно признавать чрезвычайно тяжелыми, — читал я далее. — Большая часть местности занята тростниками и рисовыми полями, залита водой. Малярия свирепствует настолько, что доктор партии подал заявление о необходимости прекратить работы... Страшными врагами в этой местности являются комары... По выходе из болот в степи появляются другие враги... начиная с ядовитых змей и кончая пауками, среди которых грозой является каракурт...»

«Ежегодники», с которыми я едва управлялся к отъезду на Чу, расширили мои познания о реке. Родилась идея пройти маршрутами Васильева, чуйского первоисследователя. Разумеется, не все в его отчетах было для меня понятным. Поэтому я вынужден был то и дело беспокоить Ясакова. И тот — это я хотел бы отметить особо — всегда откладывая свои текущие дела, беседы с сотрудниками и приходя к мне на помощь. У меня было

неоспоримое преимущество перед любым сотрудником института: я родился и вырос на берегах Чу. А кроме того, очень старательно штудировал дневники и отчеты Васильева...

Итак, я в Кочкорке, у истока реки. Вообще-то меня интересует не исток, а Орто-Токойское водохранилище и Чумышский гидроузел, спроектированные Васильевым.

Первые гидрометрические посты на Чу появились в 1903 году. А Чумышская плотина была построена только в тридцатых годах. Но вины Васильева тут нет...

Начальство, послывшее экспедицию в «дикий» Туркестан (так когда-то называлась территория Средней Азии), кажется, было вполне удовлетворено тем, что на землях окраины России появились репера — геодезические знаки. Васильев же не желал ограничиваться установкой знаков. Тщательно обследовав реку и ее долину, он в 1913 году подал в министерство земледелия проект орошения.

— Гидросооружения на Чу?! А что такое Чу? Вот этот куцый хвостик? Строить в этой Тмутаракани плотину да еще на государственных деньгах? Кажется, молодого человека одолевают пустые, а может, и вредные мечтания...

И на проект освоения Чуйской долины князь Масальский, управляющий отделом министерства, наложил резолюцию: «В архив. Кому нужен проект орошения долины, населенной инородцами».

С тех пор как на Чу был закопан первый репер и в грунт была вбита первая водомерная рейка, минули десятилетия. Как-то встретит меня река сегодня?

Чу входит в список семи крупнейших рек Казахстана. Истоки ее находятся в горах, на высоте от трех до пяти тысяч метров. Вырвавшись из теснин внутреннего Тянь-Шаня, река поворачивает на запад, словно стремится достичь Сырдарьи. Но это ей не удается. Чу никуда не впадает, а заканчивается слепым устьем — распадается на множество озер, соединенных между собой пересыхающими протоками.

Река пробила себе русло на стыке двух пустынь. К северу от Чу простирается Бетпак-Дала, к югу — пески Муонкум. На нить реки как бусы нанизаны села и города: Кочкорка, Токмак, Георгиевка, Чу, Фурмановка, Уланбель... Чу бежит через две республики — Киргизию и Казахстан.

Завтра отправляюсь вниз по реке. На плоту. Именно таким способом я решил добраться до Орто-Токойской плотины, а затем и до Чумышской. Конечно, если в пути

ничего не случится. Ведь в верховьях Чу довольно бурная. Опасно для плавания и Боамское ущелье: дно реки на этом участке завалено валунами и обрушенными в русло камнями.

Вообще-то в Киргизии и Казахстане неплохие дороги. Можно было бы выбрать иные средства передвижения. Но я предпочел плот и байдарку: чтобы узнать реку — надо плавать.

...С утра до вечера строим плот. «Верфь» оборудовали под кустами тала и облепили. Материал для плота несколько необычный — доски и автомобильные камеры. И то и другое помог достать Болот Жусубалиев, студент. Я познакомился с ним, когда ехал из Фрунзе в Кочкорку.

Капроновыми фалами увязываем камеры, из сосновых досок сколачиваем палубу, привязываем ее к резиновому понтону. Подкачиваем насосом камеры. Готово. Едва сталкиваем наше «судно» на воду, как его тут же начинают вырывать из рук. Чтобы спокойно погрузить снаряжение, мы ставим плот в заводь.

— Отдать концы!

Болот отвязывает от тала капроновый фал — теперь это швартовый, — бросает его мне и вскидывает руки в прощальном жесте.

Плот подхватило течением, развернуло несколько раз вокруг оси. Управлять шестом непросто. Тычешь-тычешь, а толку никакого. Струя сильная, плот легкий — несет как щепку. Через минуту-другую за поворотом исчезают дома Кочкорки...

Заходящее солнце залило алым светом снежные зубцы, а сумерки покрыли их пятнами густо-синего цвета. Береговой тальник полощет свою буyno-зеленую шевелюру в холодных струях. В отблесках заката вспыхивают оранжевые пятна облепики. Но недосуг любоваться вершинами гор и прибрежными зарослями. Надо глядеть в оба. Особенно на перекатах.

Первое время на порогах я боялся острых обломков скал. Потом понял: для плота они не опасны. Только перед очередным столкновением с камнем надо крепче держаться за лямки рюкзака, притороченного к палубе. Другое дело коряги, застрявшие между глыбами. Они вполне могут проткнуть поплавки. Услышав скрип резины, я всякий раз ощупываю камеры.

...Все ближе подступают утесы. Их лбы изборождены глубокими морщинами. Приметы Орто-Токая.

Еще в Ленинграде я припас кусок тонкой парусины, обточенной по краям, — что-то вроде кливера. Как только выберусь на водохрани-

лице, сразу же поставлю парус. Под ним плыть куда приятней и спокойней, чем вот так трястись по «ухабам».

Издадека послышался грохот. Так шумит только низвергающаяся вода. Водопад?! Но ведь, по моим представлениям, вот-вот должно открыться водохранилище.

Шум воды с каждой минутой усиливается. И вот я вижу, как вода клокочет между камней. Вижу торчащие коряги — много коряг! Камни и наносы образовали острво и что-то вроде плотины. Левая протока несудоходна, а правая круто, почти под прямым углом, поворачивает. Покрепче ухватился за рюкзак.

Плот выскочил краем на камни, зацепился, стал опрокидываться. Со швартовым выскакиваю на берег, спихиваю плот ногой. Вдруг течение вырывает веревку из руки — и плот уносит.

Бросаюсь следом в клокочущую воду. Течение подхватывает меня словно мячик. Но расстояние между мною и плотом не сокращается, и мне бы никогда его не догнать, если бы он случайно не застрял между корягами. Коряги, которых я так боялся, сослужили хорошую службу...

Нелегко же было Васильеву, когда он со своим отрядом продвигался от Кочкорки к Чумышским скалам. Гидрографический отряд не сплавлялся, а шел берегом — карабкался по крутым склонам, по осыпям, продираясь сквозь колючие заросли облепихи и тальниковое густоестье.

Ученый продвигался вниз по Чу в сто раз медленнее меня. Он не мог позволить себе такой роскоши — нести по бурной реке на плоту. Некоторые участники его комплексной экспедиции вообще сидели на месте, ведя наблюдения. Зачастую даже не представляли, сколько информации в целом необходимо для обоснования проекта орошения и строительства плотины. Васильеву надо было определить уклоны, скорость течения на различных участках, прочность грунтов и подстилающих пород ложа реки... Короче говоря, прежде чем приступить к проекту, нужно было изучить каждую излучину и каждый перекат. Если что-то упустить, это неизбежно приведет к нежелательным последствиям — река заболает. Например, начнут разрушаться берега, глубокие омуты заиливаться, превращаясь в трясину. Это, в свою очередь, приведет к гибели рыбы и других обитателей реки. Многолетние комплексные исследования на Чу позволили создать проект орошения Чуйской долины, в урочищах Орто-Токой и Чумыш были построены плотины, причем обошлось без нарушения экологического баланса.

Любопытная подробность. Владимир Александрович по образованию не был гидрологом. Он закончил в Петербурге институт путей сообщения. Но, получив диплом инженера, отправился в Туркестан, где и возглавил изыскания на реке Чу. На реке, о которой мало кто знал. Брокгауз и Ефрон в своей обстоятельнейшей энциклопедии удостоили Чу всего лишь нескольких строк.

Считается, что Васильев жил в Петербурге, затем в Москве. Но большую часть своей жизни он скитался по берегам Чу, жил в палатках, землянках, шалашах.

..Он знал джидовые роции, что тянутся вдоль левого берега Чу до самого Сарбеля — урочища, которое находится за шестьсот кило-

метров от Кочкорки. Сквозь джиду, как в тоннеле, пролегает дорога. Воздух в этом серебристо-зеленом тоннеле настоян на ароматах цветущих деревьев. Когда джиды покрываются желтыми, невзрачными на вид цветочками, то кровь в жилах людей начинает бродить как молодое вино. На сучьях деревьев висят гнезда грачей, похожие на малахаи. Грачи кричат оглушительно, целыми днями напролет и лишь перед дождем умолкают.

Я представляю, как Васильев сидел на обрыве, прислонившись к стволу джиды, покрытому черными наростами смолы. Он расшифровывал записи, приводил в порядок полевые книжки, где цифры и факты были перемешаны с личными впечатлениями.

Покончив с записями, Владимир Александрович ходил по окрестностям и думал о том, что здесь можно было бы выращивать виноград, свеклу, кукурузу. По преданию, когда-то и выращивали. Об этом свидетельствуют старинные, давно заброшенные в пойме арыки и тщательная планировка земель, заросших тугаем. На равнинах Чуйской долины и верхние террасы поймы нужно вывести воду. Необходимо строить плотины. Но где именно? Понятно, не здесь, у Благовещенки, где Чу, если ее перекрыть плотинкой, может затопить, заболотить плодородную пойму. Слишком плоское место. Скорее всего на Чумыше надо ставить плотину — там русло стиснуто скалами — или еще выше, на Орто-Тококе, где река зажата горами. Иногда приходили сведения о том, что пропадают репера: это, конечно, дело рук местных богатеев, догадывался ученый. Состоятельные уйгуры и дунгане считали себя владельцами арыков и распределительных застав, они держали киргизов и казахов-дежкан в кабале. Без их разрешения не полить ни огород, ни десятину с просом. Они смекнули, что строительство государственных инженерных сооружений подорвет их монополию на воду.

Васильев прекрасно понимал: много воды утечет в Чу, прежде чем ее берега соединит хотя бы одна плотина. Годы ушли только на обследование верховьев и Чуйской долины. Еще надо обследовать понизовье, но министерство не хочет для этого выделять деньги...

Горы раздвинулись широко, и плот вынесло на просторы Орто-Токойского водохранилища. Задул ветер. Я поставил парус, и шест, вставленный в специальное гнездо, изогнулся, заскрипел. Потуже натянул шкот — плот стал прыгать с волны на волну. Однако вскоре ветер поутих, парус обмяк. Плот

замер. Меня обступила тишина. Да такая, что в ушах зазвенело. Это уж никуда не годится! Солнце вот-вот сползет за гору, а я еще болтаюсь посреди водяной пустыни...

До плотины рукой подать. Уже виднеется серая полоска бетона. Оторвал от палубы горбыль, стал грести. Но, похоже, что стою на месте и напрасно расходую силы. После каждого гребка плот лениво вращался вокруг оси, не проявляя ни малейшего желания идти вперед. Это похуже коряг и камней... Только к девяти утра я смог причалить к склону, в который одним концом упирается плотина.

Александр Калинович Роденко, начальник управления Орто-Токойского водохранилища, узнав о моих злоключениях, укоризненно покачал головой.

— Молодежь... Рискуете. А зачем? Об Орто-Тококе и Чумыше можно прочесть в любом справочнике по Казахстану или Киргизии.

Рассказывая о плотине, Роденко не преминул назвать имя Владимира Александровича.

— Орто-Токойское водохранилище расположено на высоте 1700 метров. Васильев и строители довольно удачно втиснули его между горами, что и позволяет при сравнительно небольшой поверхности, или, как мы говорим, зеркале испарения (всего 24 квадратных километра), иметь огромную емкость — без малого пятьсот миллионов кубических метров... Из этого узкого, но глубокого ковша пьют воду две республики. Нынешний год относительно маловодный, и потому «ковш» заполнен наполовину. Строительство плотины было закончено в 1958 году, — продолжал он, — уже после смерти Васильева. Раньше построить не смогли. Война помешала. Да-а-а... Он был специалистом, каких теперь мало. Очень цепегильный. Ни одной цифры на глазок, ни одной идеи без строгой аргументации. И реку он знал, как мы свои квартиры. Вот стиль его работы. — Роденко достал с полки какую-то тетрадку, зачитал вслух: — «На строительство Чумышского магистрального канала предусмотрено 83 тысячи 680 руб. 13 коп. На возведение головного сооружения — 255 тысяч 686 руб. 40 коп». Подсчитано все до копейки!

— Но кем был Васильев? — вклинулся я с вопросом. — Изыскателем? Исследователем? Проектировщиком?

— Право, не знаю, — не сразу ответил Александр Калинович. — Наверное, в нем сочетались все три ипостаси. Он был необыкновенно разносторонним человеком. В Чуйской долине его знали хорошо... Бывало, подсядет к аксакалам и

начнет с ними разговоры водить. Все об одном — о Чу. Он ведь и казахский знал, и киргизский тоже. Если в долине теперь цветут сады, то в этом и его немалая заслуга, — закончил Роденко.

...Да, у Васильева была заветная мечта. Он хотел укротить лгую энергию Чу, сделать ее паводки, смывающие поселки и даже города (в 1878 году была смыта большая часть Токмака), полезными людям. Владимир Александрович мечтал увидеть в Чуйской долине сады, и он их увидел. Но учений никогда не довольствовался изучением только гидрологии Чу. Изучая сток реки или, скажем, скорость течения, он вместе с тем добросовестно исследовал растительность долины и поймы, рыбные запасы Чу, животный мир, экологические условия на отдельных участках. Отчеты и дневники Васильева — своеобразная энциклопедия о Чу. Кое-что из этой «энциклопедии» было в моих блокнотах.

«Ниже четвертого участка растет саксауловый лес... Заросли иногда настолько густы и высоки, что получается впечатление леса. У самой реки растет джидда, также и тополь разнолиственный (туранга)...»

«В 1915 году было организовано ботанико-географическое обследование всей долины реки Чу... Собрано 1600 экземпляров растений...»

Владимир Александрович был из тех, кто умел видеть реку. Длинные ряды цифр и густые решетки графиков не заслоняли ему живописные перекаты, излучины, плесы — словом, живую Чу.

...До Чумышских скал я добрался не на плоту, а на автобусе. Роденко сумел поколебать мою решимость. Доказал, что плот не годится для плавания через Боамскую теснину. Да и время поджимает.

В Чумыш из Георгиевки (как раз там находится управление оросительных систем) на служебной ма-

шине меня привез Николай Петрович Бутенко, пожилой словоохотливый гидротехник. Когда мы подъехали к Чумышским скалам, я увидел целое море воды. По одну сторону блестели шелковистые метелки тростника, по другую вперемежку с джиддой стояли дремучие вербы.

Чумышская плотина (метров 50 гранита, стали, бетона) подпирала воду, которую далеко отсюда сбрасывал Орто-Токой, и направляла ее в два канала — Георгиевский и Атбашинский. Каналы распухли от воды, как сытые удавы. Один «удав» уползал в Казахстан, другой — в Киргизию.

Бутенко охотно показал мне хозяйство ирригаторов: плотину, водоспуски, головные сооружения каналов.

— Видите, — говорил, увлекаясь, Николай Петрович, — как гранитные плиты отшлифованы? Камень к камню. А бетон? прочнее не бывает. Комсомольский бетон тридцатых годов. Смотрите, как все прочно. А ведь скоро юбилей будем отмечать — 50 лет.

Князь Масальский где сейчас? — вдруг спросил Бутенко. И сам же ответил: — Только виза его на бумаге осталась на память историкам. А плотина — вот она... Я ведь ее тоже строил. Бетон месил, землю тачкой возил. Машины прислали — мотористом стал. А как же, у нас и техника кой-какая была! Не все вручную. Даже бульдозер был паровой. Владимир Александрович хлопотал. Если бы не он, плотина, может, другой вид имела. Большой он был человек. Его наркомы ценили. — Эту фразу Бутенко произнес с особым нажимом.

— Он так крепко любил реку, что даже похоронить себя завещал здесь. — Николай Петрович вскинул руку в сторону белого обелиска, резко выделявшегося на фоне темной зелени. — Он говорил бывало: «Чу нельзя мерить сырдарьинским аршином. То, что хоро-

шо Сырдарье, может оказаться плохим для Чу. Если на Чу строить слишком большие водохранилища, то она захиреет. Река должна не только орошать поля, но и плодить рыбу, поить скот, умножать в пониловье зверя и птицу...» Так он говорил. И если бы он был жив, то, может, Таштуккульское водохранилище тоже другой вид имело. Больно много воды в степи там разлили. А ниже Таштуккуля теперь и смотреть нечего. Так, слезы одни, а не вода...

Что правда, то правда. Площадь зеркала Таштуккульского водохранилища превышает сто квадратных километров, говорили мне специалисты. А глубина на большей части едва достигает полутора-двух метров. Под водой оказались наиболее плодородные участки поймы.

— А перед смертью Васильев, знаете, что сделал? Попросил у начальства вездеход и целый месяц путешествовал. До самого Акжайкына, до слепого устья добрался. А потом, говорят, письма в Алматы и Фрунзе министрам отправил. Просил принять меры для охраны джиды и туранги в низовьях. Туранга — это тополь такой реликтовой. Он растет в низовьях Чу, а здесь не растет. Хотя земля здесь лучше, чем в пониловье. А вот не растет. И в России тоже не растет, хотя видом точь-в-точь осина...

Тут к Бутенко подошел слесарь с неотложным делом. А я по гулким стальным мосткам отправился на левый берег, прямо к белому обелиску. Уже издалеку можно было различить имя: «Владимир Александрович Васильев».

...Размышляя о судьбе этого удивительного человека, я принял окончательное решение: завтра же соберу байдарку (она вместе с рюкзаком лежит в Георгиевке, в управлении оросительных систем) и отправлюсь дальше вниз по Чу. Я намерен побывать всюду, где когда-то со своими реперами и геодолитами странствовал Васильев.

НАСКОЛЬКО УМНЫ ДЕЛЬФИНЫ?

Еще один шаг к ответу на этот вопрос сделали японские исследователи. В последнее время дельфины стали наносить немалый ущерб японскому рыболовству. Чтобы защитить от их набегов районы наиболее интенсивного промысла, не причиняя вреда самим млекопитающим, были изготовлены десятки 12-футовых пластиковых касаток. Каждую снабдили специальным устройством, которое воспроизводило записанные на пленку сигналы голодных китов, эхолотирующих добычу с помощью ультразвуков. Этими «пугалами», стоимостью по 75 тысяч долларов, были

окружены обширные участки в открытом море. Увы, дельфины спокойно проходили сквозь эти, казалось бы, сверхнадежные ограждения, не обращая никакого внимания на искусственных касаток. Как полагают ученые, секрет столь необычной смелости в том, что с помощью своих сонаров дельфины безошибочно определяют по характеру материала, что перед ними не живые киты, а подделки.

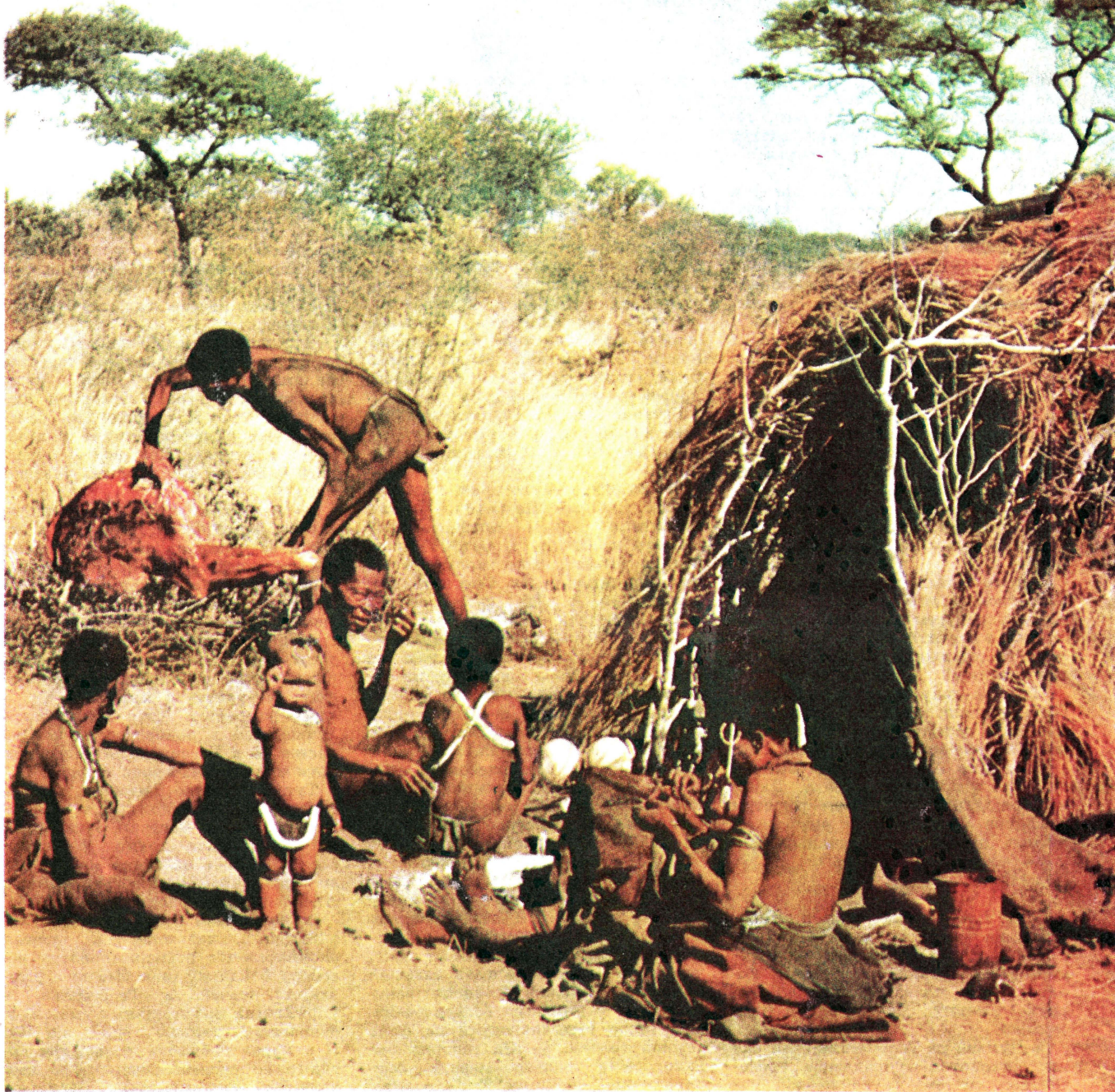
ОЖИЛИ НЕДРА...

Теперь на карту Земли можно нанести новый активный вулкан. Его координаты: Северо-Восточная Афри-

ка, территория Республики Джибути. Называется он Ардукоба.

Всю историческую эпоху Ардукоба не подавал никаких признаков активности; этот древний вулкан, судя по анализу некогда извергнутых им пород, уснул самое меньшее три тысячи лет назад. Казалось, что это сон навсегда. Однако в ноябре 1978 года Ардукоба выплеснул мощные потоки лавы.

В Норвегии отмечен первый в истории этой страны «рой» мелких землетрясений. Они ощущались на севере в районе города Буде — до шести-десяти толчков в сутки.

С. КУЛИК

ЖАЖДУЩАЯ ЗЕМЛЯ

Как же, как же, я помню тебя, баас, — протягивая мне свою морщинистую руку, проговорил Цзинчхана. — Ты отсюда, где люди летают к звездам. Ты подарил мне маленькую повозку. Ты говорил — на таких, только

больших, повозках твои соплеменники подолгу живут в небе. С тех пор большая жара наступила два, два, еще два по два и, пожалуй, еще один раз. Не правда ли, баас?

— Конечно, правда, Цзинчхана, — обнимая старика, сказал я. — У ме-

ня до сих пор хранится сосуд из страусового яйца. Ты дал мне его девять лет назад...

Цзинчхана — старейшина бушменского племени кунг, я жил у них неделю. Из первых же фраз, произнесенных старейшиной теперь, я понял,

Цзинчхана приветствовал меня сейчас посреди песчаной площадки; вокруг которой расположилось десятка два хижин, сооруженных из сухих веток и шкур антилоп. Чуть поодаль, за дюной, виднелось сооружение из досок под крышей из рифленого железа. Над ней, развеваемый обжигающим калахарским ветром, реял голубой флаг Ботсваны.

— Я вижу, у тебя, Цзинчхана, как у старейшины, новый дом? — спросил я.

— Нет, баас, — ответил он. — С меня на старости лет хватит и хижины. В этом доме останавливаются большие начальники. Они прилетели вместе с тобой.

«Большие начальники» — это руководитель созданного при министерстве кооперации Ботсваны Департамента по делам бушменов врач Ганс Гейнц и экономист Р. Секуньяне. Вместе с ними прилетел и южноафриканский публицист Лоренс ван дер Пост, который, как и я, интересуется успехами ботсванцев в решении «бушменского вопроса».

Что это за «вопрос»? В первую очередь он связан с проблемой решения психологической и, если так можно выразиться, экономической совместимости первобытной цивилизации бушменов с цивилизацией современной. Кунг, например, равно как и другие бушменские племена, до сих пор не имеют понятия о частной собственности. Но в то же время они считают, что все то, что растет и пасется в пределах территории их обитания, принадлежит всем. Подобные экономические взгляды, весьма противоречащие принципам капиталистического общества, утверждающегося по периферии пустыни Калахари, уже стоили жизни тысячам бушменов.

Лоренс ван дер Пост рассказывал, что, когда в начале нынешнего века бушмены убили корову из стада его деда, тот приказал повесить 30 мужчин из племени, к которому принадлежали охотники. Затем фермеры-буры организовали ряд карательных экспедиций, уничтожая бушменов, словно диких животных. На них устраивали облавы с собаками, сжига заросли вместе со спрятавшимися в них людьми. «В барах Кейптауна и сегодня еще можно повстречать вполне уважаемую с виду даму, которая хвастается тем, что всего за один день собственными руками отравила 120 бушменов, подсыпав сильнейший яд в их водоем», — говорил Лоренс.

Но и в условиях независимой Ботсваны¹, конституция которой гарантирует бушменам все права наравне с другими племенами этой страны, проблемы их взаимоотношений с соседями не исчезли. Бантуязычные

¹ 30 сентября 1966 года английский протекторат Бечуаналенд добился независимости и стал Республикой Ботсвана.

племена бечуанов, населяющие Ботсвану, — бамангватто, бангвакетсе, баквена, батавана и другие — прирожденные скотоводы. Подобно многим африканским народам, они боготворят своих домашних животных. Поэтому, когда бушмены начинают охотиться на их коров и коз, возникают серьезные неприятности. Батавана, например, за каждую убитую корову похищают молодую бушменку, делая ее бесправной «младшей женой», а на деле — полурабыней.

Всю свою деятельность Департамент по делам бушменов сейчас строит на принципе: приобщение жителей Калахари к современности должно проходить в привычной, естественной для них среде. И в основе этого должны лежать не чуждые им занятия, а трудовые навыки, существующие у бушменов веками и, следовательно, органически слившиеся с их традициями, с их культурой.

Как это достигается? Люди Цзинчханы стали первыми, кому предложили включиться в разработанную департаментом «Программу развития бушменов». Ботсванское государство на первых порах выделило им лишь материалы для строительства «дома начальников», который обычно используется как своего рода «кабинет наглядной агитации». Именно здесь в 1974 году и состоялась первая кгатла — собрание людей племени кунг.

Обычно говорящие между собой шепотом, чтобы не спугнуть дичь, охотники спорили и шумели на всю округу. Небольшая часть рода ушла в пустыню. Но большинство кунг все же решили остаться.

— Переубедил всех Дзадцно — тот самый, с которым ты ходил в прошлый свой приезд на охоту, — рассказал мне Цзинчхана. — Тогда он встал и сказал: «Знаю, что жить мне осталось недолго. Когда я совсем лишусь сил, бросьте меня в песках и идите дальше. Так уж заведено у кунг. Незачем таскать за собой по пустыне умирающего человека. Незачем ждать много лун подряд, пока он умрет или поправится. Но если же мы построим вокруг «сарая начальников» хижины, а рядом с ними выроем колодец, часть наших людей останется здесь. Прежде всего женщины с детьми. Они смогут ухаживать за стариками, и те проживут вместе с вами подольше. Знает, братья, когда я был молод, то работал под землей, на рудниках. Там я узнал, как живут другие племена. И думаю, нам тоже надо жить так же, а не гоняться всю жизнь по дюнам за саранчой».

Другие старики поддержали Дзадцно, и мы начали обживать хижины. А когда построили колодец, к нам присоединились и те кунг, что ушли от нас после кгатлы. Так что теперь мы опять все вместе. Все жи-

что его представления о космических полетах совсем не изменились, а в языке кунг так и не появились слов для обозначения числительных, превышающих «два».

Тогда, кочуя по пустыне в поисках съедобных растений или преследуя диких животных, кунг не задерживались на одном месте. Там, где их заставала ночь, они рыли неглубокую яму, обносили ее с наветренной стороны сплетенным из травы забором-щитом и укладывались на ночлег. Обычно они устраивали ямы в зарослях кустарников, за что и получили в европейской литературе название «бушмены» — «кустарниковые люди».

вем вокруг колодца, — довольно за-ключил Цзинчхана.

Вода — основа основ жизни в Ка-лахари, название которой, произо-шедшее от буанского «карри-карри», переводится «мучимая жаждой». Именно колодец должен был сыграть главную роль в переходе кунг на рельсы новой жизни. Сейчас он сто-ит в самом центре поселка, посреди площади, — этаким неодолимым со-блазн, зовущий и других бушменов задуматься над тем, не стоит ли по-следовать примеру кунг...

— Тяжело он нам дался, — рас-сказывает Р. Секуньяне. — Когда мы брались за этот проект, то знали: хотя на поверхности воды в Калаха-

ри нигде нет, но подземные воды всегда есть. Бушмены добывают ее повсюду, выкапывая неглубокие ямы, выводя на поверхность с помощью полых стеблей растений или высасы-вая влагу через эти стебли. Однако в первом нашем колодце шестимет-ровой глубины вода исчезла на чет-вертый день. Углубили колодец до десяти — воды хватило недели на две. И тогда Дзадцно и еще один старик ушли в пустыню. Вернулись они через восемь дней с еще более дряхлым старцем. Он был из племе-ни йен, а имя его Кейчхуама так и переводилось: «Тот-Кто-Видит-Воду».

Кейчхуама бродил по округе не-сколько дней, заставляя мужчин рыть небольшие лунки. Наконец он велел выкопать глубокую яму и за-ставил женщин делать тчекх. Они очень быстро вращали руками трост-никовые трубки: в них, видимо, со-здалось нечто вроде вакуума. Меняя друг друга, падая от усталости и стирая себе руки в кровь, женщины делали тчекх от восхода до заката солнца, пока не появилась вода.

Но Кейчхуаму это ничуть не обра-довало. Еще четыре дня в разных местах старик заставлял людей де-лать тчекх. На пятый день он подо-звал к себе Секуньяне и, указывая на большой камень, рядом с которым женщины только что закончили свою многотрудную работу, удовлетво-ренно произнес:

— Вода, которая будет всегда, прячется здесь. Но очень, очень далеко.

— Откуда ты знаешь, Кейчхуа-ма? — спросил тот.

Старик вылил на свою ладонь не-сколько капель воды из тростниковой трубки, рассмотрел ее, выплеснул и накапал еще.

— Вот, смотри, — сказал он, пока-зывая ладонь Секуньяне.

— Ну, вода, — сказал тот удив-ленно.

— А что в ней?

— Ничего.

Тогда Кейчхуама колючкой акации указал Секуньяне на крохотные крас-ные точки, взвешенные в воде.

— Там, где есть это, есть и вода, которая бывает всегда, — уверенно сказал старик.

— Почему ты так думаешь? — удивился Секуньяне.

— Я знаю, — гордо ответил стар-ик и, не сочтя нужным вдаваться в подробности, удалился, бормоча: «Вода прячется очень, очень дале-ко».

На первых порах Секуньяне подумал, что эти красные точки — ку-сочки ржавчины. Пробирку отправи-ли в лабораторию в Габероне. Итог анализа поразил всех: красные то-чки оказались живыми организма-ми, приспособившимися к существо-ванию в переувлажненных слоях земли.

— Конечно, бурить на большую глубину, полагаясь исключительно на интуицию и опыт старого Кейчхуа-мы, было делом очень рискован-ным, — рассказывал Секуньяне. — Но обращаться к геологам у нас не было средств. Бурим на двадцать, двадцать пять, тридцать метров — воды нет. Чтобы бурить глубже, на-до выписывать новое оборудование, а на него у департамента тоже нет денег. Тогда мы предлагаем кунг попробовать переселиться в другое место, где заведомо есть пласт грун-товой воды. Но они, проведя новую кгатлу, отказываются. Таков уж буш-менский характер: свои решения они отменяют лишь после того, как убе-дятся в полной нереальности их осу-ществления. Понять же, почему «ма-шина не хочет рыть дальше», они не могли. Кроме того, было задето са-молюбие Дзадцно и других стариков, решивших в свое время позвать Кейчхуаму. Дождаться того момен-та, когда именно на том месте, что указал Кейчхуама, забьет вода, ста-ло для них делом чести.

Тогда собрались на свою кгатлу сотрудники департамента. Скорее всего кунг, получив колодец, будут уходить в пустыню собирать коренья и саранчу, с тем чтобы вечером съесть их у этого колодца, запив свежей водой. Если же колодца на первых порах не будет, мы сможем сказать: мастерить луки и стрелы, делать бусы из скорлупы страусовых яиц, разрисовывать кожи на прода-жу необходимо для того, чтобы бы-ла «большая вода». Так мы получим средства для продолжения бурения, а бушменам дадим первый нагляд-ный урок того, что сулит им приоб-щение к товарной экономике.

Бушмены приняли это предложе-ние. Департамент влез в долги, под-писал гарантийное письмо компании, которая вела бурение, выписала новое оборудование. Вода забила на 58-м метре. С тех пор колодец не вы-сыхает вот уже пятый год.

Секуньяне помолчал, раскуривая сигарету.

— Когда я был мальчишкой и жил неподалеку от городка Ганзи, мы со сверстниками часто сталкивались в пустыне с бушменами. Мы боялись их и презирали, считая дикарями. Называют их всех у нас «сарва». Но теперь, познакомившись с сарва поближе, я понял: у этих людей есть многое из того, что утратили мы, жители города, — продолжал Се-куньяне. — У них необычайно раз-вито чувство взаимопомощи. Ребе-нок, найдя в пустыне сочный плод, не съест его, хотя никто этого и не увидел бы... Он принесет этот плод в стойбище, и старшие разделят его между всеми. Тех же, кто не в меру своенравен, вспылыв или неужив-чив, подвергают общественному остракизму. Такой «воспитательный

бойкот» оказывает очень эффективное воздействие.

— Ну а как же выплатили долги компании? — поинтересовался я.

— Как только мы объяснили людям Цзинчханы, что к чему, они сказали: «Колодец нужен нам. Чтобы большая вода поднялась наверх, мы сделаем все. Если большой воде надо много бус, ожерелий, луков и стрел, мы сделаем их».

Сначала ограничивались продажей просто выделанных шкур. Но потом старые женщины вспомнили, что в былые времена, когда дичи, воды, а следовательно, и времени было больше, кунг делали подстилки из шкур, украшенные орнаментом. Такие подстилки, которые в туристских лавках называют «бушменскими аппликациями», дают теперь кунг самый большой доход.

Женщины, не жалея сил, совершали большие переходы в глубь Калахари, неделями не появлялись у колодца, собирая в пустыне страусовые яйца. Их содержимое аккуратно выпускали через маленькое отверстие, проделанное каменным шилом, а скорлупу олетали травой. Так из яйца получалось нечто вроде фляги для воды, без которой ни один бушмен не отправлялся в путь. Но раньше таких «фляг» делали ровно столько, сколько надо было для собственных нужд. Теперь же каждая женщина старается оплести побольше. А если на скорлупе скребком из кремня нанести орнамент, то цена подскочивала в два раза!

Внесли свою лепту в общее дело и

дети. Мальчишкам было поручено собирать по пустыне осколки страусовых яиц, из которых уже вылупились птенцы. Тщательно отшлифовывая каждый осколок и придавая ему круглую форму, девушки заостренной костью просверливают в центре диска дырочку и нанизывают на сухожилне. Таким образом делают бусы, серьги, подвески и мониста, которые

калахарские модницы прикрепляют к волосам.

— Больше четырех месяцев все кунг не покладая рук трудились ради того, чтобы расплатиться за свой колодец, — рассказывает Секуньяне. — Общее дело как бы привязало их к одному месту и дало нам возможность наглядно показать людям Цзинчханы те блага, которые они могут извлечь из занятия ремеслом.

— Но я вижу, что большая часть людей Цзинчханы ремесленничает и сейчас, — говорю я. — Какие цели ставите вы перед ними теперь?

— Излишки ковров и шкур, фляги из яиц идут в обмен на металлическую посуду, соль, спички, украшения. Кроме этого, на деньги, вырученные от продажи изделий, мы купили несколько голов крупного рогатого скота, и кунг начали знакомиться с основами скотоводства. Успех налицо: последние два года все дети здесь обеспечены молоком.

Но все-таки, по мнению доктора Гейнца, приобщение бушменов к разведению крупного рогатого скота не имеет перспектив в Калахари.

— Давно известно, — говорил он, — что пастбищное скотоводство в скудной саванне, а тем более в пустыне уничтожает растительность настолько, что начинается бескормица. Местные дикие животные, напротив, оставляют после себя еще столько растительности, что через несколько лет пастбище без труда восстанавливается. Не следует забывать, что любое более или менее крупное стадо в условиях Калахари постоянно испытывает недостаток воды, в то время как дикие животные обеспечивают ею себя сами.

Именно это породило у доктора Гейнца и его коллег мысль о том, что в условиях мучимой жаждой пустыни перспективнее заниматься не разведением крупного рогатого скота, а плановым одомашниванием диких животных. Он утверждает, что до сих пор все попытки сделать это кончались неудачей, поскольку цивилизованные люди не ладили с пугливой дичью. Диких животных могут с успехом одомашнить только люди, стоящие на той же ступени, что и наши предки, приручившие теперешних домашних животных.

— Именно на этой ступени находится сейчас бушмены, — убежденно говорил он. — И знаете, что натолкнуло меня на эту мысль? Когда мы впервые привезли сюда коров и коз, то люди Цзинчханы долгое время отказывались их доить, предпочитая сосать молоко прямо из вымени. На наши недоуменные вопросы бушмены ответили: «В Калахари иногда бывают хорошие антилопы, которые разрешают нам пить молоко вместе с их телатами».

Через несколько дней один из бушменов позвал нас с собой. Мы спрятались за дюной, а он направился к табунку ориксов. В бинокль мы отлично видели, как он подошел к самке с детенышем, приласкал их, а затем начал сосать молоко.

— Почему же тогда ориксы не подпускают к себе близко охотников? — спросил у него Гейнец.

— Ориксы знают, когда мы идем их убивать, а когда подходим к ним с просьбой, — ответил бушмен.

Таково взаимопонимание между ориксами и людьми, живущими одной жизнью с дикой природой Калахари.

Впрочем, живущими или жившими? Не произойди между мною и Цзинчханой одного разговора, я бы ответил: жившими. Потому что при всей значимости эксперимента, осуществляемого работниками департамента, масштабы его настолько локальны, что их просто еще рано распространять на все бушменские племена Ботсваны. Они продолжают существовать в Калахари по законам каменного века.

Начался наш разговор потому, что мне хотелось выяснить отношение старика к его собственной роли в новой жизни кунг, возникшей вокруг колодца. Ведь раньше, в условиях постоянного полуголодного бродяжничества по пустыне, бушмены практически не имели никаких социальных институтов. Они даже не могли разрешить себе такую роскошь, как существование вождей, колдунов и знахарей, живущих за счет общества. Старейшины, подобно Цзинчхане, избирались из числа наиболее умных и авторитетных членов рода, но не пользовались никакими материальными

преимуществами. Напротив, сам Цзинчхана в мой первый приезд, чтобы подать пример молодым, отказался от угощений в пользу кормящих женщин, а в пору засухи отдавал свои запасы воды детям. Теперь же старик получил от властей официальный титул «chief» — вождь и даже имеет по этому случаю какую-то зарплату.

— Наверное, Цзинчхана, ты стал первым вождем среди кунг? — спросил я.

— Среди кунг — первым, — гордо ответил он. — Но в других бушменских племенах теперь тоже есть вожди. И не только там, где бушмены живут под голубым флагом.

Последняя фраза означала, что вожди появились у бушменов не только в Ботсване, но и в других соседних странах — Анголе и Намибии. Но откуда старик, который даже не знает названий этих государств, осведомлен о возникновении там институтов власти и почему Цзинчхана произнес «бушмены», когда общеизвестно, что люди, которых так называют европейцы, не знают этого слова и не имеют никакого понятия об общности кунг, нарон, хейкум и ауэн, позволяющей ученым объединять их в единую этническую группу?

Сформулировав эти вопросы в доступной для Цзинчханы форме, я получил прелюбопытнейший ответ.

Оказывается, незадолго до моего приезда в «крае, где воды больше, чем земли», — скорее всего в районе огромных болот Окаванго, — состоялась большая кгатла всех вождей и старейшин племен, населяющих Калахари. Думаю, что это была первая в многовековой истории этих аборигенов Африки «общebuшменская» встреча.

Выступившие на ней представители властей рассказали вождям и старейшинам, что некогда их предки населяли почти половину континента и в отличие от высокорослых, имеющих черный цвет кожи банту и белых европейцев все племена охотников и собирателей Калахари низкорослы и имеют желтый цвет кожи. Поэтому их выделяют в самостоятельную расу. «Мы начали сравнивать друг друга с теми, кто не живет в Калахари, — говорил Цзинчхана, — и увидели, что все похоже друг на друга, хотя раньше и не встречались, но отличаемся от тех высоких и черных людей, которых знали давно. Мы обрадовались этому и наконец поняли, что мы все и есть те, кого белые называют бушменами. И согласились, что все мы бушмены».

Уже один этот рассказ из первых уст, дающий представление о том, как в сознании первобытного охотника преломляются такие сложные абстракции, как племенная общность, возникает сознание этнического единства отдельных племен, ранее ни-

когда не сталкивавшихся друг с другом, свидетельствовал о сдвигах в традиционном обществе бушменов. Однако то, что я услышал от Цзинчханы дальше, поразило меня еще больше.

Так, из его рассказа следовало, что после обсуждения на кгатле целого ряда вопросов чисто хозяйственного значения перед вождями и старейшинами «выступил человек в зеленой одежде, который живет в стране, где тоже есть бушмены и где идет война». Речь, конечно же, шла о Намибии. А «человек в зеленом», судя по тому, что он говорил, был представителем Народной организации Юго-Западной Африки (СВАПО), ведущей борьбу за освобождение Намибии от оккупации расистской ЮАР.

— Человек в зеленом рассказал нам тогда, что его люди борются сейчас против таких же белых, которые давным-давно отобрали у нас лучшие земли, охотились на наших матерей с собаками и загнали нас в пески, — сокрушенно качая головой, продолжал Цзинчхана. — Он привел с собой также двух бушменов тоже в зеленом. Они говорили на нашем языке, что люди в зеленом сражаются за то, чтобы всем в той стране, где идет война, было хорошо. И тогда все мы, старейшины и вожди бушменов, решили запретить своим людям причинять зло людям в зеленом. Ведь, хотя кожа у нас, оказывается, желтого цвета, мы всегда жили рядом с черными людьми. А в последнее время черные люди все чаще помогают нам...

— А что, Цзинчхана, лучше стало жить с тех пор, как кунг поселились у колодца? — спросил я.

— Ты бы посмотрел на двери вон той хижины, что напротив моей, а потом спрашивал, — улынувшись, ответил старик. — Видишь, у входа в нее копошится ребенок, который не прожил еще и двух сезонов «большой жары». А мать его уже кормит другого сына... Разве возможно было такое в ту пору, когда мы с тобой познакомились? Женщины у нас кормили ребенка своим молоком два и еще два сезона «большой жары». Если же в это время у женщины появлялся другой ребенок, его не оставляли в живых. На двоих бы молока не хватило. А теперь хватает...

Цзинчхана набил свою трубку сухим лишайником, затянулся и, как мне показалось, задремал, устав от долгого и сложного для него разговора.

— Вот на большой кгатле нам говорили, что раньше нас, бушменов, было на этой земле так много, что мы жили повсюду, — вдруг заговорил он. — Это только после того, как пришли белые, мы стали вымиравшим народом. А быть может, теперь, когда в Калахари понастроят колодцев, нам станет лучше жить?

СИНЯЯ ПАЛА

О каменоломне Синяя Пала, затерянной в дебрях северной тайги, я слышал не раз и мечтал побывать там. Даже во сне видел, как медленно и зачарованно выхожу на поляну, поросшую дурманным, яростно цветущим багульником, и натываюсь на угрюмую серую скалу, которая выпирает из-под земли. В ней темный зев старой штольни, откуда густо несет земляной прохладой и гнилью. В эту недобрую бездну, грозящую обвалом, уходят две ржавые узкие полоски рельсов на полусгнивших шпалах. Я смотрю во влажную темь, и навстречу мне плывет ясное голубое мерцание...

Это блеск лунного камня. Так с давних пор в карельском Поморье называют беломорит, или иризирующий полевой шпат. Химический состав его не представляет тайны. Но до сих пор ученые не открыли секрета иризации — голубого свечения, которое струится из этого камня, если повернуть его к свету.

У поморов мне случалось видеть образцы столь превосходного лунного камня, что просто мурашки бежали по спине, когда я любовался яркими голубыми бликами, скрытыми в его глубине. В старину жители здешних мест были хранителями стойких камнерезных традиций. Аметисты в беломорских каменоломнях добывали еще со времен Ивана Грозного, а в Соловецком монастыре была небольшая гранильная фабрика.

Случалось мне видеть изделия из лунного камня, сработанные и современными умельцами.

И снова я вспоминал про Синюю Палу. «Пала» по-местному означает «каменоломня», осталось в речи горняков Северной Карелии и слово «отпалка». Старинное слово. Оно напоминает о тех давних временах, когда глыбы коричневого камня с занорышами, полными аметистов, или плиты зеленого шпата — амазонита взрывали — «отпаливали» черным порохом.

«Где же она, эта загадочная Синяя Пала?» — с грустью говорил я себе. Мне казалось, что следы каме-

нолмни затерялись и я никогда не смогу ее найти. Может быть, некоторые старики поморы еще помнят о ней. Но покажут ли дорогу?..

На маленьком железнодорожном разъезде я сошел рано утром. А когда добрался до поморской деревни Черный Ручей, наступил полдень.

Избы деревни торжественно нисходили к синей глади залива. По зеленому угору, заросшему морковником и разнотравьем, я подошел к крайней избе и остановился. Празднично сияло солнце, на воде мерцали слепящие белые блики. По высоким угорам, которые водили хоровод вокруг деревни, лепились ельнички. Ели были старье, черные, и веяло от них дремучей древностью.

Снизу, от причала, поднимался кряжистый старик. Нес на плече вес-

ла. Он оказался хозяином крайней избы — большой, старой. Мы разговорились. Деда звали Флор Нифантьич. Его голубые глаза серьезно, изучающе смотрели на меня из-под белесых бровей. Я попросился к нему на квартиру на несколько дней.

— Ладно, — согласился дед. — Становись на постой. Денег не надо. Живи, вместе навагу будем удить. А может, тебе больше понравится у какой-нибудь бабки с коровой? Глядишь, парного молочка попьешь, шапег напекут. Я ведь одинокий, у меня скучновато. Да и трапеза у меня, брат, не бабская. Что сготовлю, то и ладно.

— Да уж если судьба привела к вам, проживу у вас.

— На отдых сюды али по делу?

— На отдых, — сказал я.

Если говорить откровенно, я че-

много слукавил. В соседней деревне старухи советовали мне обратиться к деду Флору. «Он-де и камень в молодости резал, он и к Синей Пале тропинку знает». Я хотя и обрадовался, но не особенно поверил. Деревенские бабки, случалось, говаривали и много лишнего. Да и найти северного камнереза в наши дни — редкость величайшая.

Вскоре на столе стоял самовар, начищенный дедом до золотого блеска. Я достал из рюкзака сахар, шоколад, баранки. Дед притащил банку прошлогоднего малинового варенья. Говорили о том, о сем.

— Рыбы сей год в море мало. Селедка-беломорка только подошла к берегам, а шалоник с побережником ее прочь в море отогнали.

Когда мы попили чаю и освоились друг с другом, я спросил:

— Не встречается ли в ваших краях лунный камень, дедушка?

— Случается, — спокойно ответил Нифантьич. — Тут ведь у нас рудников много. Слоду добывают, шпат. Едва не на каждом руднике в отвалах сыщется этот камень.

— А старинных рудников заброшенных нет поблизости?

— Как нет? В версте от нашей деревни есть такой.

— И лунный камень там есть?

— Есть. Да не больно яркой. Но ходу там нету, все завалилось. Сказывали, в старину там красивый камень был, сверкал отменно. Потом будто бы много этого камня отправили за границу для облицовки дворца. А это, считай, все равно, что золотом крышу избы крыть. Лунный камень — он ведь самоцвет. Его в перстнях носить бы да в серьгах. А из него каменные плиты сделали, вишь ты. Так вот, с тех пор лунный камень обиделся и потух. Куда-то глубоко в землю ушло его сияние...

— Добрые люди сказывали, что вы в молодости камень резали. Не осталось ли у вас какого-нибудь изделия?

Флор Нифантьич усмехнулся:

— Ты, парень, прямиком к цели идешь, роздыху не даешь. Ну да ладно. Чего таиться-то. Покажу. Да только не подарю. И не продам. Потому как память.

Из другой комнаты дед принес штатулку. Извлек из нее что-то поблескивающее.

— Вот это называется девичий карельский пояс. А это украшение нагрудное. Так и говорили — нагрудник.

Пояс состоял из оправленных в серебро и гибко соединенных между собой прямоугольных пластинок лунного камня с очень сильной иризацией. К поясу был прикреплен маленький нож в ножнах из карельской березы, также оправленных в серебро.

Большая нагрудная брошь — сак-

та — представляла собой круглую плоскую пластину из лунного камня в серебряной оправе с зубчиками и, по-видимому, в соответствии с замыслом мастера, символически изображала луну. Такие изделия крайне редки, и я рассматривал их с волнением и ощущением редкой удачи.

— Откуда этот камень?

— Из Синей Палы.

— А кто мастер?

— Пращур.

Я вздохнул:

— Только и слышу — Синяя Пала да Синяя Пала. А какая она? Где? Кто ее открыл? Какие истории с ней связаны?

Флор Нифантьич весело сощурил голубой глаз.

— Не горюй, парень. Натаскай мне воды в баяну, а уж я тебе столько про нее наскрываю — пошшады запросишь.

— Не запрошу, — решительно сказал я.

— Тогда крепись. Ведро в сенцах на лавке стоят. А баяну мою сразу увидишь — крыша у нее вся новая, на той неделе чинил.

Я взял два стареньких помятых ведра и пошел за водой. Около ручья, бегущего по ложу из темных валунов, отчего вода казалась почти черной, стояли две бабки и оживленно судачили. Одна неодобрительно спросила:

— У Флора Нифантьича живешь, бажонный? Зря ты у него присуседился. Он ведь самашеччий.

Другая возразила.

— Да не, не самашеччий. Он колдун. За деревней есть дыра в скале, около досольной вараки. Он туда, в дыру-то, колдовать ходит. А там темень — лучшему дружку глаз коли, не заметит. Флор-от в темноте видит! Чисто кот!

Тут к ручью подошла рослая девушка, светлая коса толщиной в руку спускалась через плечо. Искося глянув на старух, стала черпать воду.

— Девушка, — сказал я, — говорят, в вашей деревне колдуны водятся...

Она не ответила мне, а бабкам сказала:

— Вашими языками белье бы вместо вальков шлепать. Вас послушай, так жизнь черна, будто вода в Черном Ручье. А зачерпнешь — вода-то прозрачной окажется.

Она подцепила ведро коромыслом, легко вскинула на плечо и пошла по тропинке, протоптанной в густых и влажных прибрежных травах.

— А что это за дыра в скале, про которую вы говорили? — спросил я у старух. — Там что, старая штольня?

— Да не. Как-то черт задумал самоцветы со всего Беломорья собирать. Ну, собрал в великую кучу, сплел большущий кошель. Черт-от маленький, а кошель — гора вели-

кая. Ну черт способен, ему сила нечеловеческая дадена.

— А зачем он собрал самоцветы? — заинтересовался я.

— Хотел в Бело море закинуть. На поморов обиделся. Он, вишь, заказал лапти сплести, а поморы отказались. Ну вот, залез черт со своим великим кошелем на кругую скалу около нашей деревни. Там красивый камень воидлся. А какой-то горный мастер подставил черту ножку. Черт с кошелем-то и покатился с горы. А где брякнулся, дак там землю скрозь пробил. Кошель с самоцветами в земле застрял, а черт на ту сторону земли вылетел. Сказывают, и по сей день ходит, ищет свой кошель. А Флор спустится в ту дыру, поколдует и домой идет с самоцветами. Тутака все понятно, одно только дивно — как он до сих пор не разбогател? Самашеччий, одно слово...

В один из тихих вечеров, когда матово-золотистый шар солнца опустился к черной зубчатой полосе елей на той стороне залива, сидели мы с Нифантьичем на скамейке в предбаннике, распаренные после крепкого жара, блаженствовали в прохладе, попивая квас из большого деревянного жбана.

— Синяя Пала, — рассказывал дед, — она за великими лесами, за мокрыми болотинами затерялась. Хорошей тропочки туды нету. День нать идти пешо, да ише день, да ише... Нет, не дойдешь ты, парень, силев не хватит.

— Дойду, — с мрачной решимостью сказал я.

— Может, и дойдешь, — неожиданно согласился дед. — А вот я дойду ли? Годы-то мои — слава те, господи. А без меня тебе идти никак нельзя. Дороги не сыщешь.

В открытую дверь предбанника вижу, как меж темными кронами елей сквозит зеркально-синий, будто полированный, простор залива. Слово зачарованные корабли, застыли посреди этой дремотной синевы лесистые острова. А дальше — открытое море...

Нифантьич поворачивает ко мне бурое от загара морщинистое лицо. Он серьезен.

— Ну, слушай, парень. Я тебе такое расскажу, какое никто на всем белом светушке тебе не расскажет.

Он звучно отхлебывает квас, лицо становится просветленным и вдохновенным.

— Жил в наших краях когда-то молодой помор. Неудачлив он был. Даже карбас у него всегда воду пропускать, и никакая конопатка не помогала. Вот уж осень поздняя наступила. Чем жить? Пошел Семен к одному крепкому хозяину, попросил ружье да два патрона — авось удастся лося убить али оленя да солонинку заделать. Хозяин говорит:

— Вот тебе два патрона. Убьешь двух лосей. Одного — тебе. Другого — мне.

Идет Семен по тайге. Мхи все уж заиндевели, а снега ише не выпали. Далеко в осеннем лесу слышно, как шаги Семена шуршат. Сразу же лоси уходят подальше.

Ночь подступает, черные лапы свои к Семену протягивает. Звезды глаза свои широко открыли, на землю глядят с любопытством, что, мол, там делается.

А по земле, где по водам, где по лесам, ходят две вековые подружки — Печаль да Радость. И у каждой на плече брошен шелковый цветастый плат. Концы бахромчатые развеваются. И кого коснется та легкая бахрама, того сподобит либо печаль, либо радость. Семен думает: «Пора на ночлег собираться. Запалю-ка я выворотень да поставлю навес из еловых лап, глядишь, ночь-то и пересплю». Выдернул топор из-за пояса, пошел сечь мохнатые еловые лапы. И тут будто кто дохнул ему на щеку — это Радость его своим платком коснулась. Сразу посветлело в лесу. Черные ели с замерзшими дождевыми каплями виднеются — будто чеканка на серебре.

Луна взошла. Белая, большая, круглая. Много от нее свету льется на поляну. И увидел Семен неподалеку скалу. А на скале в лунном свете весь белый, будто светится, стоит большой олень. Рога у него ветвистые, серебряные, яркие. Множество отростков у рогов-то.

Стоит олень и смотрит на Семена человеческими глазами. Мигом схватил Семен ружье и на оленя наставил. И тут показалось ему, будто кто-то его зовет. Оглянулся. За черным выворотнем вроде бы платье чье-то белеет, и вроде бы слышится девичий голос, и вроде бы платком кто-то махнул. Опустил Семен ружье и шагнул за выворотень. Перед ним стоит девушка в белом платье.

— Не стреляй в оленя, Семен, — говорит она. — Не то беда будет. И тебе и оленю. Это ведь олень-то не простой. А коли ты его пожалел, тайну тебе одну открою. В том великом камне, на котором стоит олень, спрятана каменная жила. А в ней камень удивительной красоты. Похоже, будто из него струится лунный свет...

Оглянулся Семен на оленя — а того и след простыл. Снова посмотрел на девушку — и ее нету.

Покачал Семен головой. Видать, почудилось с устатку-то. Сделал себе постель из еловых лап, навес соорудил, выворотень зажег. Без хлопот ночь переночевал.

Утром солнце встало, умылся Семен ледяной водой из ручья, сушеной рыбки погрыз. Думает — дай-ка все-таки гляну на тот великий камень. Подошел, обушком топорика ударил. Отскочили два малых ка-

мушка. Взял Семен, поглядел — камни-то чудные. Сияет в них холодный голубой свет. Красота несказанная.

Принес Семен назад два патрона целехонькие да два камушка. Хозяин увидел их — обрадовался:

— Видать, судба. Только вчера один приезжий купец такими камнями интересовался, хорошие деньги сулил. Вона, там его корабль в заливе стоит. Ты побывай-ка на кораблице, побеседуй с ним. Авось что благое тебе выпадет.

Тут Флор Нифантыч прервал свое повествование и сказал:

— История эта долгая. Я тебе ее до самой Синей Палы рассказывать буду...

...На маленьком залесенном мыске мы устроили привал. Здесь увидели моторную лодку, поставленную на якорь. Та самая девушка, которую я встретил у ручья, Маша, собирала водоросли-фукус, выброшенные на берег штормом. Она ловко стаскивала их в кучи обыкновенными вилами.

— Машенька, здорово, — сказал дед. — Мы, вишь, с гостем в поход собрались, хотим на Синюю Палу сбегать. Оба, вишь ли, молодые, дак чего нам стоит сорок верст пешо отмахать по тайболе да по болотам.

— Желая приятно прогуляться, — усмехнулась Маша.

— Я смотрю, ты тут фукус побоевому собираешь, аж вилы свистят. А ведь тут треска хорошо ловится. Не наловила ли?

— А вон двуручная корзина полная стоит. И вам хватит.

Дед вытащил из рюкзака острый топорик, мигом вырубил две рогульки, забил в землю, натюкал хворосту. Вскоре над костром в котелке забулькала уха. Дед был запаслив и среди взятых с собой продуктов имел лавровый лист.

— А вон там, за большим камнем, дикая петрушка растет, — сказала Маша, не переставая орудовать вилами.

— Сбегай-ка, парень. Чай, отличишь дикую петрушку от крапивы-то?

Вскоре я вернулся с пучком темно-зеленых глянцевиных листьев, издававших приятный пряный запах.

— Возьмите на дорожку рыбьего, — сказала Маша. — В дальней дороге уха из трески много силы дает.

— Да мы и сами наловим, — сказал дед.

— Ветер переменялся, сейчас долго клевать не будет.

Дед выпотрошил пять хороших рыбин, посыпал солью, сунул в целлофановый пакет.

— Сам понесу. Ты наверняка с Синей Палы камни потащишь, тебя, парень, беречь нать.

Маша налила нам ухи в миски, мелко нарезала петрушки на чурбаке. Пошел от нее дразнящий дурманый аромат. Я с удовольствием глотал жирную уху, тресковая печенка приятно таяла во рту.

— Говорят, в Гагарьих болотах Спирька Трофимов погиб, — сказала Маша. — Тоже надумал Синюю Палу искать. Хотел для невесты принести лунный камень. Видела я как-то такой камень. Вот где диво-то, из него синий свет так и хлещет... Пошел Спирька в Синюю Палу наобум души, дороги, конечно, не знал, вот и погиб.

— Верно, верно, — согласился дед. — Я тоже как-то плутал в Гагарьих болотах — чуть богу душу не отдал. Ад болотный. Топи с водой переменяются, нигде твердого места нету.

— Сказ-то вы мне не досказали, — напомнил я Нифантычу.

— Ну что ж, сейчас самое время, после ухи-то... Значит, так. Сел Семен в карбас, доплыл до шхуны, которая стояла на якорь неподалеку. Время было позднее, губы начали уж ледком подергиваться.

На шхуне Семена встретил купец, провел в свою каюту, начал чаем потчевать. Семен чаю попил от души, полез за пазуху, достал два лунных камушка. Обрадовался купец. «Сколь живу, — говорит, — такого дива не видывал. Все камни драгоценные просто устроены, а здесь какая-то тайна. Кабы с умом подойти, хороший барыш можно из этого камня добыть».

И дал Семену приличный кошелек золота.

— Даю тебе как бы аванс, — сказал купец. — Как придет зима, сходи-ка на ту жилу, да побольше мне камня наколоты. Сколько вынести сумеешь... А из этих камушков сделаю я подарок для моей единственной дочери. Будет ей диковина да любованье.

— А откуда ты, купец, и по какому тут делу? — спросил Семен.

— Я у поморов красную рыбу скупаю и доставляю ее не куда-нибудь, а прямо к царскому столу. На шхуне у меня ледник сделан. На всякий случай вот что скажу, — сказал купец. — Ежели со мной что случится, может, захвораю или беда стряется, ты свой барыш не упускай. С этими камнями смело добираться до Питера. В тридцати верстах от него стоит гранильная фабрика. Мой родственник работает там старшим мастером. К нему обратись, на меня сошлись, и он тебя не обидит.

Поехал Семен домой довольный. Поужинал, чаю попил, спать лег. Среди ночи стучат в окно:

— Семен, вставай-ко! Никак беда! — Сосед к нему вбегает. — Я нын с охоты припоздал, потемну притащился. А как шел мимо то-

го места, где купчининская шхуна стояла, дак слышал там выстрелы и крики.

Мигом Семен оделся, сели с соседом в карбас, поплыли. На шхуне тихо. Однако будто стоны слышны. Семен соседа оставил в карбасе, на палубу залез. В каюте свет неяркий. Заглянул. А там фонарь стоит на столе и три грабителя казну купеческую делят.

— Вот я вас! — загремел Семен. Они по нему выпалили из пистолета. Отшатнулся Семен, выскочил на палубу. Они мимо него пронеслись, прыгали в свой карбас, который у другого борта стоял, и давай грести прочь. А ночка темная была — хоть глаз коли.

Походили Семен с соседом по судну и нашли купца, истекающего кровью. Он говорит:

— Ну, Семен, кажись, пришел мой час. Наверно, помру. Пошли-ка своего товарища за священником и за свидетелями. Ты грабителей не побоялся, казну мою сберег. За это я напишу дарственную, будешь ты кораблем владеть и казной.

— Да, может, ише обойдется, — говорит Семен. — Может, поправишься, батюшко.

— Нет, чуя, смерть близка. Достань-ко из ящика походного перо да бумагу. Пиши, а я к тому подпью поставлю и своей личной печатью скреплю. Да торопись, а то силы мои иссякают.

И составили они документ. А ише Христом-богом просил купец, чтобы позаботился Семен о его дочери, которой было в ту пору пятнадцать лет.

И вот еще что сказал купец: — Одного из грабителей я узнал. Служит он у одного купца из Колы, который тоже рыбу скупает и отправляет в большие города. В Сорочке он имеет избу и амбары. Ты этого купца бойся. Говорят, он дело свое начал со злодейства. И сейчас на злодейство способен. Я, вишь, на его дороге стоял. Он хочет всю торговлю красной рыбы в свои руки захватить.

И помер купец. Тут Семен такую речь сказал:

— Ну братцы матросы, весьма я вами недоволен. Как же вы так допустили, что купца с деньгами на произвол судьбы бросили?

Прогнал их Семен и нанял на службу трех бедных, но честных поморов, которых сызмальства знал. И поплыли они через Белое море к реке Онеге. Семен разобрал бумаги и карты купца и узнал, где он плавает. На зиму ставил купец свой корабль в верховьях реки Онеги и по санному пути обоз с красной рыбой отправлял в Питер.

Один из новых матросов был Кузьма, человек с весьма острым зрением. Как-то он толкнул локтем Семена и говорит:

— Следом за нами большой парусный карбас тянется. Уж не первый день идет следом. Нать бы нам побережись, небось опять те злодеи...

Как Семен ни всматривался — ничего не увидел.

— То ли мерещится тебе, Кузя, то ли глаз у тебя как у орлана.

Плыли,плыли, вошли в реку Онегу, стали вверх по течению подниматься. Опять говорит Кузьма:

— Тащится за нами карбасок-то.

Вот поднялись вверх, корабль на отстой поставили. Семен подрядился с местными мужиками, что они, как и раньше, за сохранностью корабля следить будут. А сам нанял лошадей, погрузил соленую красную рыбу на четверо саней. Пятые сани загрузили едой и овсом. Отправились в путь. Зима уж всюю трещала, мужики носы в овчинные тулупы прячут...

Кузьма говорит:

— Вижу вдалеке сани. Трое мужиков на них едут. Побережись бы нать.

— А чего бережись? — говорит Семен. — На первом же постоялом дворе можно побеседовать, что за люди.

— А они на постоялых дворах не ночуют, — сказал Кузьма. — Сколь раз мы ночевали, а их около нас не было. Значит, они ночуют в лесу, чтоб их никто не видел, никто не знал. Разводят нодью, а лошадей овчинной попоной укрывают.

Едут они дальше. Вечер пал. Небо почернело, как уголь, высыпали на него белые звезды. Мужики то и дело с саней выскакивают да рядом бегут, чтобы согреться. Покрякивают, мороз поругивают. Вот огонек мелькнул впереди. Ага, деревня. Постоялый двор, печка, самовар. Обрадовались мужики.

— Эй, хозяин! — кричат. — По случаю мороза, великого и ужасного, платим тебе цену двойную!

Хозяин парней и девку тумакими расшевелил. Мигом вздули большой медный самовар, на коней попоны накинули, выпрягли, на теплую конюшню отвели. Стол чистой вышитой скатертью застелили, граненую бутыл с пшеничной водкой поставили, нарезали огромный каравай хлеба и пласт сала. Из печи вынули большой чугунок теплых щей, сваренных с лосятиной. Мужики усы расправили, за стол чинно уселись, радость и покой в душу снизили.

А тут снова ворота заскрепели. И въезжают во двор сани, а в санях трое лихих мужичков в тулупах. Постановывают, поохивают, носы-то у них побелели. Вздумали было они опять в лесу ночевье устроить — да не тут-то было. Так попржал их батюшка мороз, что и нодья не спасла.

Семен посматривает на новых гостей с усмешечкой, ни о чем не спрашивает. Потом Кузьме говорит:

— Пока гости желанные щи хлещут, сбегай-ка глянь, чего у этих

ребят в санях под сеном лежит. А коли чего найдешь, перепрячь в наши сани, да так, чтоб никто не видел.

А на дворе мороз лют, звезды крупны, снег под ногами визжит. Нащупал Кузьма под сеном два ружья да пистолет и перепрятал в свои сани.

Вот наелись, наговорились, спать повалились. Утром вчерашних щей похлебали, чаю попили. Время торопит. Дорога дальняя. С богом! Прощай, хлебосольный хозяин, прощай, добрая хозяйка. В путь, в белые дали, в замороженные леса...

Зазвякал колокольчик, потянулся обоз далее. Семен и Кузьма сидят в санях довольные, друг дружку локтями подталкивают.

И тут услышал Семен — где-то не шибко далеко завел свою невеселую песню волк. Мороз по коже продрал. Для обозников нет хуже печали да испугу, чем волки. Да когда они в стае, да голодные... Позади вдруг раздался крик, лошадь заржала. Встрепенулись мужики. Что там такое? Остановили лошадей, топоры вынули. А из-за поворота бежит человек без шапки, руками машет.

— Постойте! Спасите! Задрали волки и коня, и двух моих товарищей.

— А я и жалеть об том не буду, — сурово сказал Семен. — Не вы ли купца на шхуне убили? Не вас ли я спугнул?

Тут человек в ноги повалился, во всем покалял:

— На суде готов во всем повиниться, только не бросайте меня!

— На первом же постоялом дворе напишешь бумагу в присутствии свидетелей о своих злодейских подвигах, — сказал Семен.

Добрались они до постоялого двора, и там Семен созвал свидетелей, и составили они бумагу о разбое помощников купца из Колы. А ночью тот человек сбежал. Как, куда, кого подкупил — это неведомым осталось.

— Долог сказ-то, — с улыбкой сказал Нифантьич. — А дорога ише долше. Давай-ка двигаться, мил человек.

На край Гагарьих болот вышли к вечеру. Солнце село. От болот полз недобрый прохладный туман — его будто выжимали из себя зловещие хляби... Из рыжеватого болотного ковра, усеянного лохматыми кочками, торчали редкие, кривые и чахлые сосенки. На макушке одной из них сидели два здоровенных ворона. При виде нас они хрипло закаркали.

— Ага, вон она, мертвая сосна, — сказал Нифантьич.

Мы подошли к большой разлапистой сухой сосне, стоящей на краю болота. Она давно уже умерла, и дожди смыли с нее последние чешуй-

ки высохшей коры. Гладкая, серебристо-серая, нагая древесина производила гнетущее впечатление. Сучья сосны тянулись к небу, словно руки, взывающие о помощи.

— На сосне затеска, — сказал Нифантьич. — Ты, парень, подожди здесь, а я маленько по болоту похожу.

Где-то там, за ржавыми болотными топями, за редкой чередой кривых сосенок, маянце и таинственно блистал лунный камень. Да, хорошо бы найти жилу первоклассного беломорита, размечтался я, не испорченного сотрясениями от взрывов...

Дед пришел, сердито фыркая.

— Что-нибудь случилось? — спросил я.

Он махнул рукой:

— Давай костер топить, парень. Ночевать здесь будем.

Не говоря ни слова, я стал стаскивать в кучу все дрова, какие нашел. Костер весело разгорелся. Все вокруг стало еще темнее. Угрюмее и жутче выглядела дадь болота. Дед сыпанул в котелок чаю, посмотрел на звезды, проступившие в мгlistосинем небе, и сказал:

— Что-то боязно за болота тебя тащить. В тайге, парень, крепко надо думать. Ох, крепко. Тайга — она опасная. И люди оттого гибнут в ней, что плохо собой руководят. Я-то старый, битый, стреляный, облезлый медведь. Я осторожный. А уж когда отвечаю ише за одного человека, то есть за тебя, дак вопше шага не сделаю не подумавши.

— Утро вечера мудренее, — сказал я. — Вы мне сказ-то досказите.

— Сказ-то? Ну ладно, на душе полегше станет.

Пришел обоз в Питер. Семен за рыбу получил большой барыш. Потом пошел по всяким канцеляриям, и перья скрипели, и головы чиновников трещали от большого думанья. И всюду оставлял Семен золотые следы — на взятки не скупился. В скором времени утвердился он во владении кораблем.

После всего этого отправился в купеческий дом, невеселое известие приносить.

Вот он входит — рослый, бородастый, знатный мужчина. На голове длинноухая шапка из черного соболя, на ногах пимы из золотистой нерпы, на плечах бобровая шуба. Не узнать бедного помора. Лицо у него гордое, властное, себе он цену знает, потому как умный человек, честный и мужественный.

Встретила его вдова купца. Семен шапку снял, низко поклонился:

— От мужа я вашего, а вести у меня невеселые. Велите слугам меня раздеть и штоф водки мне подать, потому как говорить об этом не просто, да и с великого холоду я.

И рассказал вдове все как было, и бумаги представил.

Хоть и бледна была вдова купца, а характер свой соблюла и велела кликнуть дочь. Та приходит, ни о чем не ведая. Семен сперва поднес ей красивый северный камушек.

— Вот тебе, Иринushка, подарок заветный от твоего отца.

Та на камушек полюбовалась и спрашивает:

— А где ж мой любимый батюшка? Отчего он не приехал? Не захворал ли в дороге?

Тут мать обняла ее и заплакала:

— Нету у живых твоего батюшки. Лежит он в холодной северной земле, далеко от наших мест.

Пока они плакали-ревели, Семен весь штоф выпил, поклонился, надел свою соболью шапку, шубу бобровую — и за дверь.

Приехал на гранильную фабрику и сыскал там старшего мастера. Посмотрел тот на лунный камень, повертел его в руках, хмыкнул:

— Грань дать этому камню никак нельзя. Округлость тоже — плитчатый он. Кроме пластинок, ничего не получится. А жалко. Камень интересный. Загадочный даже.

— Так ведь никто и не пробовал из него изделий вытачивать, — вставил слово Семен.

Мастер на него цыкнул:

— Ты, борода, только в рыбе разбираешься. Про камень молчи! У меня вон на фабрике всяких самоцветных камней — со всего света. Мне ли не знать? Однако и твоему камню найдется место. Будем делать шахматные столики.

— Столики? — обиделся Семен. — Ну уж не ради этого я в болотах чуть душу богу не отдал.

— А ты не шуми попусту. Столики-то не простые будут, а самоцветные. И не для кого-нибудь, а для матушки императрицы. Знаешь ли ты, что императрица страсть как любит в шахматы играть? Коли сам умеешь — можешь у нее фавору поискать.

— Нет уж, — сказал Семен, — от императоров да царей никогда не знаешь, чего ждать. А у меня забот полон рот. Дел невпроворот. Я ведь теперь вроде как опекун Иринushки по воле безвременно усопшего отца, и вдова просит в его дела вникать.

— Так, значит, помер Елизар Маркович? — ахнул мастер.

— Убили его. Перед смертью скazyвал, что будто это дело рук купеческих слуг. А хозяин их вроде бы с Колы.

— Это я слыхивал от Елизара Марковича, — сказал мастер. — Скazyвал он, что один из прикаччиков купца, который с ним соперничал, покушался его убить еще год назад. У того приказчика бородавка на левой щеке. А прозвище у него — Лошадина Морда.

— Точно, — сказал Семен. — Видел я его в архангельских краях и уже изболел было, да сбежал он от меня. Однако я не остановлюсь, пока не отомщу.

— Ты мне не забудь этого камня хоть бы один мешок доставить, — сказал на прощанье мастер.

Лето пришло. Поехал Семен на север. Первым делом решил с Лошадинай Мордой счесть свести. Говорят — уехал тот на дальнюю тону треску удить.

Семен парус на карбасе вздохнул и туда же. Проехал верст пятнадцать, встречают его два карбаса. В одном — Лошадинай Морда. Вышла у них драка пружасная. Ударили Семена веслом по голове, связали, в рот тряпку затолкали и сунули в мешок.

Привезли в Сорочу. Под избой купеческой был теплый подпол. Туда Семена и спустили. И тут сам купец по фамилии Черноголовый со свечой в руке сошел к нему.

— Кое-что слыхано про тебя, добрый молодец, — сказал купец. — Удалой ты. Но со мной тебе не совладать. Коли жить хочешь, скazyвай, в каком месте ты интересный камень нашел.

— Я сыскал, я и владеть им буду, — отрезал Семен.

— А ежели мучить тебя начну?

— Ну, замунишь, так и подавно ничего не узнаешь.

— А мучить тебя буду бескровно. Стану кормить черным хлебом и соленой селедкой. А воды давать не буду.

Так и сделал. В скором времени не вытерпел Семен, сдался. Согласился показать дорогу к Синей Пале.

Весь день они плыли на карбасе. К вечеру заволновалось море, заплескали волны, белопенными шапками принакрылись.

— Правь к берегу! — крикнул Лошадинай Морда.

А ветер пал нехороший, от берега карбас отгоняет. Лошадинай Морда велел Семену руки развязать и дать ему весла.

Семен взял весло, да как шарахнет Лошадинай Морде по шее — тот в воду пал. И двух других Семен тоже в воду кинул. Визжат они, как щенята, за борт хватаются. А плавать не борзят. Семен взял топор, положил около себя и говорит:

— В карбас чтоб никто не влезал. За борт держитесь — леший с вами. Кто выдержит до берега — тот живи. Кто утонет — не пожалею. Ведь ежели бы я указал вам путь до Синей Палы, вы бы меня все равно потом порешили.

Когда дно у них под ногами ощутилось, велел Семен им отцепиться и идти на все четыре стороны. Да еще пожалел их — кинул им торбу с сухарями. И собаку, которая в лодке была, тоже выпустил.

Сходил он к Синей Пале. Наломал заплетенный мешок лунного камня. Идет назад, побряхтывает. Вдруг слышит — где-то неподалеку собака воеет. Мешок с плеч сбросил, подошел. А собака воеет на краю топкого места, и поверху лежит войлочная шапка, в которой Лошадиная Морда ходил. Понял Семен, что пошли они по его следам, да след-то потеряли среди мокрых мест и угодили прямо в топь.

Вернулся Семен в Питер, и стал мастер делать шахматный столик для самой императрицы. А Черноголовый, услышав о таком обороте дела и зная, что с Семеном шутки плохи, собрал все свои капиталы и сбежал на своей шхуне в Англию.

Время бежит, сделали шахматный столик для императрицы и поднесли ей в дар. Весьма удивил ее лунный камень, и стала она выпрашивать, откуда он взялся. Мастер и рассказал ей про Семсна...

Все было хорошо у Семена, в почете он и в богатстве, да приемная дочка его огорчает. Какого жениха ни приведет ей, все один ответ: «Не люб мне». А Семену надобен хороший товарищ и компаньон. И решил тогда Семен спросить ее: «А кто же люб тебе?»

Вернулся как-то Семен домой, призвал Иринушку и спрашивает:

— Кто же тебе люб? Ответь-ка мне, кто же сей счастливец?

Та голову потупила и ничего не сказала.

Тут Семен догадался, руками развел и рот разинул. А что дальше было, сам догадайся. Не всякий сказ до конца сказывается.

— Вот она — Синяя Пала, — торжественно сказал Нифантьич.

Я осмотрелся. Слева и справа возвышались две небольшие скалистые вараки. Сизовато-серая трещиноватая поверхность их была кое-где прикрыта седыми пластами ягеля. То тут, то там лепились на камне редкие сосенки, устремляя к синему, без единого облачка, небу кривые длинноветвные ветви.

Между вараками лежала плоская каменная лощина с напыльями красноватой глины. Повсюду валы битого камня. Это были старинные отвалы. Слепящими искорками просверкивала в них слюда, льдисто-прозрачный кварц блистал своими изломами. Здесь же можно было найти куски дымчатого кварца и голубоватого шпата. Где-то здесь прятался и лунный камень...

Буйным разливом цвел лиловый иван-чай. Старые камнезатцы говорили мне, что до тех пор, пока не зацветет иван-чай, нельзя было ходить на розыски новых месторождений цветного камня.

В самом центре лощины находилась круглая впадина, чуть пони-

же — овалный провал выработанной жилы, и на дне этого провала — маленькое прозрачное озеро. К нему вниз вела узкая деревянная лесенка с перилами по одной стороне.

— Вот отсюда и брали в старину самолучший лунный камень, — басовито откашлявшись, сказал дед.

— Небось весь и выбрали, — усмехнулся я.

— Едва ли, — возразил он. — Конечно, немало камня взяли, но много и осталось. Я так слышал. Но мы, прежде чем осматривать тутешние жилы, спустимся-ка вниз, к воде. — Разве тут и раньше вода была?

— Да нет. Просто когда в камень зароешься, вода, бывает, откуда-то из трещин выступает. Вот и тут — залило ямку, и на дне много недо-выбранного лунного камня осталось.

Мы осторожно спустились вниз по скрипучей лесенке и оказались на маленьком каменистом пятке.

Я поднял голову и едва не вскрикнул. Прямо передо мной поднималась стена полевого шпата, ярко-белого и чистого, с великим множеством неровных искристых изломов. Солнце с неистовой силой хлестало своими лучами в эту белую стену, и в камне ответно зажигались тысячи ярко-голубых бликов. И на воде ответно дрожали и искрились голубые сполохи лунного камня...

Болото, прилегающее к Синей Пале, было сплошь покрыто мягкими кисточками белоснежной пушицы. Она напоминала снег, и как-то странно было видеть эту чистую белизну по соседству с зелеными и желтыми красками лета. И мне подумалось, что беломорит как бы впитал в себя палитру северных просторов: в его блеске и морская даль, отражающая синь неба, и белизна зимних снегов, и нежные, шелковистые разливы болотной пушицы.

Синяя Пала придала мне силу и уверенность в том, что заветные мои мечты сбудутся, что трудные мои дела сделаются и что много будет у меня вот таких же прекрасных походов, дарящих вдохновение и удачу.

Здесь я нашел большой обломок беломорита и ржавую-прержавую кайлу с обломанным носком, бережно взял ее в руки и долго разглядывал. Многого могла бы она рассказать. Не Семен ли, открывший для людей Синюю Палу, подаривший ее нам, оставил здесь эту кайлу? Кто знает...

С тех пор большой красивый камень стоит на моей книжной полке. По вечерам, когда засыпают мои домашние, я сажусь за письменный стол и вижу, как свет настольной лампы зажигает в полупрозрачном белом камне голубые искры. И снова мне чудится синий блеск беломорских заливов и что-то еще, не имеющее названия, что-то связанное с тайной и сказкой...

На заповедный остров Монерон нас привела работа. Предстояли погружения в круговорот теплых и холодных течений пролива Лаперуза, которые зрели на склонах прибрежного шельфа настоящие подводные джунгли.

Нас было трое. Олег Яременко должен был собирать морской гербарий, я — фотографировать под водой экспонаты, а Гена Романов обещал бесперебойно снабжать нас сжатым воздухом для зачекки аквалангов.

Дальневосточная биологическая прибрежная экспедиция, которой руководила Вера Борисовна Возжинская, старший научный сотрудник Института океанологии АН СССР имени П. П. Ширшова, работала в этих краях уже несколько лет. Главной задачей экспедиции была оценка продуктивности донных растений — определялась скорость образования органического вещества, создаваемого водорослями. Основная группа под началом Возжинской отправилась в Охотское море, а мы втором — на Сахалин и Монерон.

На Монероне, островке в несколько десятков квадратных километров, постоянно жили в то время трое «маячников» и трое работников Гидрометеослужбы. Остальные — сезонники, рабочие-гидростроители; раз в неделю они загружали прибрежной галькой баржу, которую таскал из Холмска буксир. Собственно, благодаря гидростроителям мы и попали на Монерон. На причале Холмска поворачиваясь нам капитан буксира и любезно согласился доставить нас и «впечатляющий» всех багаж экспедиции.

На острове мы поселились в балке — маленьком домике на полозьях. Рядом стоял второй домик, служивший одновременно и кухней и кладовкой. Стены его были увешаны связками лука и чеснока, перца и вяленой рыбы, в углу кладовки стоял ларь с картофелем, рядом — ящики с мясными консервами и соками. Мы поняли, что от голода на Монероне не умрем и напрасно везли крупы и консервы...

С первых же шагов по острову стало ясно, что все рассказанное о нем сильно преуменьшено.

Скала острова — основная его твердь — вырывалась из глубоких вод моря; за зелеными гранями ее виднелись малые островки. Ручьи и родники несли свои воды в густых зарослях и так были укрыты от

У СКАЛ МОНЕРОНА

глаз, что найти их порой можно было только по лагунам на побережье. Травы на благодатной почве при мягком и влажном климате поднимались до невиданных размеров. Листья лопухов, которые на нашем материковом лугу доходят до колена, здесь были выше роста человека. В этих зарослях мы пробирались, как в густом подлеске.

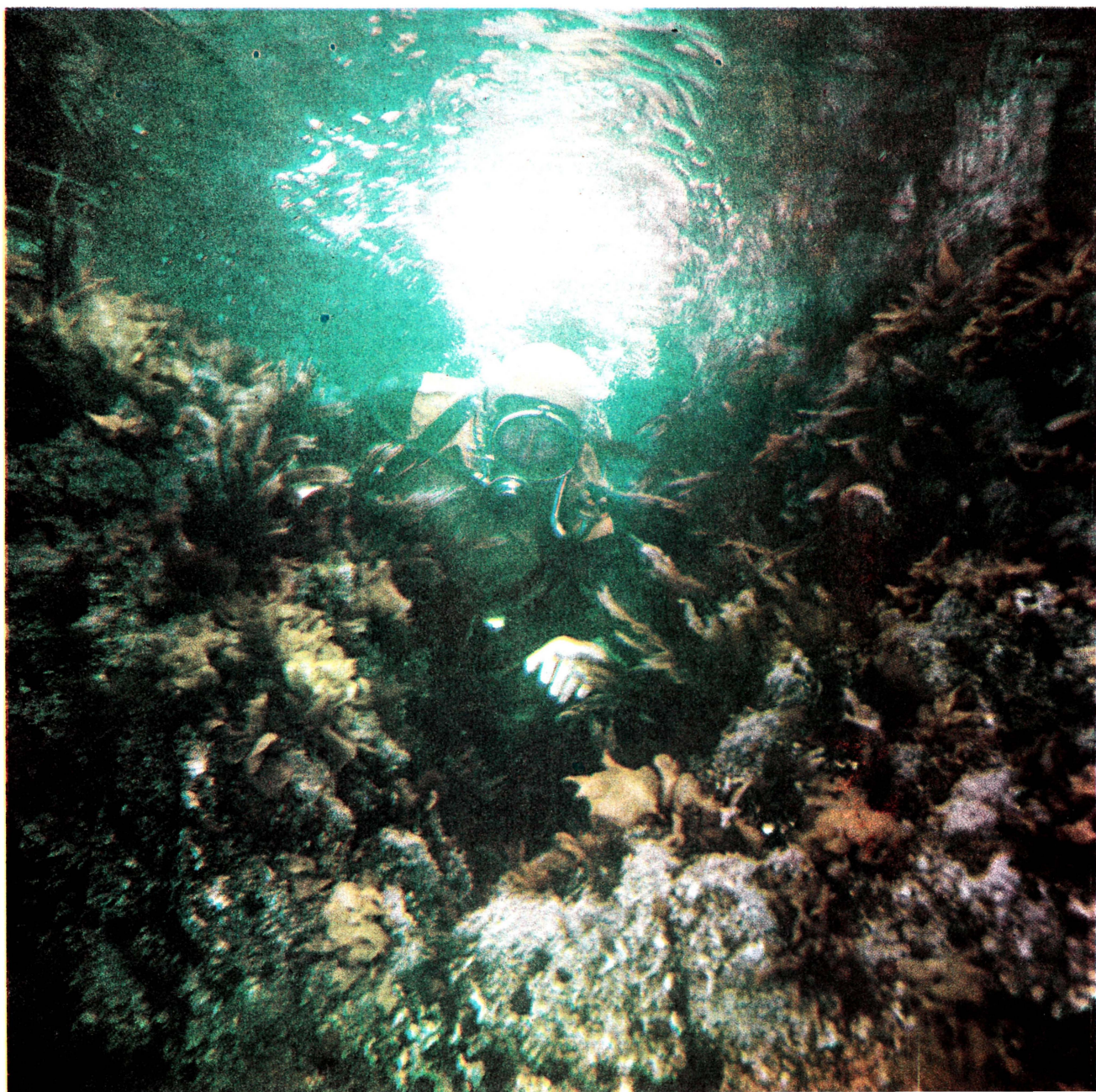
Прозрачность воды в прибрежных лагунах превосходила все «стандарты». В солнечных лучах остров

начинал сверкать и переливаться яркими бликами, а море — голубыми искрами. На подводных склонах дрожали солнечные блики, в прибрежной волне вспыхивали яркими пятнами водоросли и животные.

Но погода, похоже, не очень баловала прибрежные районы Японского моря, а острову Монерон дождя и тумана доставалось, наверное, больше всех. Однако ненастье нам не мешало работать — имея крышу над головой и печку в кухне, мы могли

одеваться дома и погружаться в любое время — водолазное белье всегда было сухим. Море шумело в пятнадцать метрах от балков. Домики стояли на узкой косе-перешейке, между островом и маленьким скалистым полуостровком. Поэтому при любом ветре, конечно, кроме штормового, имелись затишные места для погружений.

Обследование морских угодий проводилось по отработанной нами еще на Баренцевом море методике. Мы с Олегом плыли рядом с лодкой и в намеченной точке, там, где глубина достигала тридцати метров, получив от Гены фотоаппаратуру, погружались. Достигнув нужного места, возвращались к берегу, собирая образцы и фотографируя их. За одно погружение надо было отснять и собрать 10—12 образцов — столько,

сколько позволяло количество кадров в фотоаппарате.

Наиболее интересным для погружений оказалось место около полуострова на дальнем конце косы. Там на глубине 25 метров была площадка, засыпанная крупной галькой; на этих камнях держались длинные водоросли хорды, хлыстами уходящие к поверхности. Рядом с отвесно

поднимающейся скалой нависали две глыбы, своды которых образовали пещеру. Во мраке каменного мешка, скрытого под скалами, селились губки. Если прикоснуться рукой к шершавой холодной каменной стене, то можно было нащупать мягкие, бархатистые наросты. Губки — мы знали это — были самых неожиданных расцветок, но в полумраке глубины все

виделось монотонным и бурозеленым.

...Робкий лучик подводного фонарика Олега высвечивает то кремовые, то ярко-оранжевые наросты. Если рядом «листья» интересующих нас водорослей, лучик задерживается на них — сигнал мне — надо фотографировать. В темень грота врывается на мгновение яркое солнце — это разрядились конденсаторы через две импульсные лампы, но свет так быстро исчезает, что глаз не успевает ни ослепнуть, ни выхватить из темноты яркий подводный пейзаж. До сих пор специалисты не могут найти убедительного объяснения, почему у большинства придонных животных, обитающих в полутьме, такие яркие наряды. В нашем гроте живут лишь робкие разведчики — основные колонии губок глубже, там, где солнечные лучи почти совсем растворяются в сине-черном тумане.

Итак, мы продвигаемся к берегу. Луч фонаря задерживается на веточке известковой водоросли, рядом «листки» ульвы — морского салата и «шишка» свернувшейся актинии. Навою на освещенное место фотоаппарат, прицеливаюсь в видоискатель, щелкает затвор — и мы плывем дальше. Снимок поможет распознать, где и как расселяются морские обитатели. Олег аккуратно отделил от подошвы камня и «листки» ульвы, и веточку литотамния, но их еще надо доставить на берег, зафиксировать там и довести до Москвы. Ближе к берегу фотографируем анфельцию. Это лучший агаронос, самая ценная водоросль, из которой добывают агар.

Значение водорослей для жизни моря огромно: водоросли кормят и укрывают взрослых обитателей шельфа и их мальков. Кислород воды в зонах обитания растений — их «заслуга». Человек давно научился добывать водоросли. Морские растения дают ему сырье для промышленности, ряд из них идет в пищу. Ученые утверждают, что в море нет ядовитых водорослей и что все растения практически съедобны. Но добычу в море надо ограничить и дать точные рекомендации по ее объему. Например, морские водорослевые ресурсы Дальнего Востока определяются в сыром весе цифрой, близкой к семи миллионам тонн. Но сколько можно добывать в год морской капусты — ламинарии или анфельции, чтобы не подорвать эти запасы?

Жизнь моря, повторяем, прямо или косвенно зависит от состояния морских лугов и подлесков. Поэтому наша работа полна смысла.

Олег останавливается у новой цели, щелкает затвор, на подводных скалах отражаются блики от осветителя. Вот и берег, к нему уже пристала лодка, ведомая Геней. В его глазах мольба: «Пустите меня под воду, хоть я и компрессорщик, но по велению сердца подводник».

Решаем — завтра погружаются Геня и Олег, а я буду их страховать с поверхности. Так нарушили мы строгие напутствия нашего руководителя, но ведь делу это не помешает, а отказать Романову в погружении у скал Монерона у нас не хватает сил...

ГОРНОСТАЙ МЫНДАЯ

Якутская легенда

Мындай был очень богатым и очень жадным человеком. Ничего в этом удивительного как будто бы и не было — богатство и жадность всегда неразлучны: чем больше человек богатеет, тем больше бывает жаден. А жаден был Мындай не в меру, а потому умножил свое богатство еще и охотой. Он не сидел, греясь перед благостным огнем печи, плотно наевшись жирного мяса да масляных оладий, как это было заведено у баев с давних пор, а рыскал везде и повсюду. Но мало ему было того, что во многих хлевах было у него полным-полно круторогих, а на пастбищах несть числа долгогривых. От зерна ломились Мындаевы закрома, сундуки были полны дорогих мехов да всякого добра. Но Мындаю и этого было мало, и он, чтобы хоть малую толику к богатствам своим добавить, словно медведь, вздумавший собирать муравьев, с каждой долины, с каждого поля собирал и тащил к себе домой все — будь это сероватая пушистая крыса или маленькая тощая ласка. Кроме того, прослыл Мындай великим упрямым. Упрямство, подчас тупое, буквально обуревало его. Он настаивал на сказанном, даже если понимал, что полностью не прав. Может быть, Мындай был бы и вовсе забыт — упрямые и жадные баи не были редкостью, — но рассказ о нем остался в памяти народа. Вот из-за какой истории.

А было это все так.

Однажды в конце осени поехал Мындай на охоту.

Он оседлал и сел верхом на свою любимую кобылицу (кобылица та была спокойной по нраву и очень ходкой), ее тый — двухтравый жеребенок — увязался за ней. Тый очень любил свою мать и всюду ходил за нею, скучал без нее. Мать привыкла к этому и, когда отправлялась в путь, ржанием подзывала его к себе.

На свежем, только что выпавшем снегу с коня очень хорошо были видны следы и нарыски бродивших

зверюшек. Мындай читал эти следы, жадно оглядывал все вокруг. Вот прошла белка, но это вчерашний след — значит, она далеко теперь, ее уже не догонишь. Здесь ходили белые куропатки, досыта, наверное, они наклевались. Здесь просемила мышь. А вот эти следы говорят о том, что ворон рвал тут остатки зайца. Мындай слез с седла, поднял остатки, внимательно оглядел их, но, видя, что уже ничем нельзя воспользоваться, отбросил в сторону. Затем он опять сел верхом на кобылицу и поехал дальше. У подножия Ытык-хая Мындай

увидел след. Это горноста́й волочил свою добычу. «Ага-а! Наконец-то я нашел поживу, — обрадовался охотник. — Недавно зверек прошел здесь, значит, недалеко отсюда у него должна быть нора». Мындай долго тропил след. А горноста́й поднялся вверх на гору и скрылся в дупле упавшего дерева. Наконец добрался сюда и Мындай. Обошел вокруг дерева, обрадовался. «Он здесь, не вылез! Вроде горноста́й уже мой. Судя по следу, это крупный, матерый самец; шкурка будет такой же, как те, что в моей шкатулке спрятааны, — она у меня будет со мной», — радостно подумал охотник и еще раз обошел вокруг дерева. Потом зарядил у дупла черкан, чуть в стороне построил палаш, развел костер и стал ждать.

Сидя в ожидании, Мындай пригрелся у костра, разведенного в пазухе вывернутых корней дерева, начал тихо дремать. И приснилось ему, что его горноста́й медленно вылез из дупла. Он был очень большим и жирным и почему-то походил на меховую рукавицу из лапок, какие обычно носят в зимние холода. Мындай обрадовался — такого крупного горноста́я он не видел отродясь, но в то же время с опасением подумал, что тот слишком велик для его черкана. Так оно и получилось: горноста́й, вылезая из дупла, небрежным толчком повалил черкан. И вдруг заговорил по-человечески: «Ненасытный Мындай, тебе мало своего богатства, из-за этого лежишь здесь мешком и ждешь меня. Посмотрим, как ты снимешь с меня шкуру и прибавишь ее к тем, что уже есть у тебя». Сказал это горноста́й, повернулся и юркнул в дупло...

Мындай проснулся от холода — потух костер. Встал и обошел вокруг поваленного дерева. Свежих следов горноста́я нет — значит, не бежал.

«Вот странный сон... Какой упрямый горноста́й мне попался. Да, но я тоже упрям. Посмотрим, кто из нас двоих окажется упрямее», — подумал он.

Прождал Мындай несколько дней. Провизия, привезенная им, кончилась. А горноста́я все нет. «Видно, большие запасы у него, потому и не выходит. Наверное, заставит еще долго ждать», — задумался охотник и решил заколоть жеребенка.

Как тяжело было матери, когда ее любимого детеныша Мындай убил прямо на ее глазах.

Заколов жеребенка, он подумал: «Ну, посмотрим, много ли у тебя запасов, увидим, у кого их больше». А в памяти все стояло сновидение, и Мындай не мог забыть, как горноста́й вышел из дупла, насмеялся

над ним и обругал его, и одно это воспоминание приводило его в бешенство.

Прошло время, кончилась и жеребятина. А горноста́й все еще не выходил. Пришлось Мындаю заколоть свою любимую кобылицу. «Ну, уж теперь-то твои запасы наверняка приходят к концу», — смеясь, сказал он, поглядывая на дупло. Мындай был уверен в победе.

В это время откуда ни возьмись появился охотник.

— Оказывается, вот где ты, дружище? — удивился он. — Жена, дети и домочадцы возмущены, думают, что с тобой несчастье случилось, весь наслег подняли на ноги. Едем домой.

— Пусть волнуются, не поеду.

— Почему же, друг? Что же ты здесь делаешь?

— Горноста́я пересаживаю. Он здесь в дупле спрятался.

Охотник, наконец, внимательно осмотрев все вокруг, увидел шкуры жеребенка и кобылицы, дерево с дуплом, черкан, понял, в чем дело, а зная упрямство Мындая, не стал его уговаривать и не спрашивал подробностей, только узнал:

— Тогда что же сказать твоим домочадцам?

— Скажи, что приедет домой, только добыв горноста́я, — отвечал Мындай.

Охотник возвратился с доброй вестью и рассказал, что он-де нашел Мындаю, что Мындай жив и что он сидит выжидает горноста́я. Прошло время, а Мындай все нет. Жена снова забеспокоилась, поехала к Мындаю сама. Мындай и на этот раз не согласился. «Нет, пока не добуду горноста́я, домой не вернусь», — сказал он. Жена и просила и умоляла его, но вынуждена была вернуться домой ни с чем...

Мындай поджидал своего горноста́я до тех пор, пока не кончилось мясо кобылицы. Сидя в ожидании, он с вершины Ытлх-хая смотрел, как каждое утро просыпались жители и из труб их печей курились дымки, смотрел и на свою усадьбу.

А горноста́й уже давно прогрыз снизу свою полу колоду и ныром под снегом ушел восвояси. След, где он вышел наружу, поземка снегом замела. Мындай уже давно ждал его впустую. Когда кончилось мясо кобылицы, он с голоду и дойдя до крайности перед уходом домой расколол дерево: а след горноста́я уже давным-давно простыл. Мындай с досады плюнул и без ничего пошелся домой пешком.

Так жадных и тупых упрямцев стали укорять, говоря: «Ты словно Мындай, который, выжидая все-го лишь одного горноста́я, съел жеребенка с кобылицей». И с тех пор это стало поговоркой.

Прижавшись к решеткам, заключенные напомнили испуганных птиц в клетках.

Дверь коридора открылась. Двое вооруженных охранников подошли к столу. Они откинули Вильяма Ли на металлическую спинку стула, похлопали по щекам. Надзиратель оказывал не больше сопротивления, чем восковая кукла.

Один из охранников выпрямился, положил палец на спусковой крючок своего автомата и тяжелым взглядом обвел камеры.

Его товарищ протянул руку, собираясь взять телефонную трубку.

— Нет! — остановил его первый охранник.

Они обменялись несколькими словами. Тот, который собирался звонить по телефону, повернулся и быстро вышел из помещения.

Вскоре появились подкрепление в лице еще трех охранников. Двое из них встали по обе стороны двери, в то время как третий со связкой ключей обошел все камеры и проверил замки.

Немного спустя пришел директор тюрьмы в сопровождении помощника. Они, в свою очередь, склонились над неподвижным телом Вильяма Ли, покачали головами и пробормотали что-то неразборчиво.

Люди все прибывали. Вскоре их было уже вдвое больше, чем в «парадные» дни, когда производились казни. Среди собравшихся заключенные узнали тюремного врача Брайана. Пока тот осматривал умершего, в коридоре стояла полная тишина.

Директор тюрьмы Дуглас Кристмас был бледен как полотно. Врач что-то начал говорить, но он, казалось, ничего не слышал. И только когда один из охранников потянулся к телефону, директор, тюрьмы спохватился.

— Нет! — произнес он. — Не отсюда.

Кристмас сказал несколько слов одному из своих подчиненных. Тот повернулся и бегом покинул отделение. Затем директор сделал знак приблизиться надзирателю Эрнесту Миджуэю и что-то сказал ему на ухо. Надзиратель кивнул, вышел на середину коридора и громовым голосом объявил:

— Заключенным категорически запрещается переговариваться. Всякое нарушение приказа повлечет за собой наказание.

Лица, представляющие официальные следственные органы, прибыли на место минут через сорок. Тюремный врач, заметив среди них, как ему показалось, человека, возглавляюще-

Продолжение. Начало в № 3.

АНДРЕ БАНЗИМРА, французский писатель

ПРИГОВОРЕННЫЙ ОБВИНЯЕТ

Роман

го группу, подошел к нему и представился:

— Доктор Брайан. Судебно-медицинский эксперт.

Пришедший холодно посмотрел на него.

— Инспектор Дэвид. Какова же, по-вашему, причина смерти?

— Здесь не может быть никакого сомнения. Отравление цианистым калием.

Инспектор сделал несколько шагов по направлению к трупу.

— В этом стакане наверняка еще удастся найти следы циана, — продолжал врач.

— На анализ! — бросил инспектор одному из своих подчиненных и кивнул фотографам.

Сразу же вспыхнули блицы.

— Здесь слишком много народу, — проворчал инспектор.

Его взгляд пробежал по лицам и остановился на одном из них.

— Вы директор тюрьмы?

— Да.

— Не могли бы вы распорядиться освободить помещение?

Директор отдал приказ и собирался также удалиться, но инспектор задержал его.

— Мне понадобится ваш врач, — сказал он.

— Я в вашем распоряжении, — заявил доктор Брайан.

— Вы можете сказать, когда наступила смерть?

— Примерно час назад.

— Кто и когда обнаружил тело? — Полицейский инспектор повернулся к директору.

— Двое из моих служащих. В самом начале восьмого. Это время ужина заключенных. В отделении приговоренных к смерти мы принимаем особые меры предосторожности. Перед приходом служащих, доставляющих ужин, надзирателю всегда звонят по телефону: нужно убедиться, что все в порядке... Несколько лет назад у нас был побег, — добавил директор, как бы извиняясь.

— Понимаю. И надзиратель не ответил?

— Вот именно. Тогда двое охранников немедленно прибыли на место, обнаружили тело и подняли тревогу.

Инспектор подошел к столу надзирателя и окинул его рассеянным взглядом.

— Кто-нибудь прикасался к телефону? — поинтересовался он.

— Нет, — с удовлетворением отве-

тил директор. — Мои люди проявили осторожность.

— Вот как? — заметил инспектор. — А почему? Разве не проще было позвонить отсюда, чтобы поднять тревогу?

— Мы решили, — пробормотал растерянно директор, — что лучше ни к чему не прикасаться. Я думал, вы будете снимать отпечатки пальцев.

— Вряд ли отпечатки нам смогут что-нибудь дать. Но если я вас правильно понял, вы не исключаете возможность преступления?

— Но... — пробормотал Дуглас Кростмас.

— Разве нельзя предположить самоубийство?

— Я бы очень хотел, чтобы исследование показало, что это было именно так. Но, увы, говоря откровенно, я не допускаю мысли, что мой подчиненный выбрал это место, чтобы покончить счеты с жизнью.

Инспектор прищурил глаза.

— Как его звали?

«Именно с этого он должен был бы начать», — подумал удивленно директор, однако назвал имя и фамилию покойного.

Инспектор отошел на несколько шагов. В отделение вошли двое санитаров с носилками. Они положили на них тело и унесли. Вильям Ли, честно отслужив двадцать семь лет, не дожидаясь тринадцати месяцев до пенсии.

Адамс не мог сказать, что ему совсем не был знаком человек, который вошел в его камеру.

Инспектор допросил уже пятерых заключенных и собирался задать вопросы шестому. До этого времени он не узнал Адамса, и, когда они оказались лицом к лицу, инспектор не смог скрыть удивления. Однако он быстро овладел собой, и голос его прозвучал почти равнодушно:

— Никогда бы не подумал, что встречу вас...

— ...здесь, — с горькой иронией продолжал Адамс.

Они внимательно всматривались друг в друга.

— Нельзя сказать, чтобы заключенные облегчили мне задачу, — сказал полицейский инспектор. — Они встретили меня враждебно: либо молчат, либо насмеваются.

— А что вы думали? — зло спросил Адамс. — Эти люди скоро умрут, казни начнутся через десять дней. Вся ваша возня их не интересует.

Инспектор Дэвид поморщился, он был шокирован резкостью ответов.

— Понимаю, — сказал он, — вы перешли в другой лагерь.

— Меня поместили в другой лагерь, — поправил Адамс, — это не одно и то же. Но не думайте, однако, что я откажусь вам помочь.

Инспектор Дэвид с интересом по-

смотрел на Адамса, а тот продолжал:

— Вильям Ли умер примерно за десять минут до прихода охранников — между без четверти и без десяти семь. Именно в это время я слышал, как он наливал себе из бутылки пиво. И думаю, версию о самоубийстве вы можете отбросить. Вильям Ли не мог покончить с собой.

— Почему?

— Я не так уж много обращал внимания на этого незаметного человека. Он был способен в день казни с полной искренностью спросить у осужденного, хорошо ли тот спал. Все от него отмахивались, как от надоедливой мухи. Но я достаточно наблюдал его, чтобы с уверенностью сказать: он был не из тех, кто кончает жизнь самоубийством.

— Что вы можете об этом знать? — возразил Дэвид. — Возможно, у него были личные неприятности, и в этом случае... Я думаю, ему легко было раздобыть в тюрьме цианистый калий.

— Нет... Нет...

Адамс прикрыл глаза, чтобы восстановить образ покойного.

— Еще сегодня он подошел ко мне, чтобы сказать несколько приятных слов о моей матери. Он проявлял интерес ко всем, всех опекал. Ему, вероятно, казалось, что мы в нем нуждаемся.

— Нельзя ли допустить, — заметил Дэвид, — что работа в тюрьме расшатала его нервы? Постоянный контакт с приговоренными к смерти мог в конце концов подточить его психику...

— Этот контакт, — возразил Адамс, — Вильям Ли выдерживал в течение почти тридцати лет. Он был старейшиной среди тюремного персонала.

— Но как это могло произойти? Кто мог подложить яд в его стакан?

— О, это могли сделать многие, — ответил заключенный. — Сегодня днем более десяти человек имели возможность подойти к столу надзирателя.

— А нельзя ли попытаться определить время, когда яд оказался в стакане?

Адамс прикрыл глаза, чтобы сосредоточиться.

— Я думаю, это должно было произойти до пяти часов.

— Почему?

— Потому что в пять часов Вильям Ли принял дежурство у другого надзирателя, а после этого в отделение никто не входил до момента, когда пришли охранники. Сегодня утром, около девяти, Ли ушел с дежурства, оставив на столе, как он это часто делал, стакан с недопитым пивом. Он был до него великий охотник и, хотя администрация это запрещает, всегда хранил здесь запас. Когда сегодня вечером, незадолго до семи

часов, он взялся за свой первый стакан, все и произошло...

— Значит, между девятью утра и пятью пополудни кто-то...

— О, я думаю, этот отрезок времени можно еще уменьшить. С девяти до часу, насколько мне помнится, к столу надзирателя никто не приближался. В полдень, правда, дежурные приносили суп, но они подходили только к камерам. У каждого из них было по бидону в руке, так что трудно себе представить, как они могли бы бросить яд в стакан.

— А кто из надзирателей дежурил тогда?

— Этакая горилла по имени Бен Оберон.

— Минутку, — сказал инспектор. — Как распределяются дежурства надзирателей?

— В принципе три надзирателя должны сменить друг друга: Миджуэй, Оберон и... Ли. Каждый в порядке очереди должен отсидеть свои восемь часов. На самом же деле надзиратели договариваются о дежурствах между собой. Но Миджуэй не появлялся в отделении двое суток.

— Хорошо. Вы сказали, что яд могли положить в стакан после часу дня. Но ведь посещения начинаются с трех? И именно с этого времени заключенных водят на свидания.

— Да, конечно. Но с часу до трех многие входили в отделение.

— Кто, например?

— Здесь я не смогу вам дать исчерпывающих сведений. Ну, был парень, который принес надзирателю книгу записавшихся посетителей. Каждый заключенный и сопровождающий его охранник расписываются в ней, уходя из отделения и возвращаясь. Потом приходили адвокаты, среди них были и мои; возможно, заходил психиатр к заключенному в камере напротив моей, могли прийти и другие люди. Но об этом вам следует справиться у администрации.

Инспектор Дэвид взглянул на часы и поднялся.

— Если я вас правильно понял, каждый заключенный дважды подходил к столу инспектора, чтобы расписаться в книге посещений?

— Совершенно верно, — подтвердил Адамс.

— Таким образом, каждый заключенный, воспользовавшись невнимательностью сопровождающего, дважды имел возможность положить яд в стакан?

— За исключением, разумеется, тех, у кого не было посетителей и кто не покидал своих камер. Надо узнать, кто не входил.

— А охранник, который приходит за заключенными?

— Этот тоже мог воспользоваться случаем. Обычно заключенных всегда сопровождает один и тот же человек. Но я не знаю его имени.

— Я справлюсь, — сказал инспектор. — Скажите, а есть у вас какие-либо соображения о том, каким мог быть мотив преступления?

Адамс задумался.

— Нет, — признался он. — Откровенно говоря, никаких.

Теперь полицейский инспектор окончательно собрался уходить. У Адамса создалось впечатление, что тот расстается с ним с сожалением.

Инспектор Дэвид нажал на кнопку звонка. Дверь ему открыл директор тюрьмы собственной персоной.

— Прошу прощения, господин директор, что беспокою вас так поздно, но я должен был допросить заключенных, прежде чем они начнут переговариваться друг с другом.

— О, конечно, — сказал Дуглас Кристиас, введя инспектора в богатую обставленную гостиную, битком набитую фарфоровыми безделушками. — Я очень обеспокоен тем, что произошло.

Он повернул кисти рук ладонями вверх и наклонился к инспектору.

— Но ведь, — как бы защищаясь, сказал он, — вы сами могли убедиться в том, что меры безопасности, которые мы соблюдаем в отделении приговоренных к смерти, чрезвычайно строги...

— Я не представляю, что можно было бы сделать еще, — успокоил его инспектор. — Этот несчастный случай нельзя было предвидеть. Значит, вы считаете, что преступление... если речь идет о преступлении, мог совершить только кто-либо из заключенных?

— Разумеется! — воскликнул директор. — Кто же еще? В отделение входили только уважаемые люди: врачи, представители закона, я сам наконец...

«Вот как», — отметил про себя инспектор. Следовало ли считать необычным появление директора в отделении приговоренных к смерти по иному поводу, чем церемония приведения в исполнение приговора?

— Это мог сделать только кто-нибудь из заключенных, — продолжал тем временем директор. — К тому же у меня, знаете ли, было какое-то предчувствие. Вчера чочью отделение взбунтовалось. У одного из заключенных приключился нервный припадок, и атмосфера тотчас же накалилась. Я даже хотел отменить посещения. И почему я этого не сделал?

— А вы подумали, господин директор, о том, каким образом заключенный мог раздобыть яд?

— Разумеется! — воскликнул директор. — К заключенным приходят посетители. Кто-то, воспользовавшись тем, что караульный отвернулся, перedal пакетик с порошком. Только этим путем яд мог попасть сюда. Во всяком случае, он не из резервов цианистого калия, которые имеются в

тюрьме. Взять его из сейфа без моего ведома совершенно невозможно...

— Согласен. Но почему понадобилось убивать этого несчастного надзирателя? Насколько я сумел разобратсья, как раз к нему заключенные относились неплохо.

Дуглас Кристиас сделал неопределенный жест.

— Ну, знаете ли, — сказал он, — для них полицейский — это полицейский. Вы не видели, инспектор, как они вели себя ночью! Если бы вы слышали, как этот негр Вэнс оскорблял меня, желал мне смерти! Впрочем, я не могу подозревать конкретного. Другие не лучше.

— Вы хотите сказать, что они могли с тем же успехом отравить любого другого надзирателя?

— Ну, конечно! Кстати, это едва не произошло. Содержимое стакана чуть было не выпил Бен Оберон. Я его недавно встретил в караульном помещении: несчастный был бледен как смерть. Он мне рассказал, что незадолго до смены подносил этот стакан ко рту. Если бы не его отвращение к пиву, то сейчас он был бы мертв.

— А заключенные, — спросил инспектор, — знали о том, что Оберон не любит пива?

— О да, — улыбнулся директор. — Несчастный парень очень боится потерять свое место... Некоторое время назад один из заключенных сказал мне, что Оберон напивается во время дежурства. Я тогда основательно его напугал. С тех пор у меня в отделении приговоренных к смерти есть подчиненный, который может служить образцом воздержания.

— Однако, господин директор, — заметил полицейский инспектор, — ваши слова доказывают, что мишенью был именно Вильям Ли, и никто другой.

— Возможно, — согласился директор.

— Именно к тому выводу пришел и я, хотя в вашем рассказе есть что-то, что мне не вполне ясно... По-вашему выходит, что речь идет о немотивированном преступлении, совершенном в результате злости, которую заключенные испытывают ко всем, кто в их глазах представляет власть, злости, усилившейся после событий минувшей ночи.

— Думаю, что так.

— Тот, кто решил совершить убийство, получил яд через сообщника, приходившего к нему сегодня днем.

— Да.

— Нет, господин директор, что-то здесь не вяжется: сообщник не мог знать о событиях, происходивших ночью. Он не мог сноситься с заключенным, который нас интересует с... Когда был предыдущий день посещения?..

— Воскресенье.

— Каким же образом виновник

преступления мог ему передать эту просьбу?

— Ну во-первых, ничто не доказывает, — заметил директор, — что цианистый калий принесли именно в воскресенье. Решение совершить убийство могло быть принято довольно давно. Кроме того, заключенный мог попросить у своего сообщника яд, чтобы самому кончить счеты с жизнью, не дожидаясь казни. Вполне резонно предположить, что первоначальное намерение заключенного было именно таким, и лишь впоследствии он решил использовать яд для убийства.

Инспектор вежливо согласился. Однако в душе он весьма сомневался. Слишком очевидной была та жестокость, с которой директор тюрьмы пытался свалить всю вину на заключенных.

Дэвид вспомнил запавшие глаза Адамса на его изможденном лице.

Нет, такого человека, как Дуглас Кристиас, на пушечный выстрел нельзя подпускать к тем, кто скоро должен умереть...

Инспектор Дэвид сидел за письменным столом своего кабинета, заставленного металлическими шкафами, в распахнутых дверцах которых виднелись сотни толстых досье.

— Чем могу быть полезен, метр? — спросил он, когда Грегори Пенсон закрыл за собой дверь.

Адвокат присел на шаткий стул. — Я пришел к вам за помощью, мистер Дэвид, — начал он и, увидев, как нахмурился инспектор, заговорил быстрее: — Вы, конечно, знаете, что Эдварда Адамса сумели обвинить в убийстве на основании показаний одного свидетеля и утверждений самого потерпевшего.

Инспектор холодно смотрел на адвоката.

— Но даже теперь, — продолжал Пенсон, — я не могу поверить в виновность моего подзащитного. Конечно, все против него. Но я знаю Адамса еще с колледжа. Эдвард всегда был... и остается моим лучшим другом. Он проявил неосторожность и в результате оказался в таком отчаянном положении. Но он не убийца.

Инспектор по-прежнему молчал. — По окончании процесса, когда был вынесен приговор, — говорил Пенсон, — мы с метром Изабеллой Линдфорд, это второй защитник Адамса, решили подключить к расследованию частных сыщиков, чтобы прояснить кое-что в этой истории. Мы исходили из того, что оба свидетельских показания были ложными. Я присутствовал на очной ставке Адамса и Бернхайма. Последний явно был запуган. Как сейчас вижу его расширенные глаза, выражение ужаса на лице...

— Послушайте! — впервые подал голос инспектор. — Ведь Бернхайм

Рисунки В. КОЛТУНОВА

был при смерти, а тут еще очная ставка с его убийцей.

— Нет! Бернхайм кого-то боялся. Может быть, не за себя. У него ведь были жена, дети...

— Если я правильно понял, вы хотите сказать, что ему угрожали расправиться с семьей, если он не опознает Адамса?

— Почему бы и нет? И я очень хорошо знаю, кто мог это сделать.

— Кто же?

— Некий Арнольд Мэзон...

— Тот свидетель, который вызвал полицию после того, как оглушил Адамса, прибывав на место преступления?

— Именно. Услужливый сосед, который ни на шаг не отходил от постели Бернхайма в больнице, где он боролся со смертью. Когда к Бернхайму вернулось сознание, возле него был все тот же Мэзон. Он вполне мог залугать несчастного, сказав, что, если тот не опознает Адамса, это повлечет за собой смерть его жены и детей. Бернхайм знал, с кем имеет дело, какая страшная организация стоит за Мэзоном. Он испугался и сделал то, что ему приказали.

— И обвинил невинного?

Пенсон усмехнулся.

— В его глазах Эдвард не был абсолютно честным человеком. Не забывайте, ведь Бернхайм думал, что Адамс является членом одной из опаснейших банд. Накануне Берн-

хайм встретился с представителем полиции, чтобы сообщить ему о действиях Адамса. И перед смертью ему было наплевать на то, что один преступник заплатит за преступление, совершенное другим.

Инспектор вздохнул.

— Да, — согласился он, — в конце концов, все вполне возможно. Но это всего лишь предположение! Надо было вытянуть что-либо из этого Арнольда Мэзона.

— Конечно. С самого начала занятия нами с Изабеллой Линдфорд частные сыщики занялись им.

— И что это дало?

— В течение многих недель ничего. Внешне этот тип абсолютно безупречен. Он представитель фирмы, торгующей пылесосами и другими электроприборами.

— А его прошлое?

— Невинен как агнец. Но сегодня мне кое-что сообщили. О, ничтожный факт, мелочь, но...

— Но?..

— До своего ареста Адамс часто встречался с некой Анной Плэйтон, отъявленной дрянью, если хотите знать мое мнение, инспектор. Но заставить Эдварда порвать с ней было невозможно. Во всяком случае, на него нашло полное затмение, если он мог что-то найти в этой шлюхе. Очевидно, Адамс встретился с ней в тех подозрительных кругах, куда ему удалось проникнуть. Так или иначе,

после осуждения Адамса эта девица исчезла, и больше о ней ничего не было слышно.

— Но, — перебил его инспектор, — какая связь между Плэйтон и Мэзоном?

— Я узнал, что они встретились вчера вечером в Комптоне, небольшом городке к югу отсюда.

— Это может быть простым совпадением.

— Слишком уж много совпадений. Давайте я лучше расскажу, как произошла эта встреча. Мэзон проводил вечер в кабаре. Их разделяло несколько столиков. Плэйтон первой заметила его и подошла. И, поверьте, он совсем не пришел от этого в восторг. Сказав несколько слов в раздраженном тоне, Мэзон встал и вышел из зала.

— А чем она занимается в этом заведении?

— Зарабатывает тем, что подсаживается к клиентам и заставляет их заказывать напитки. Вы скажете, что она просто хотела, чтобы ее угостили. Но я не могу этому поверить. Даже самая ничтожная женщина не станет иметь дела с человеком, который погубил ее любовника. По-моему, истина в том, что Анна Плэйтон и Арнольд Мэзон действовали заодно.

Грегори Пенсон замолчал, почувствовав страшную усталость. Все время в течение этого разговора он тщетно ждал, что инспектор хоть

как-то заинтересуется судьбой своего бывшего коллеги. Но лицо Дэвида было непроницаемо.

Наступила томительная пауза. Взгляд адвоката упал на отрывной календарь, стоящий на столе. И Пенсону вдруг показалось, что сквозь оставшиеся дни августа ясно просвечивает роковая дата — третье сентября.

— Скажите, метр Пенсон, — вдруг промолвил инспектор, — почему вы пришли именно ко мне?

«Почему? — подумал адвокат. — Очевидно, потому, что Адамс дал понять, что инспектор Дэвид — честный человек. А я верю, что честность — это активная добродетель, она не может оставаться пассивной, пока в мире творятся несправедливые вещи».

Однако вслух он сказал другое: — Я пришел к вам потому, что это следствие мне стоило уж очень дорого. Частное сыскное агентство обходится сорок долларов в день, и сюда не входят транспортные и другие расходы. Короче говоря, я остаюсь на мели.

— Я думал, метр Линдфорд помогает вам нести все расходы, — сказал инспектор.

Адвокат улыбнулся.

— Иза ничего не знает о моих трудностях. Уже то, что она, не считаясь со временем, занимается делом, которое ей ничего не приносит и в котором ее престиж известного адвоката понес урон, само по себе прекрасно. И потом ей и в голову не пришло бы, что расходы несет не Адамс, а кто-то другой. Но у Адамса денег меньше, чем было у меня в самые трудные времена. Как видите, торговля наркотиками не такое уж прибыльное дело, как говорят...

— Чего же вы от меня хотите? — спросил Дэвид.

— Я бы хотел, инспектор, чтобы вы помогли мне узнать, какую роль Арнольд Мэзон и Анна Плэйтон могли играть в убийстве Бернхайма.

— Вы отдаете себе отчет в том, чего вы от меня добиваетесь, метр Пенсон? Я же не могу по собственной инициативе начать расследование, которое начальство мне не поручало. Кроме того, вы же знаете, со вчерашнего вечера на меня навалилась эта история. Кстати, что вы думаете об отравлении в тюрьме? Вы, кажется, приходили к своему клиенту днем?

— Да, приблизительно в половине третьего. Я провел с Адамсом примерно с четверть часа. Ничего подозрительного не заметил. Помню только, что меня раздражало непрерывное движение людей по коридору.

— Непрерывное?

— Да. Адвокаты посещают своих клиентов между двенадцатью и пятнадцатью часами. В тот раз мы все пришли почти одновременно.

Пенсону вдруг показалось, что инспектор не слушает его.

— Мистер Дэвид, вы ничего не хотите мне сказать?

— Спасибо. У меня больше нет вопросов. — Инспектор коротко кивнул, давая понять, что Пенсон может быть свободен.

— Вы сделаете что-нибудь для Адамса? — спросил адвокат.

— Не знаю, — ответил Дэвид.

И чтобы показать, что разговор закончен, открыл папку, лежавшую перед ним.

Инспектор Дэвид встал из-за стола, подошел к окну. И снова перед ним всплыло изможденное лицо заключенного, уже смирившегося с близкой смертью.

— К черту! — Инспектор тряхнул головой, отгоняя навязчивый образ. Если так будет продолжаться, он забросит свою собственную работу и будет заниматься тем, что его не касается. У него были дела посерьезнее, чем эта история. А в деле, которое он рассматривает, Адамс один из подозреваемых, такой же, как и любой другой.

Инспектор Дэвид постарался переключить свои мысли на надзирателя. Во-первых, было ли убийство? Казалось, все говорило об этом. Но мало кто кончает счеты с жизнью на рабочем месте. Куда проще сделать это дома, лежа в постели, запершись в своей комнате.

Он сел за стол, вырвал из блокнота листок чистой бумаги. «Но если это не самоубийство, то кто мог совершить преступление?»

«Дуглас Вальтер Кристмас», — написал инспектор и тут же понял, что отнюдь не забота о соблюдении иерархического порядка заставила его первым в списке поставить фамилию директора. Он действительно не испытывал симпатии к этому человеку.

«Кому, как ни директору, проще всего достать в тюрьме цианистый калий. Впрочем, все это нелепо. Зачем человеку, занимающему такое положение, понадобилось отравить одного из своих служащих?»

И все-таки, если хорошенько поразмыслить, кто был заинтересован в смерти надзирателя? Это скоро станет известно, ведь жизнь бедного тюремного надзирателя будет вывернута наизнанку. И тайные симпатии, и скрытая вражда — все, что его окружало, станет явным.

«Бен Оберон, — написал инспектор Дэвид, — имел полную возможность положить яд в стакан, начиная с девяти часов утра до пяти часов вечера. Ему проще всех было совершить убийство. Вероятно, он также имел возможность похитить небольшое количество цианистого калия».

Инспектор заглянул в раскрытую папку.

«Дик Люрби», — записал он в блокнот. «Это тот тип, что принес журнал посещений. Так, дальше. Адамс упоминал об охраннике, сопровождающем заключенных на свидания. Как его фамилия? Что-то не нахожу. Нет, вот она. Интересно. Это все тот же Дик Люрби. Ладно. Значит, у него тоже было немало возможностей... Посмотрим дальше... Ах! Доктор Брайан и доктор Девон. Так! Эти двое тоже побывали в отделении. Что они там делали?»

Дэвид снова посмотрел в папку. «Медицинский осмотр Пикара, камера 3050. Пикар? Это, вероятно, тот парень, у которого бывают припадки». Инспектор включил в свой список фамилии обоих врачей, защитив их, однако, скобками.

«Не думаю, чтобы врачи, призванные лечить людей, стали травить их ядом».

Затем пошли адвокаты. Целая вереница адвокатов. «Ну что же, давайте знакомиться, дамы и господа! Так, уже известные Грегори Пенсон и Изабелла Линдфорд. Часы прихода: она — два двадцать пять, он — два тридцать. Метр Энтони Уоррик, адвокат Слима Эвера, потому что прошел в камеру 3046. Время прихода четырнадцать десять. Но он, очевидно, также и адвокат Пикара, поскольку эти двое осуждены за одно преступление...» Инспектор бросил взгляд на страницу в папке. «Во всяком случае, к Пикару он не заходил. Почему? Ага, понял. Он пришел в отделение в четырнадцать десять, а в это время Пикара осматривали врачи. Перевернем страницу. Я в восторге от встречи с вами, метр Эдвард Барук! Это вы без двадцати два принесли Эдуардо Рэйону свою моральную поддержку. Мэри О'Коннор. Еще одна женщина! Что вы делали в этой компании, мисс, без пятнадцати минут два? Так, пришли к Рамону Обайа. Но разве вы не знаете, что яд — это оружие женщины и что вас можно заподозрить в убийстве?»

Инспектор немного развеселился. Он внес в свой список имена восьми заключенных.

Впрочем, один из них не покидал камеры. «Посмотрим, у кого же из них не было посетителей в этот день? Так, это Слим Эвер. Вот ведь

прохвост, на этот раз тебе удастся выйти сухим из воды!»

Но тут перед инспектором Дэвидом вновь возникло изможденное лицо Эдварда Адамса. Его веселость мгновенно испарилась.

Резким движением он нажал на кнопку звонка.

Тотчас же дверь приоткрылась, и в ней показался секретарь.

— Сэм, — сказал инспектор, — возьмите этот журнал и выпишите имена тех, кто в течение месяца являлся в тюрьму на свидания с приговоренными к смерти.

— Слушаюсь, сэр.

— Ступайте, старина. И попросите зайти ко мне Брэдли, Честера и Барта.

Спустя несколько минут все трое вошли в кабинет Дэвида.

— Итак, Брэдли, что вам удалось узнать? — обратился инспектор к самому молодому из своих подчиненных.

Тот, немного смущаясь, откашлялся и, заглядывая в блокнот, стал докладывать:

— Вильям Ли вел спокойный образ жизни, шеф. Восемь лет назад он овдовел и все свое свободное время посвящал племяннице. Она сирота.

— Женщины? Личные неприятности?

— Непохоже. В своем квартале он был известен как человек веселого, доброго нрава. В последнее время выглядел особенно счастливым, радовался, что племянница выходит замуж. Он собирался поселить молодых у себя, в маленьком, но довольно просторном двухэтажном домике...

«Да, — подумал инспектор Дэвид — Адамс прав. На самоубийство это непохоже».

— А что удалось выяснить вам, Честер?

— Цианистый калий содержится в металлических коробках в сейфе директора тюрьмы, — ответил второй подчиненный. — Ключ у директора. Он открывает сейф в день приведения в исполнение приговора, и все предварительные процедуры происходят практически под его контролем. Директор утверждает, что цианистый калий, которым был отравлен Вильям Ли, не мог быть взят из резервов тюрьмы.

Инспектор Дэвид встал из-за стола.

— Слушайте меня внимательно, ребята. Сначала вы, Барт. Сэм сейчас занят составлением маленького списка. Речь идет о посетителях, подозреваемых в том, что они могли передать циан заключенным. Ваше задание — собрать сведения о каждом из них. Во-первых, могли ли эти лица каким-либо образом раздобыть яд. Во-вторых, все, что касается их жизни, родственные связи с заключенными.

— Ну, шеф, — задохнулся Барт, — вы дайте! Я до конца жизни не справлюсь с этой работой.

— Вы потратите на нее столько времени, сколько вам понадобится! Инспектор Дэвид задумчиво посмотрел на Честера и Брэдли.

— Вы займетесь Эдвардом Адамсом. Это подозреваемый номер один. Вчера к нему приходила некая Анна Плэйтон. Эта особа работает в ночном кабаре в Комптоне. Вы туда поедете, Брэдли. Покопайтесь в прошлом, настоящем и будущем этой девицы. Вы, Честер, займитесь парнем по имени Арнольд Мэзон. Это представитель фирмы, торгующей пылесосами и другими электроприборами. Сведения о нем возьмите из досье по делу Бернхайма. У меня есть основания полагать, что это дело как-то связано с тем, которым мы сейчас занимаемся. Ваша задача состоит главным образом в том, чтобы определить роль, которую Арнольд Мэзон играл в деле Бернхайма. Я хочу знать, точны ли его свидетельские показания. Меня интересует вообще все, что его касается.

Инспектор Дэвид встал, взял с вешалки шляпу и направился к выходу.

Едва за ним закрылась дверь, как трое оставшихся разразились возмущенными возгласами:

— Да он просто спятил!

— Снова поднимать дело, которое уже давным-давно закрыли!

— Нет, честное слово, он смеется над нами! Посмотрите, ребята. Вот журнал, в котором записаны посетители тюрьмы. Никакая Анна Плэйтон и не думала приходить вчера к Адамсу!

Стук шагов по плитам коридора отозвался в голове ударами молота. Эдвард Адамс попробовал поднять голову и почувствовал страшное головокружение.

— Эй, приятель! Ты заболел? Что с тобой? — в голосе Рэйона звучало беспокойство. Адамс понял, что уже какое-то время стонал в забытьи, и устыдился своей слабости. Отрешенно он слышал, что его сосед зовет надзирателя, и через несколько минут увидел перед собой чье-то лицо. Все это было похоже на обрывки какого-то кошмара.

— Вы больны? Вам плохо?

Свет электрической лампочки казался ослепительным. Как будто из другого мира доносился хриплый голос Вэнса:

«Бедный негр скоро умрет...»

Адамс опустил босые ноги на пол. Решетчатая дверь камеры отворилась, вошел кто-то незнакомый и, поддерживая Адамса, повел его по коридору.

Проходя мимо камеры Вэнса, Адамс услышал, как тот устало пробормотал:

— Боже, боже милосердный, как ты обращаешься с нами?

Его вели бесконечными коридорами. В воздухе висела густая вонь. Но, как ни странно, Адамс чувствовал, что боль проходит. Насмешки заключенных, доносившиеся из камер, мимо которых он проходил, совсем привели его в сознание.

Сопровождающий Адамса охранник открыл какую-то дверь, и заключенный почувствовал запах эфира.

— Ну, — спросил доктор Брайан, — что случилось?

— Не знаю, — ответил Адамс.

Кроме Брайана, в комнате сидел доктор Артур Девон, психиатр, лечивший Пикара. Доктор Брайан уложил Адамса на диван, ощупал живот.

— Здесь больно? — спросил он.

— Нет.

— А здесь?

— Нет, — сказал Адамс, улыбаясь. — У меня ничего не болит. — Это нервы, — произнес Брайан. — Сейчас мы вас подлечим.

Он отвернул рукав рубашки Адамса. Тот даже не почувствовал укола шприца.

— А теперь отдохните, — сказал Брайан. — Оставляю вас на доктора Девона.

Адамс встретился взглядом с психиатром. Доктор Девон снял очки и улыбнулся.

— Вам уже лучше?

Адамс подождал, пока закроется дверь за Брайаном.

— Я вот что хочу спросить, доктор Девон. Что вам сказал Вильям Ли в тот день?

Девон смотрел на него округлившимися от удивления глазами.

— В ту ночь, — настаивал Адамс, — когда вас вызвали к Пикару.

— А почему вас это интересует? — удивленно спросил доктор Девон.

— По правде говоря, я и сам не понимаю. Наверное, просто потому, что испытывал уважение к бедному старику. Мне очень жаль, что его убили. Может быть, вы мне все-таки скажете, что он...

— Ничего важного, — перебил его психиатр. — Если вам лучше, можете вернуться в свою камеру.

Когда Адамс вышел, доктор Девон постоял некоторое время в задумчивости.

«Черт возьми, — сказал он. — Я же совсем об этом забыл!»

С озабоченным видом, нахмутив брови, он подошел к телефону и быстро набрал номер. Через несколько мгновений ему ответил инспектор Дэвид.

— Мне нужно вас увидеть, инспектор... Да... Это говорит доктор Девон. Кажется, у меня есть для вас важное сообщение.

Продолжение следует

Сокращенный перевод с французского Г. ТРОФИМЕНКО

РОБЕРТ ЧЕШАЙР,
английский журналист

У ЗЕМЛЯКОВ ПРЕЗИДЕНТА

на Мейн-стрит и в не менее красочных и весьма пространных пояснениях гидов нет и намека на то, что Плейнс — это также родной город Льюиса и Магнолии Браун, Дейви Ханта, Мейми Томас, Оуламы Уайт, семейства Ластиров. Ведь они — люди лачуг, для которых Американ-

На узенькой Мейн-стрит — Главной улице, в нескольких шагах от «склада Картера», над Музеем арахиса высится огромный красно-бело-голубой щит; на нем гигантскими буквами написано: «Плейнс, Джорджия. Родина Нашего Президента». Под теплыми лучами солнца течет поток междугородных автобусов, легковых автомобилей и пузатых конных фургонов, доставляющих сюда толпы туристов. Обзаведясь сувенирными пепельницами и майками, плакатами и банками пива «Билли» (по имени младшего брата президента), они платят по два с половиной доллара и садятся в «Арахисовый экспресс» Билли Картера. Этот игрушечный вагончик с паровозиком везет экскурсантов по ставшим теперь историческими местам родного города президента.

Город Плейнс с населением в 682 человека, расположенный в 150 милях от Атланты, на самом что ни есть типичном Юге, стал своего рода национальным символом. Ибо, если уж Джимми Картер, выходец из затерянного в глуши, неизвестного городишка, сумел добиться столь многого, значит Американская Мечта о том, что любой человек своими собственными силами может достигнуть всего, чего захочет, еще жива.

Но на красочном рекламном щите

ская Мечта столь же недостижима, как планета Марс.

Их жилища, зачастую стоящие просто на четырех камнях вместо фундамента, трудно назвать домами. Кажется, стоит сильнее навалиться плечом, и они рухнут. Порядочный фермер не стал бы держать в таких строениях и скотину. Летом в них стоит невыносимая жара и дышать буквально нечем; зато зимой, хотя она в Джорджии довольно мягкая, — страшный холод. Чтобы как-нибудь защититься от сквозняков, приходится утеплять ветхие деревянные стены листами картона, а окна затягивать полиэтиленовой пленкой или заклеивать старыми газетами. Те, кому посчастливилось достать толь, обивают им снаружи дом и разрисовывают под кирпич. Однако старые, проржавевшие крыши из рифленого железа сводят на нет все попытки придать жалким жилищам видимость приличия.

Когда видишь эти дома впервые, не сразу веришь своим глазам, настолько не вяжутся они с окружающей местностью: тщательно возделанные поля жирного краснозема; темно-зеленые леса; заросли дикой жимолости и ухоженные сады с рядами раскидистых ореховых деревьев пека; звенящий от пения птиц прозрачный воздух. С первого взгляда даже не скажешь, что в древних домишках-развалюхах кто-то может жить.

Между тем всего в пяти милях от центра Плейнса — недавно, чтобы справиться с наплывом туристов, там были установлены светофоры — в почерневшей от времени деревянной хибарке без окон доживает свои дни в компании дряхлой собачонки Пэтси Меррит. Один из столбов, поддерживающих навес над крыльцом, рухнул и превратился в труху. Рядом с печной трубой в стене большая дыра, кое-как заделанная обрезками жести. На закопченной плите греется вода — за ней сгорбленной старушке приходится ходить через улицу к колонке. Из-за больных суставов миссис Меррит двигается с трудом. В доме нет электричества, и, если бы не яркие этикетки на пустых бутылках и консервных банках, он ничем бы не отличался от лачуг рабов на Юге в прошлом веке.

Пэтси Меррит неграмотна и не знает, ни сколько ей лет, ни как давно она живет в этом доме-развалюхе. Еще четырнадцатилетней девочкой она убежала от злой мачехи и всю жизнь работала служанкой в семье Хагерсонов. Их аккуратный и вполне современный дом стоит почти напротив, отделенный от улицы широким газоном. На подъездной асфальтированной дорожке сверкают лаком автомашины последних марок, в саду около дома — ажурные детские качели.

Пока я разговаривал с миссис Мер-

рит, из особняка напротив вышла молодая служанка-негрятка и, скользнув безразличным взглядом по старушке, направилась к почтовому ящику у края газона. Ей, видимо, и в голову не приходило, насколько символична вся эта картина: жалкая лачуга на пустыре у обочины и механизированная ферма за домом Хагерсонов, во дворе которой выстроились новенькие тракторы и грузовики и блестят свежей краской в лучах солнца силосные башни.

Сама Пэтси Меррит — она говорит с непривычным для моего английского уха сильным южным акцентом — смотрит на вещи, если, конечно, так можно выразиться, философски и только жалуется, что «зимой в доме ужас как холодно». Она надеется, что мистер Хагерсон, которого старушка нянчила еще младенцем («Я очень любила хагерсоновских малышек», — поясняет миссис Меррит), подремонтирует ее «домишко», когда будет свободное время. «Белые всегда хорошо ко мне относились», — словно убеждая себя, добавляет она.

Ближайшие соседи Пэтси Меррит живут в такой же ветхой лачуге, только покрашенной красной краской. У них, правда, есть «водопровод»: выстроенная под скатом крыши целая батарея больших жестянок, в которые стекает дождевая вода.

Удивляться всему этому особенно нечего. На родину президента Картера десегрегация пробилась довольно поздно, да и то с большими трудностями. Условия жизни негритянского населения долго оставались такими же, как в прошлом веке, а если что-то и менялось, то до смешного медленно. Целых двадцать лет здесь раздавались угрозы в адрес тех, кто старался помочь неграм. Их подвергали бойкоту местные торговцы, перед ними закрылись двери «белых» церквей, в них нередко стреляли. А негров, что посмели воспользоваться предлагаемой помощью, травили как «черномазых наглецов».

Ку-клукс-клан по-прежнему процветает на Юге, и всего каких-нибудь два года назад он устраивал митинги и в Плейнсе. Большинство белых жителей города просто-напросто не хотят знать негров. Церковь, прихожанином которой был Джимми Картер, и сейчас открыта только для белых. Когда же местный суд через четырнадцать лет после того, как конгресс объявил вне закона раздельное обучение, добился десегрегации средней школы, в которой в свое время учился президент, — почти все белые родители перевели своих детей в частные школы.

Негру, сумевшему, несмотря на всяческие препятствия, получить мало-мальски сносное образование, приходится уезжать из Южной Джорджии в Атланту, на Север или в Майами, где людей с черной кожей,

добившихся относительного успеха, хотя бы терпят. Известный писатель Джеймс Болдуин, прекрасно передавший в своих романах, что значит быть черным в американском обществе, сказал недавно: «Внешне многое изменилось в Атланте, но в Джорджии все осталось по-старому. А может быть, стало еще хуже». Возможно, Болдуин имел в виду графство Самтер, где и расположен Плейнс. Дело в том, что, хотя старики доживают свой век, не слишком сетуя на судьбу, их внуки, получив какое-никакое образование, не хотят мириться с существующим положением вещей.

Три семьи, насчитывающие четырнадцать человек, живут в доме Мейми Томас; эту лачугу, разбитую перегородками на три конуры, она арендует за восемь долларов в месяц у «леди из белого дома» — великолепного особняка, окруженного тенистыми деревьями, привольно стоящего среди окрестных полей. Среди жильцов Мейми Томас нет ни одного взрослого мужчины, который бы содержал семью. Так было еще во времена рабства, когда мужа и жену нередко продавали разным хозяевам. Сейчас этому, как ни парадоксально, способствует социальное законодательство США: если женщина одна растит детей, ей полагается пособие; если муж, хотя и не имеющий работы, живет с семьей, она не получает ничего. Поэтому все тяготы и ответственность ложатся на плечи женщин.

Когдаходишь в дом Мейми Томас, кажется, что попал в казарму: столько здесь двухъярусных коек. Впрочем, такая же картина в большинстве других жилищ бедняков Плейнса. Иначе их обитателям просто не разместиться в этих конурах.

Время приближается к полудню, и в доме из его многочисленного населения остались лишь двое спящих младенцев да одна из матерей, присматривающая за ними. Она сидит на шатком стуле и безучастно смотрит на маленький экран черно-белого телевизора, на котором изображение то и дело уплывает за рамку кадра. Передают очередную «мыльную оперу» о том, как прекрасно живет белым в их уютных загородных домах, снабженных кондиционерами. У Мейми Томас вольготно чувствуют себя лишь мухи да москиты, набившиеся в комнаты сквозь дырявые сетки на окнах.

На улице останавливается желтый школьный автобус, и по дорожке, ведущей к дому через усеянный ржавыми останками автомобилями и всевозможным хламом пустырь, с криками и смехом мчится полдюжины ребят с тетрадами в руках. Одежды они почти так же, как их городские сверстники на Севере. Эти ребята еще слишком малы, чтобы питать какие-либо честолюбивые мечты, но

можно не сомневаться, что, когда придет время, они не удовлетворятся жалким делом обитателей трущоб.

Плейнс — это микроскоп разительных контрастов между нищетой черных и богатством белых. «Если вы родились негром, девяносто шансов из ста, что будете бедняком, — говорит один из белых городских старожилов. — Если вы белый, девяносто шансов за то, что преуспеете в жизни». Наглядной иллюстрацией его слов может служить Хадсон-стрит, проходящая посередине города. Там, где она пересекает железную дорогу, стоит здание старого вокзальчика. Во время предвыборной кампании в нем размещалась штаб-квартира Картера. Теперь там, как и следовало ожидать, магазин сувениров.

Мимо нового банка, на котором красуется реклама, воспринимаемая как издевка: «Если вам нужна ссуда на хороший, современный дом, взгляните к нам», южный отрезок Хадсон-стрит пролегает по району сплошных негритянских трущоб. Дома здесь отличаются друг от друга лишь степенью дряхлости. На крыльце одного сидит старая негритянка, обутая в стоптанные хлорвиниловые башмаки без шнурков. Это Магнолия Браун. Вместе с сестрой она готовит на обед салат: аккуратно срезает листья с репы, которую выращивает с мужем, согорбленным, изможденным стариком, в крошечном палисаднике. Раньше миссис Браун работала на Джимми Картера — сортировала арахис, но годы берут свое. «Он никогда не делал мне ничего плохого», — говорит она о президенте. Магнолия Браун даже голосовала за него — вещь весьма редкая среди негров, которые из-за апатии, безысходности и отчаяния давно уже оказались за бортом «демократической» системы.

Миссис Браун прожила в своем доме пятьдесят лет, но про него не скажешь, что это тихая обитель счастливой старости. Битумная кры-

ша в проплешинах, в комнате сиротливо свисает с закопченного потолка голая лампочка. На стенах пожелтевшие картинки парижских мод прошлого века и фотографии белых девочек из тех семей, в которых служила Магнолия.

Напротив ее дома стоит изрядно обветшавшая одноэтажная церквушка, похожая на барак. У входа — щит, на котором большими буквами написано: «Храм Господа Бога. Здесь пребывает наш Вечно Живой Создатель, опора и воплощение Правды без...» На этом надписи обрывается.

Вторая половина Хадсон-стрит, идущая от вокзала на север, упирается в окруженное тенистыми деревьями, внушительное здание баптистской церкви для белых с новенькой пристройкой. Кроме этих двух храмов божьих, двоюродный брат президента Хью Картер, сенатор от штата Джорджия, открыл в Плейнсе еще одну десегрегированную церковь. Когда на рождество Джимми Картер приехал в город, то принял своего рода соломоново решение: посетил и ее, и баптистскую церковь для белых.

Контраст между двумя концами одной и той же улицы поистине разителен. Именно этот контраст и лежит в основе презрения, которое испытывают по отношению ко многим белым гражданам Америки, считающим себя добрыми христианами, люди, подобные мистеру Милльярду Фуллеру. Он — юрист, отказавшийся от блестящей карьеры, чтобы содействовать улучшению условий жизни бедняков. Его адвокатская фирма ведет исключительно дела неимущих американцев, а сам он входит в правление организации «Новая родина для человечества», которая занимается строительством деревень в странах Африки и Латинской Америки. Однако в самих Соединенных Штатах, в 400 ярдах от офиса Фуллера в городе Америкесе (население 18 тысяч человек), находятся и самые отвратительные во всей стране

трущобы, и великолепные белоснежные особняки с колоннадами, выстроенные в традиционном колониальном южном стиле.

«Большинство моих белых сограждан-христиан толкуют евангелие так, как это им удобно: если человек беден, значит, он не трудился достаточно усердно и сам виноват в том, что ему плохо живется, — говорит Фуллер. — Кое-кто из белых начинает проявлять озабоченность существующим положением вещей, но никому и в голову не придет взять деньги из банка и помочь неимущим».

Мистер Фуллер приводит президента Джимми Картера в качестве «классического примера» типичного для белых отношения к ближнему, когда человек на словах выражает озабоченность, но сам пальцем о палец не ударит, чтобы улучшить положение вещей. «Он летает о прваха человека в России, но отнюдь не о благе тех, кто работает на его ферме». Фуллер с горечью рассказывает о том, как несколько лет назад Картер выселил негритянскую семью из лачуги, стоявшей на его земле, даже не подумав подыскать им какое-нибудь жилье.

Нет сомнения, что все больше белых начинают стыдиться потрясающей нищеты, которую стараются упрятать подальше от посторонних глаз в их «процветающем» обществе. Например, в том же Америкесе намереваются расчистить ужасные трущобы, куда никто, кроме их обитателей, не решается заглянуть даже среди бела дня. «Но где были власти целых сто лет, что существуют эти трущобы?» — справедливо возмущается один из старожилов. Да и многое ли можно сделать, если муниципалитет не собирается выделять ни гроша на жилье для бедняков? Поэтому невольно вспоминаешь слова Джеймса Болдуина: «Внешне многое изменилось в Атлантае, но в Джорджии все осталось по-старому. А может быть, стало еще хуже».

Перевел с английского С. БАРСОВ

ЗЕМЛЯ... РАСКРУЧИВАЕТСЯ

Зимы все чаще бывают более суровыми, чем раньше, засухи — продолжительнее, землетрясения — интенсивнее, морские течения меняют направления... Почему это происходит? Может, человек просто-напросто стал внимательнее и придирчивее к стихийным бедствиям, лучше поставил службу наблюдения, и особых изменений в климате не происходит? Нет, заявляет шведский климатолог доктор Карл Лундквист, учащение стихийных бедствий не случайно, и это можно объяснить тем, что Земля стала... быстрее вращаться вокруг своей оси. К такому выводу климатолог пришел, тщательно изучив множество фотографий, сделанных

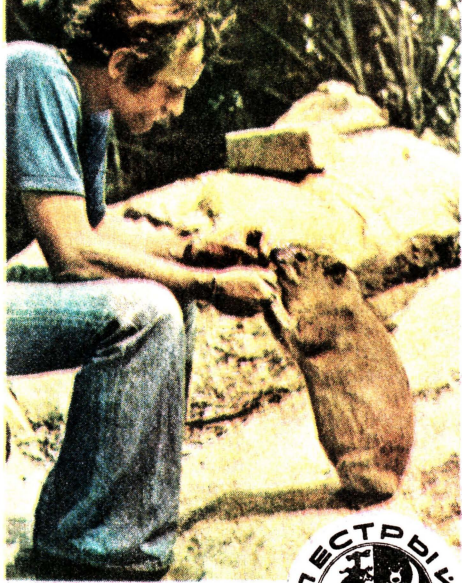
со спутников. Более того, томные взвешивания тел, произведенные на экваторе, наталкивают на то же предположение. Например, тонна камня весит там на 0,4 грамма меньше, чем прежде. Естественно, замедлить вращение собственной планеты человек пока не в силах, а поэтому в будущем, по мнению Лундквиста, можно ожидать новых разрушительных и суровых бедствий. Прав он или нет, покажет время.

ЭЛЕКТРОННЫЙ СТРАЖ

Несмотря на все усилия, ученым не удалось разработать надежных мер для защиты полей от внезапных и опустошительных нашествий саранчи. Главная трудность за-

ключается в том, что эти прожорливые вредители перелетают с места на место в ночное время, и установить, куда они направляются, весьма трудно. Новым эффективным оружием в борьбе с саранчой должен стать специальный радиолокатор, созданный в Лондонском научно-исследовательском центре. Он настолько чувствителен, что позволяет видеть на экране даже отдельное насекомое на расстоянии до полутора миль. Такие радары, установленные на границах постоянного обитания саранчи, смогут вовремя обнаружить появление опасных скоплений насекомых и уничтожить их до того, как они поднялись в воздух.

ЗАГАДКИ ПРОЕКТЫ ОТКРЫТИЯ

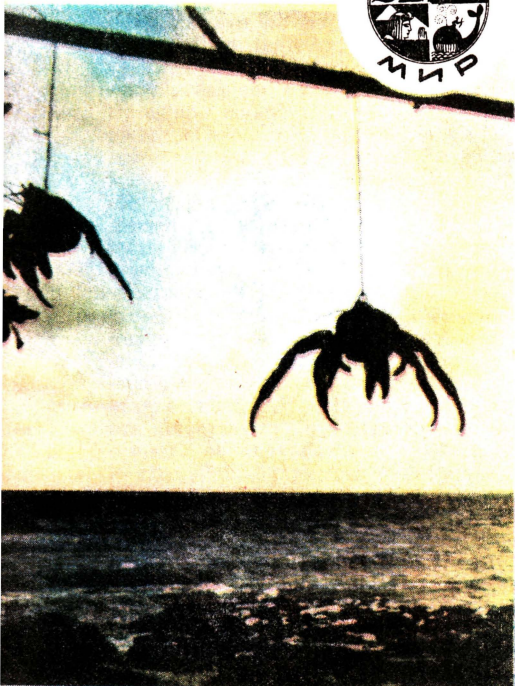

ОЧЕНЬ НЕПОХОЖИЕ РОДСТВЕННИКИ

Это животное — размером с кролика. Если присмотреться к его внешнему виду и обратить внимание на зубы, то можно предположить, что оно относится к грызунам. Однако это не так. Даманы, обитающие в Передней Азии, Средней и Южной Африке, — родственники... слонов. Да, да, именно слонов! Хотя ни величиной; ни повадками они ничуть не похожи на гигантских хоботных. И бивней тоже не наблюдается. Помимо классификационного родства, слонов и даманов объединяет следующее обстоятельство: и те и другие взяты под охрану. Численность даманов в Африке сокращается, поэтому сотрудники исследовательской станции в национальном парке Серенгети (Танзания) ведут тщательный учет животных, создают им подходящие условия обитания. Пусть даманы крохотные и малоизвестные слоники, но Земля не должна терять ни одного вида, семейства, отряда своих обитателей.

МИР В КРАБЬЕМ ХОЗЯЙСТВЕ

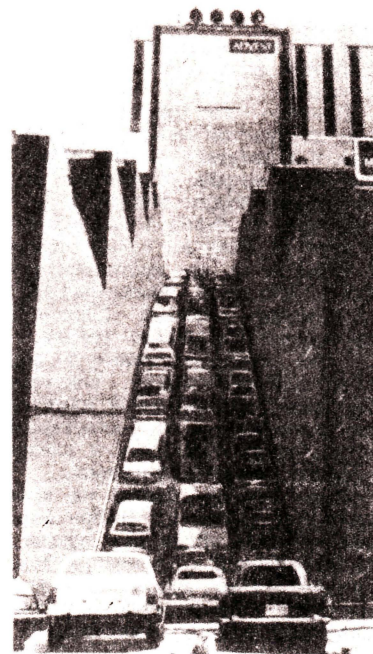
Повля кокосовых крабов на островах Тихого океана не проблема. Во-первых, крабы эти сухопутные, во-вторых, есть масса способов охоты на них, известных с незапамятных времен. Сложность в другом — как содержать отловленных ракообразных? Кокосовые крабы славятся холерическим темпераментом. Помести их в общий загон или клетку — тут же начнут драться, откусывать друг другу ноги и клешни. А ведь крабов надо еще доставить на рынок, обеспечить им «товарный вид». Островитяне поступают просто: подвешивают крабов на рассвете к шестам, а потом ждут, когда прибудет лодка, которая сможет доставить ловцов на ближайший рынок. Задача решена: и крабы спокойны, и их добыча в целости и сохранности.

ГДЕ ЗАРЫТА СОБАКА...

Это открытие уже было сделано в 1729 году, когда управляющий именем Литтлкот, что в графстве Уилтшир в Центральной Англии, обнаружил при ремонте римские мозаики на полу огромного зала. Тогда же управляющий скопировал сюжеты мозаик, а его супруга вышила по зарисовкам настенные панно. И вот уже 250 лет они украшают стены открытого для туристов имения времен Тюдоров. В залах замка нашлось место и для огромного количества оружия, доспехов, регалий. Подобных имений на Британских островах пока хватает. Но вот римские виллы с мозаиками наперечет. По мнению археологов, мозаики украшали летнюю столовую-террасу. Они назвали ее Залом Орфея. Но что именно изображала мозаика — теперь уже беспорядочная россыпь цветных камешков?

Сейчас на полу террасы возникает под терпеливыми пальцами реставраторов фигура-силуэт веселого прыгающего пса. Но почему пса? Ведь на вышивках дамы из XVIII века ни одной собаки нет. И все же археолог Брюн Уолтерс настаивает на том, что мозаика изображала именно пса. Другое предположение, что рассыпанные камешки изображали огнедышащего грифона — птицевеера, тоже кажется археологам интересным. В этом случае панно на полу террасы давало бы представление о том, каким видели мир язычники древнего Уилтшира. А сейчас на полу террасы под умелыми пальцами реставраторов возникает веселый прыгающий пес. Такой же, какой прыгал здесь полторы тысячи лет назад...

ВЕЧНАЯ «ПРОБКА»

Столпотворение... Хвост машин, стоящих в три ряда, упирается в глухую стену: не развернуться и не выехать. Впрочем, это не реальный факт, а всего лишь предупреждение. Автомобили на первом плане вполне натуральные, а остальные... нарисованы на стене универсама в городе Торонто. Художник, избравший в качестве «холста» высоченный брандмауер, с максимальной убедительностью обрисовал мрачные перспективы, стоящие перед американскими городами, которые испытывают самое настоящее автомобильное «перенаселение».

ХОРОШО КЛЮЕТ НА МАРСЕ!

Оказывается, даже в наш искушенный век ловить на удочку простаков весьма просто. Причем слова «на удочку» следует понимать буквально. Речь идет о нью-йоркской фирме «Объединенные Планеты». Комиссионная Продажа, которая занимается тем, что продает права на рыбную ловлю на Венере и Марсе. Участок берега марсианского или венерианского «ручья» длиной 50 метров стоит около десяти долларов. Другое дело, что ручьев на упомянутых планетах днем с огнем не сыщешь, но это фирму не смущает. «Дела у нас идут неплохо, — заявил в интервью представитель «Объединенных Планет». — Мы совершаем до 70 сделок в день».

Австралийские орнитологи с удивлением обнаружили, что пеликаны, обычно не совершающие больших перелетов, неожиданно отправились в дальние путешествия. Их стаи мигрировали из северо-восточных областей континента на острова Индонезии, а позднее эти крупные птицы проникли и на острова Микронезии.

Исследования показали, что поводом для миграции птиц стали климатические изменения в самой Австралии. В 1974 году в пустыне Симпсон прошел небывало обильные дожди. Вода наполнила обычно сухие русла рек, а в озере Эйр поднялась до самого высокого уровня за все время наблюдений. Это привело к чрезмерному размножению пелликанов. Когда климат центра Австралии пришел в норму, с перенаселенных территорий начался отлет части птиц, устремившихся на поиски более сносных условий существования.

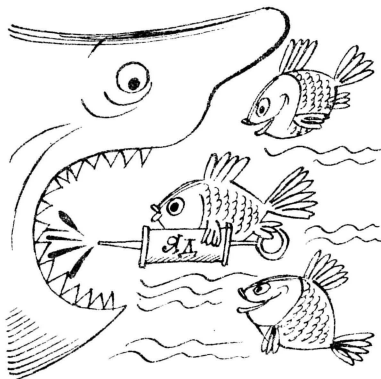

МЫШЬ СПАСАЮТ САМОЛЕТЫ

Воздушный терроризм — одна из самых острых и больших проблем на зарубежных авиатрассах. Не зря таможенники разных стран мира прибегают к всевозможным ухищрениям, чтобы разоружить злоумышленников до того, как они попадут в самолет. В ход идут и рентгеновские установки, и газоанализаторы, прибегают и к помощи специально обученных собак-ищейек. Но вот к какому любопытному выводу пришли специалисты из службы безопасности американских аэропортов. Оказывается, лучшие «детекторы» взрывчатых веществ не приборы, не ищейки, а... крохотные белоногие мыши. Стоит зверькам почувствовать в воздухе хоть малейшее присутствие запаха взрывчатки, как они тут же начинают лихорадочно метаться по клетке. Причем — и этот феномен еще предстоит объяснить — никакие иные вещества не действуют на белоногих мышей столь раздражающе.

НЕ СОСЧИТАТЬ...

Сколько насекомых обитает на нашей Земле? Очевидно, дать точный ответ на этот вопрос весьма затруднительно. Мало того, что большая часть насекомых — крохотные существа и всех не утнешь, даже если обратиться за помощью к ЭВМ. Но ведь есть насекомые-«долгожители» и есть однодневки, а в тех и других — мириады. Тем не менее определить количество насекомых можно — только не абсолютное, а относительное. Этим подсчетом занялись английские ученые, и вот что у них получилось. Оказывается, на каждой квадратной миле земной поверхности обитает в среднем 21 миллиард 760 миллионов насекомых, плюс еще в воздухе — 25 миллионов, плюс в почве — 2 миллиона 225 тысяч. Многовато, не правда ли? А если умножить общее количество на площадь земной суши в квадратных милях? Да определять число водных насекомых? Астрономическая получается цифра!..

НУ, АКУЛА, ПОГОДИ!

В Красном море плавает небольшая рыбка, называемая «ступней Моисея». Эта плоская рыбка примечательна тем, что ей не страшны хищные акулы, которыми кишат здешние воды. Защищают ее не колючие шипы и не прочный панцирь: едва рыбка оказывается в акульей пасти, как тут же выпускает яд, который моментально парализует челюсти хищницы — причем так, что та уже никак не может пасть захлопнуть. Удивительная «ступня» всерьез заинтересовала биологов. Яд, по мнению ученых, практически не токсичен для человека. В настоящее время специалисты исследуют его химический состав. Если удастся приготовить этот яд искусственным путем, то люди получат новое эффективное средство для борьбы с кровожадными обитателями морей.

ГИГАНТ ИЗ ГИГАНТОВ

Какое из существ, когда-либо бродивших по нашей Земле, можно назвать самым-самым большим? Теперь на этот вопрос дан определенный ответ. Кости такого существа нашли американские палеонтологи в штате Колорадо. Это брахиозавр. Гигант был безобидным вегетарианцем, но размеры его, должно быть, приводили всех окружающих динозавров в трепет. «В холке» он достигал почти 20 метров, а весом был 80 тонн! Может, и существовали сухопутные животные крупнее его, но следов их пока не найдено.

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

«ВОКРУГ СВЕТА»
50 лет НАЗАД

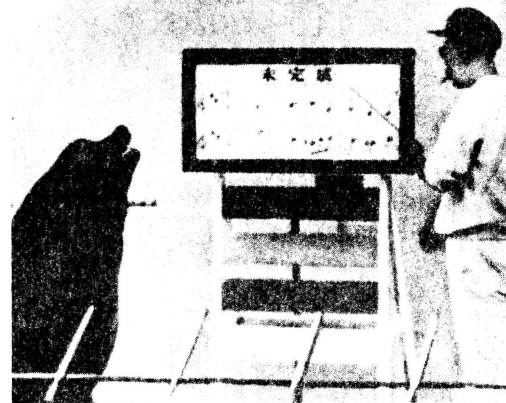
КРАЙ ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ ДОРОГ

Начиная с осени 1929 года во французской колонии Индокитай усилилась революционная борьба. Колониальные власти увеличили гарнизоны, двинули большие отряды войск в глубь страны против восставших аннамитов¹. Воздушной бомбардировкой снесены до основания десятки деревень.

Колониальные суды работают беспрерывно. У них два приговора — смерть или долготелетняя каторга. Арестованных так много, что тюрьмы не вмещают их. Пришлось спешно восстановить старую, заброшенную тюрьму Ко-Лон. Эта тюрьма лежит в

¹ Аннамиты — устаревшее название вьетнамцев (Примеч. ред.).

В западногерманском селе Ботфельде, расположенном неподалеку от Ганновера, есть уникальная церковь. В прошлые времена в этих краях часто сталкивались разные армии, войска бились насмерть и не одна церковная постройка (не говоря уже о жилых домах) была разрушена. Тогда строители пошли на необычный эксперимент. Чтобы новый храм стоял в веках, они отлили металлические блоки — размером с классические каменные — и построили из них церковь и башню. Железный храм устоял не только перед военными набегами, но и перед временем — до сих пор не понадобилось сколько-нибудь значительного ремонта. Специалисты подсчитали, что уникальное здание весит 2 тысячи тонн.

ЛЕВ ПО КЛИЧКЕ СИРЕНА

В японском городе Тоба, расположенном на полуострове Сима (остров Хонсю), есть большой дельфинарий. Здешние обитатели — умные и проворные животные — всегда радуют посетителей эффектными каскадами виртуозных прыжков, различными спортивными номерами цирковой программы. Но особой популярностью пользуется музыкальный номер, исполняемый и не дельфином вовсе, а морским львом, который «поет» и даже отбивает такт ластами.

Обычно «арии» морских львов гением не назовешь, скорее это злобный хриплый рев, а вот голос льва в дельфинарии города Тоба воспринимается слушателями как довольно нежный и мягкий.

глухой части страны, которую аннамиты называют «краем противоположных дорог». Смысл названия в том, что в этих местах нет верных дорог и куда они ведут, никому не известно. Район, где стоит тюрьма Ко-Лон, почти необитаем. Бежать оттуда невозможно.

В эту тюрьму ежедневно отправляют партии арестованных. Не все, далеко не все добираются до «края противоположных дорог». Многие умирают по дороге, остальные — в тюрьме. Режим рассчитан на то, чтобы медленно убить осужденного. Днем — работа по взрыву скал, ночью — сырые казематы и кандалы.

Французское правительство старательно умалчивает о числе аннамитов, сосланных в тюрьму Ко-Лон. Об этом можно судить по судебным процессам повстанцев. После каждого процесса в «край противоположных дорог» отправляются десятки революционеров. «Население» тюрьмы Ко-Лон уже достигло нескольких тысяч.

КОЛУМБ БЫЛ ОСТОЛОПОМ

В прохладные сумерки бара вошел новый посетитель, и сидящий у столика в углу жизнерадостный толстяк завопил, перекрывая голосом шум кондиционера:

— Эй, Фрэд! Фрэд Нолан! Идите к нам! Познакомьтесь с профессором Эпплби — главным инженером звездолета «Пегас». Я только что продал профессору партию стали для его корабчки, давайте по этому поводу выпьем.

— С удовольствием, мистер Барнс, — согласился Нолан. — А с профессором мы знакомы, моя компания поставляет ему приборы.

— Ну тогда тем более необходимо выпить. Что вам, Фрэд? «Старомодный»? И вам, профессор?

— И мне. Только не зовите меня профессором, пожалуйста. Во-первых, я не профессор, во-вторых, чувствую себя стариком, когда вы меня так называете.

— Хорошо, дон! Эй, Пит, два «старомодных» и один двойной «манхэттен»! А я-то и впрямь раньше представлял вас старцем с длинной седой бородой. Но вот теперь, познакомившись с вами, все никак не могу понять...

— Что именно?

— Зачем вам, в ваши-то годы, хорошо себя в такой глуши...

— «Пегас» ведь в Нью-Йорке не построили, — заметил Эпплби, — да и стартовать отсюда удобнее.

— Оно, конечно, но я о другом. Я вот о чем... Вам нужны специальные сплавы для звездолета. Пожалуйста, я продам. Но скажите мне, на кой вам все это сдалось? Что вас тянет на эту Проксимус Центавра?

— Ну, этого не объяснишь, — улынулся Эпплби. — Что тянет людей взбираться на Эверест? Что тянуло Пири на Северный полюс? Почему Колумб уговорил королеву заложить ее бриллианты?

— Бармен принес поднос с напитками.

— Послушай, Пит, — обратился Барнс к нему. — Ты бы согласился лететь на «Пегасе»?

— Нет. Мне здесь нравится.

— В одном живет дух Колумба, в других он умер, — отметил Эпплби.

— Колумб рассчитывал вернуться обратно, — стоял на своем Барнс. — А вы? Вы же сами говорили, что лететь не меньше шестидесяти лет. Вы же не долетите!

— Мы — нет, наши дети — да. А обратно вернуться наши внуки.

— Но... Вы что, женаты?

— Разумеется. Экипаж подбирается только семьями. Весь проект рассчитан на два-три поколения. — Инженер вынул из кармана бумажник. — Вот, пожалуйста, миссис Эпплби и Диана. Ей три с половиной года.

— Хорошенькая девочка, — взглянул на фотографию Барнс. — И что же с ней будет?

— Как что? Полетит с нами, разу-

меется. — Допив коктейль, Эпплби встал. — Пора домой.

— Теперь моя очередь угощать, — сказал Нолан после его ухода. — Вам то же самое?

— Ага. — Барнс поднялся из-за стола. — Пошли за стойку, Фрэд, там пить удобнее, а мне сейчас надо не меньше шести бокалов.

— Пошли. А с чего это вы так велись?

— То есть как «с чего»? Разве вы не видели фото?

— Ну и что?

— Что! Я торговец, Фрэд, продаю сталь, и мне плевать, на что ее употребит заказчик. Я готов продать веревку человеку, который собирается его удавить. Но я люблю детей. А тут эта малышка, которую родители берут в сумасшедшую экспедицию... Да ведь они обречены на гибель! Они не долетят!

— Может, и долетят.

— Все равно это безумие. Давайте скорее, Пит, и налейте себе тоже. Вот Пит, он у нас человек мудрый! Он-то ни в какие звездные авантюры не пустится. Подумаешь, тоже! Колумб! Да дурак он был, Колумб! Остолоп! Сидел бы себе дома и не рыпался!

— Вы неверно меня поняли, мистер Барнс, — покачал головой бармен. — Ведь если бы не такие люди, как Колумб, нас бы сегодня не было здесь, верно? Просто по характеру я не путешественник. Но путешественников уважаю. И ничего не имею против «Пегаса». А дети были и на борту «Мэйфлауэра».

— Это совсем не одно и то же, — возразил Барнс. — Если бы господе предназначал человека для полетов и звезд, он создал бы нас с ракетными двигателями.

— Мой старик, помнится, считал необходимым ввести закон против летательных аппаратов, потому что людям от природы не дано летать. Он был не прав. Людям всегда хочется попробовать что-нибудь новое, отсюда и прогресс.

— Вот уж не думал, что вы помните время, когда люди еще не летали, — сказал Нолан.

— О, что вы, я уже стар! Да уже здесь лет десять прожил, не меньше.

— А по свежему воздуху не скучаете?

— Нет. Когда я продавал напитки на Сорок второй улице, свежего воздуха там не было и в помине, так что не по чему скучать. А здесь мне нравится. И всегда есть что-то новое. Сначала атомные лаборатории, сейчас вот «Пегас». А главное — здесь мой дом. И... всего одна шестая сила тяжести. На Земле у меня все время опухали ноги, когда я стоял за стойкой, а здесь я вешу всего тридцать пять фунтов. Нет, мне нравится здесь, на Луне.

Перевел с английского Ю. ЗАРАХОВИЧ

ВОДА ДЛЯ ВСЕХ

Есть такое понятие «киплинговская Индия» — воспетый Киплингом и ушедший в прошлое экзотический мир раззолоченных раджей, их белоснежных дворцов, темноты, суевений. К штату Раджастан, обширной территории на северо-западе Индии, все это подходило в самой большой степени. Чего-чего, а раджей здесь всегда хватало. Только крупных феодальных владетелей насчитывалось здесь двадцать три, а мелких, с менее звучными титулами, было в десятки раз больше. Отсюда и название штата — «Страна раджей». Еще здесь в избытке была нищета, такая, что даже в Индии изумляла.

Зато воды не хватало всегда. Раджастанский климат очень сухой и жаркий: не редкость плюс пятьдесят, а осадков меньше двухсот миллиметров в год. Три пятых территории занимают пустыни. Сухая раджастанская земля никогда не могла прокормить людей. И сотни тысяч раджастанцев разбрелись по всему огромному полуострову, готовые за гроши на самую тяжелую работу.

В тех же местах, где есть вода, напоенная ею почва родила и пшеницу, и хлопок, и просо. Но все колодцы были собственностью раджей разных рангов. Их богатство и могущество зачастую определялись количеством колодезь, и за каждую каплю воды крестьяне платили ведрами пота. Но и крестьяне пользовались колодцами неодинаково. Неприкосаемые — в каждой деревне был на отшибе их квартал, — безземельные батраки, все имущество которых состояло из узкой тряпки на бедрах, вообще не имели права брать из колодца воду. Ибо их прикосновение осквернило бы источник.

С ведрами, кувшинами, консервными банками сходились они к колодцу и часами могли ждать на солнцепеке, пока кто-нибудь из «высококастовых», сжалившись, не достанет им воды.

И если бы деревенским хозяевам показалось, что их бесземельные батраки недостаточно покорны, деревенский совет — панчат тут же запретил бы доставать для них воду. При раджастанской суши и жаре это означало смерть. Так достигалась полная покорность.

Независимая Индия отменила раджей — они сохранились лишь в названии штата. Однако безводье и нищете отменить куда труднее.

Принято было решение о строительстве Раджастанского канала. Семьсот его километров должны возродить к жизни северо-западную пустыню. Безземельные крестьяне смогут получить вдоль канала участки.

Раджастанские пески готовы всосать любую влагу без остатка. Для канала пришлось разработать особые кирпичи, чтобы облицевать ими русло. Кирпичи делали в далеких от Раджастана больших городах. Обжигали их и в деревенских печах на месте.

Когда раньше копали в деревне колодец, занимались этим специальные мастера, уважаемые люди из высокой касты раджутов. Освящал его брахман-жрец. На стройке канала работают люди разных каст, и те, конечно, которым раньше запрещалось касаться источника воды. Их даже больше, чем других: ведь они всегда берутся за самую тяжелую работу, да и орошенная земля распределяется будет прежде всего среди безземельных.

На стройке это никого не удивляет, кроме разве приезжих социологов, хорошо знавших старую раджастанскую деревню и ее обычаи.

Когда социологи стали проводить среди рабочих опрос, им ответили:

— Колодец принадлежал радже, а копали его только раджуто. А канал все строят, потому что вода его — для всех...

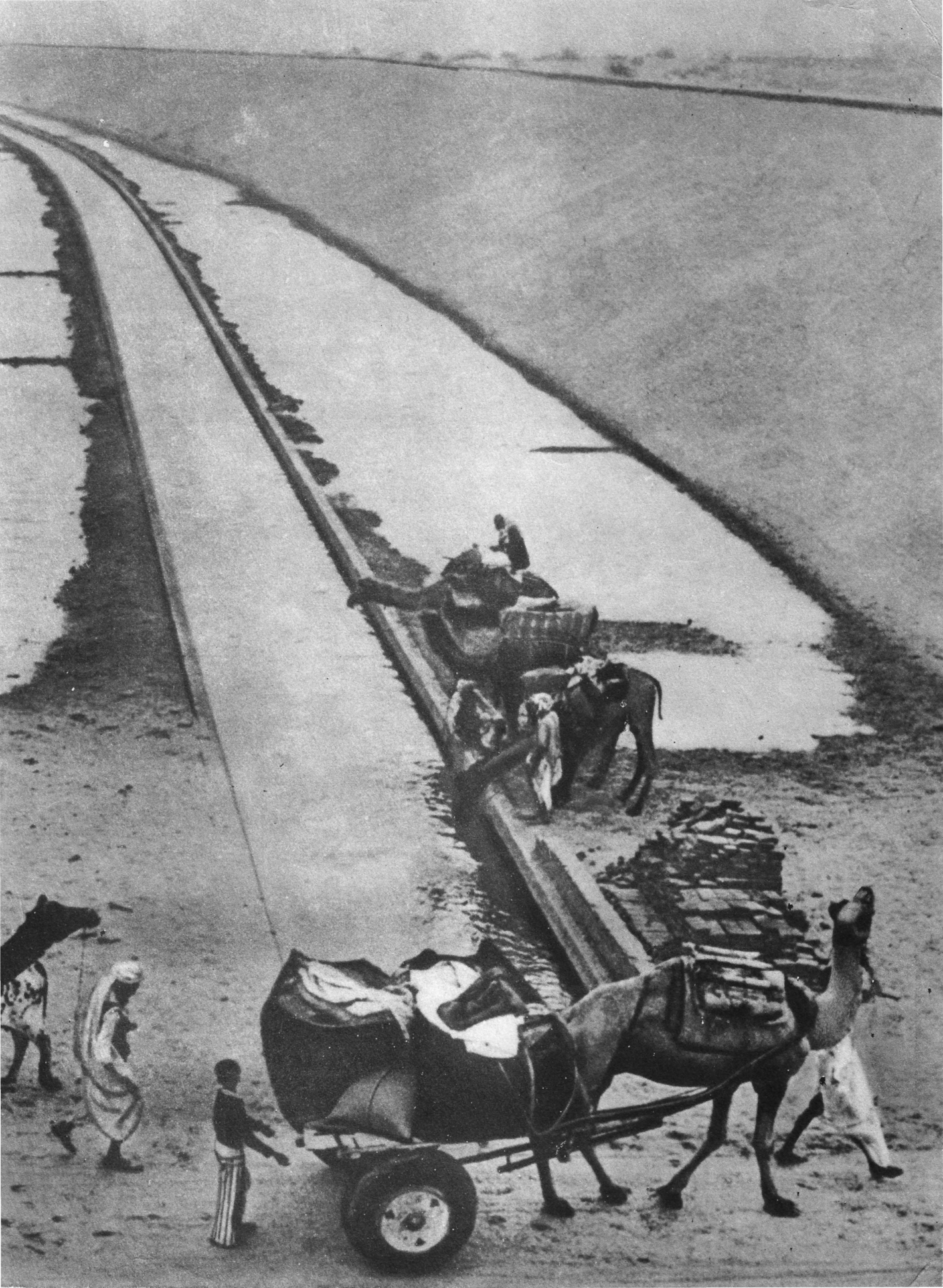
Л. ОЛЬГИН

В номере использованы фотографии из журналов: «Атлас» (Франция), «Нэшнл джеографик» (США), «Обсервер» (Великобритания).

Наш адрес: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны для справок: 285-88-83; отделы: «Наша Родина» — 285-89-83; иностранный — 285-89-56; науки — 285-89-38; литературы — 285-80-58; писем — 285-88-66; иллюстраций — 285-89-36; приложение «Искатель» — 285-80-10.

© «Вокруг света», 1980 г.

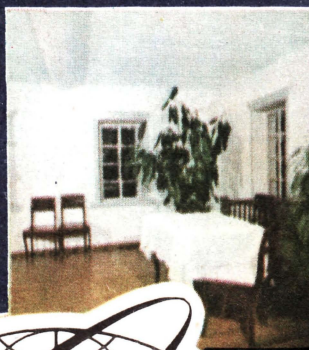
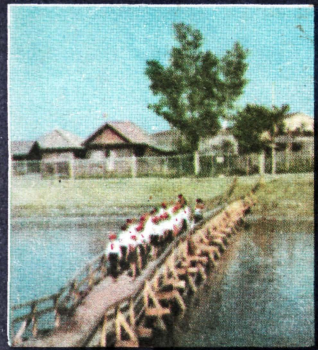
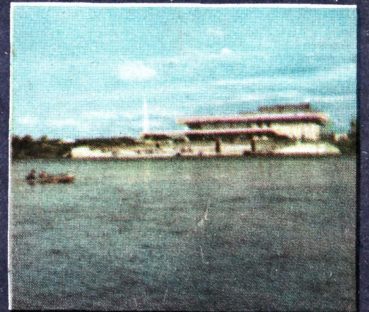
Сдано в набор 05.02.80. Подп. к печ. 12.03.80. А01159. Формат 84×108/16. Печать офсетная. Условн. печ. л. 6,72. Учетно-изд. л. 11,7. Тираж 2 800 000 экз. Заказ 65. Цена 70 коп. Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцеская, 21.

9-11

ВСЕСОЮЗНАЯ ТУРИСТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ
«МОЯ РОДИНА — СССР»

ЛЕНИНСКИЙ МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК В ШУШЕНСКОМ

БЮРО МЕЖДУНАРОДНОГО МОЛОДЕЖНОГО ТУРИЗМА

СССР
Цена 70 коп.
Индекс 70142